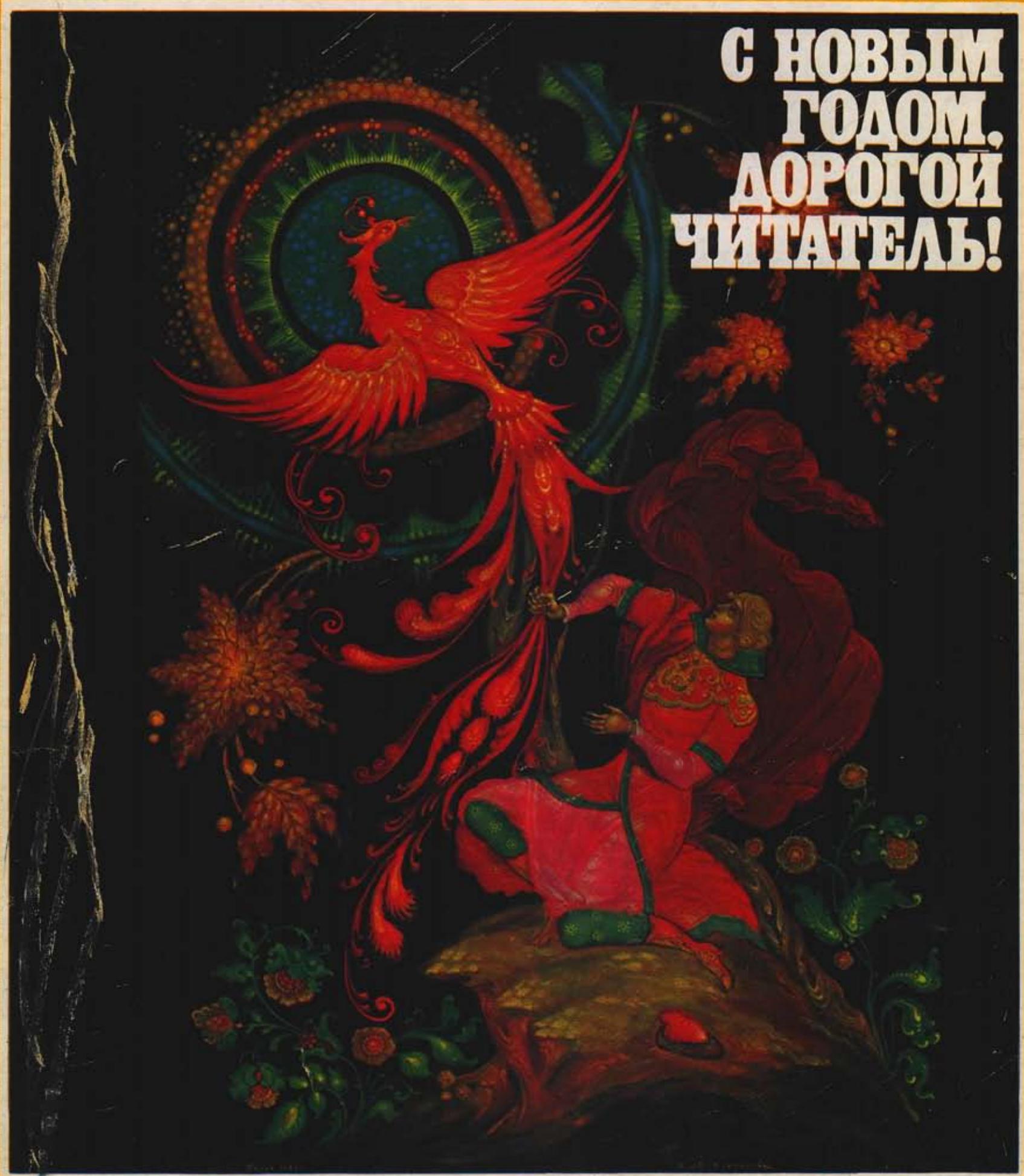

СМЕНА

№ 1 ЯНВАРЬ 1982

**С НОВЫМ
ГОДОМ,
ДОРОГОЙ
ЧИТАТЕЛЬ!**

Для меня прошлой, XVIII съезд комсомола оказался далеко до его открытия. Нахался с мыслью об ударном штурме. Я мечтаю о нем, прилипаю к нему. Была тревога, самозанятость. Хватит ли сил? Характера? Ведь если вынужден в штурм, спросят себя дадут ли быть штурмом.

И вот уже прошлым не один год работы в штурме. С комсомольской путевкой я приехал из Татарии в Нечерноземье, в Горьковскую область. Меша, где я родился, рос, учился, служил в армии, разбросаны по всей стране. Каждое дорогое. Но, наверное, здесь, в поселке Арья Зренского района наступило некое время моей жизни. Здесь я нахожу ответы на вопросы: Кто я есть? Что могу? Зачем живу?

Работать я начал и начал с оживленным жаром и девушками. Мы строили жизнь и очистили отсталую область сельский штурмомый кампаниям. Нам сдружилось наше дело. Человек не чувствует полной чужины, если рядом есть друзья, в которых веришь, с которыми заодно. Я мечтаю о нем.

Это говорить, работа была трудная, подчас выматывающая. Вообще досаждало бездорожье. Но большинство ребят работало и работают не совсем, не чужая себя, как книга.

Они на правильном пути.

А сколько еще впереди дней, которые намечены новизной, XIX съезд комсомола. Каждое из них может стать делом жизни. И надо участвовать в них всем комсомольская путевка.

Владимир Вороков,
каменщик-монтажник, боец Всесоюзного ударного комсомольского штурма имени XVIII съезда ВЛКСМ

АДРЕС:
Горьковская область

ПРОФЕССИЯ:
строитель

КОМСОМОЛЬСКИЙ СТАЖ:
девять лет

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ

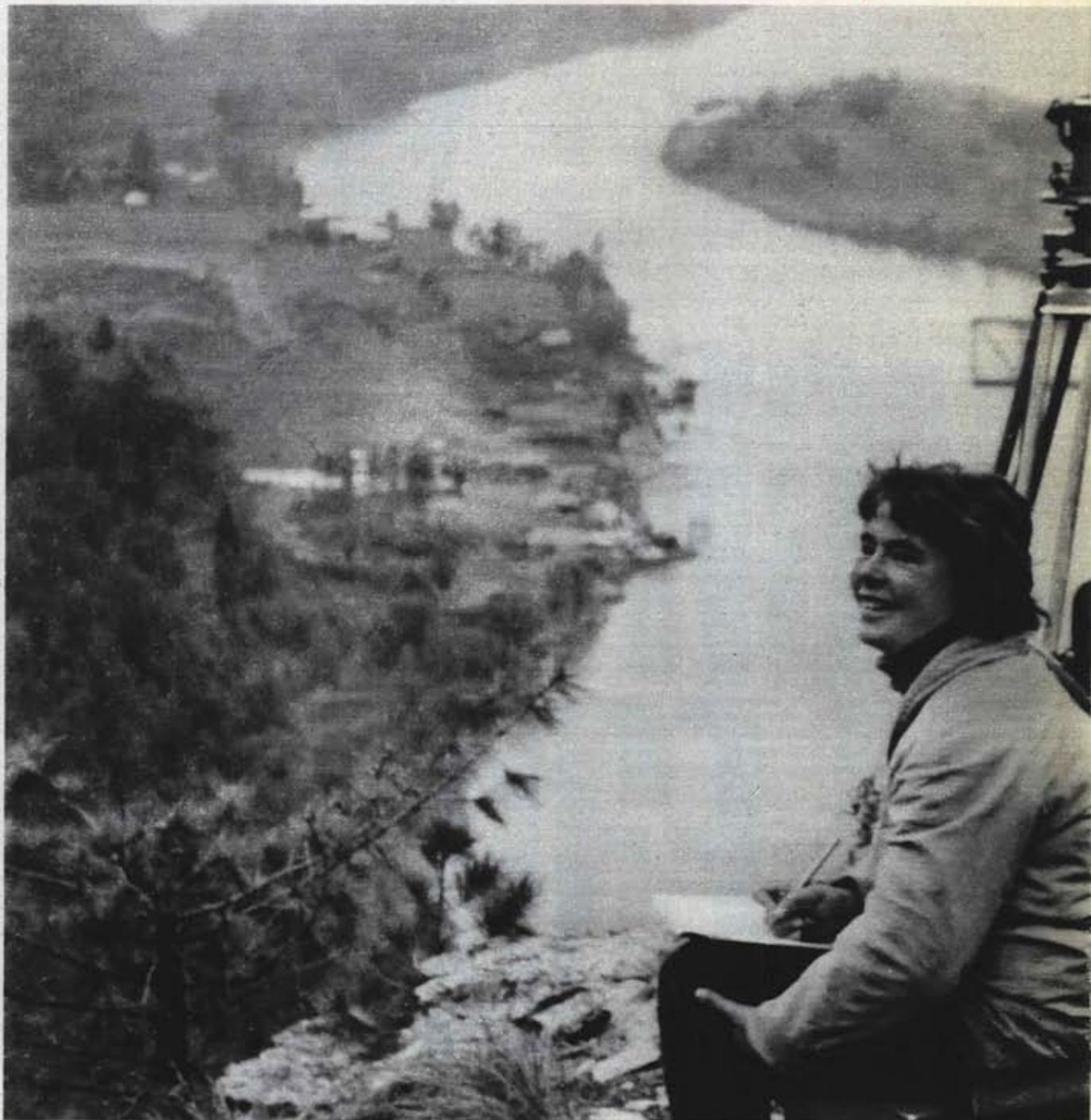
МОЙ СЪЕЗД

КОМСОМОЛЬСКИЙ ЦЕЛЬ — ПРЕОБРАЗОВАНИЕ, АД

Комсомольская путевка стала приметой времени, выражением преданности подрастающего поколения коммунистическим идеалам, стремления юношей и девушек внести свой вклад в развитие экономики страны. За десятую пятилетку на ударные стройки по комсомольским путевкам прибыло свыше полумиллиона молодых добровольцев. Молодежь составляет большую часть строителей объектов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, КамАЗа, Байкало-Амурской магистрали. Хорошо зарекомендовали себя Всесоюзные ударные комсомольские отряды. Они позволяют в короткие сроки укреплять производственные коллективы важных пусковых объектов. За пятилетку комсомольские организации сформировали и направили на стройки 100 Всесоюзных отрядов в составе 80 тысяч человек. Как правило, это квалифицированные специалисты, нужные той или иной стройке. Характерно, что в последнее время отряды становятся все более крупными. Так, участниками Всесоюзного отряда «Молодогвардеец» стало 7 тысяч человек. На базе отрядов создаются комсомольско-молодежные строительно-монтажные управления, поезда, бригады. Их отличают спаянность, организованность, способность быстро осваивать научно-технические новшества, умение поддерживать героические традиции рабочего класса. Эти качества превращают молодежные коллективы в силу, готовую решать задачи строительства в сложных условиях.

Борис ПАСТУХОВ,
первый секретарь ЦК ВЛКСМ

ПЛЕЧО ДОБРОВОЛЬЦА

Владимир ГЛЕБОВ,

бригадир комсомольско-молодежной бригады Нижневартовского управления буровых работ № 2, член Бюро ЦК ВЛКСМ, командир Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XXVI съезда КПСС

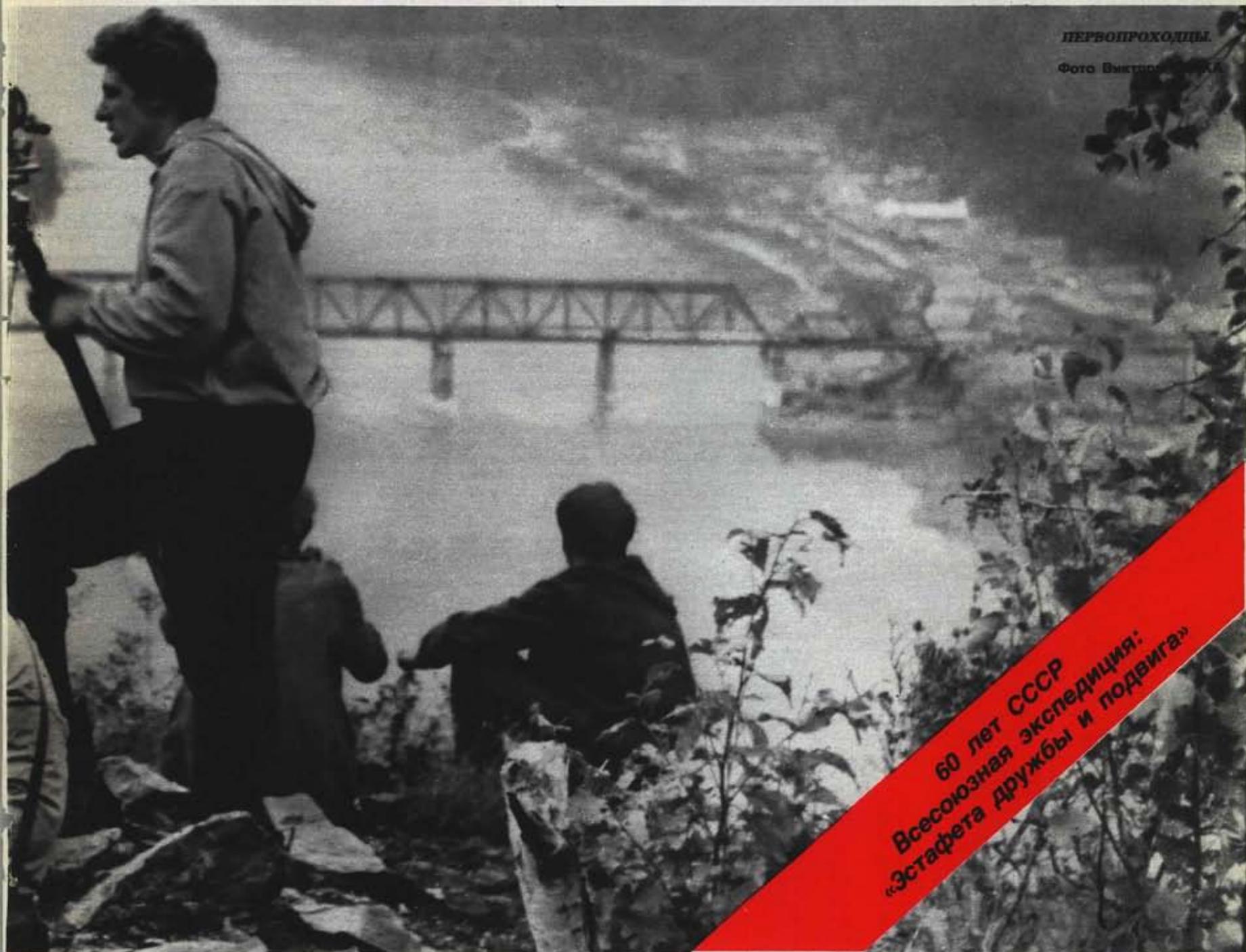
Освоение — феномен и одна из самых замечательных особенностей нашего времени. Явление, своим размахом, результатами и последствиями во многом определяющее жизнь страны.

Как командиру Всесоюзного ударного комсомольского отряда, мне бы, видимо, следовало говорить об освоении в масштабе всей страны. Но ограничусь масштабами Тюменского Севера. Во-первых, потому, что у моего рабочего и жизненного опыта тюменские, а еще точнее, самотлорские корни. Во-вторых, невиданный размах освоения Тюмени позволяет говорить о нем

ДЛЯ ПУТЕВКА: РЕС-РАЙОНЫ ОСВОЕНИЯ

XIX
СЪЕЗД
ВЛКСМ

УДАРНОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Фото Виктора ШИКА

60 лет СССР
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета дружбы и подвига»

как о важнейшем деле всей страны последних лет, вплотную коснувшемся каждого из нас.

В небывало короткий срок здесь создана главная топливная база страны. И работа по освоению Тюменского Севера продолжается, набирает новый размах, становится технически сложнее, все совершеннее качественно.

Процесс освоения, если можно так выразиться, многосоставен. Его итоги не только километры и кубометры. Об этом и хотелось бы сегодня поговорить.

ОСВОЕНИЕ: ДОБРОВОЛЬЦЫ. Освоение — привилегия добровольцев. Их удел, их ноша, их слава, их гордость. На

этом я настаиваю. Знаю, не забыл, что в Тюмень приезжали и приезжают не только влекомые высокими целями и стремлениями подвижники. Приезжают по распределению, по долгу службы, вынуждаемые какими-то жизненными обстоятельствами. Приезжают и те, чья «добрая воля» состоит из одной потребности — заработать. Все так.

И тем не менее я стою на своем: освоение — привилегия добровольцев. Потому что только им оно по силам. Потому что добровольцами с полным на это правом можно назвать лишь тех людей, чей труд одушевлен большой целью.

Двенадцать лет назад буровики Сте-

пана Ананьевича Повха пробурили первую эксплуатационную скважину Самотлора. Была получена первая тонна самотлорской нефти. Неприметный ручеек. Но дорогу ему пробивали в дни, когда мороз напрочь выдавливал ртуть из градусников — за отметку 50. Когда металл становился хрупким и ломким, как стекло. А бригада Повха бурила, работа не замирала ни на миг. Такова была сила, таков накал воодушевления людей: они знали, какой могучей реке нефти прокладывает дорогу их ручеек.

Когда бригада моего учителя Анатолия Дмитриевича Шакшина приехала в Сибирь, ее встретили холод и отсутствие жилья, круговерть организацион-

ных неурядиц и отсутствие какого-либо опыта бурения в тяжелейших условиях сибирских болот. А ведь в Башкирии бригада оставила хорошее жилье, работу, которой славилась на всю республику. Да и зарабатывать в первое, самое трудное время бригада стала меньше, чем в родной Башкирии. Но никто не жаловался, не рвался бежать. Потому что исходили не из этого. А из того, что стране очень нужна нефть, много нефти, и их долг — эту нефть взять.

На Всесоюзных ударных комсомольских стройках сложились многонациональные трудовые коллективы. И они стали хорошим университетом интернациональной и политической закалки.

Наша обложка: работа палехских художников Калерии и Бориса КУКУЛИНЫХ.

- 1** «МОЙ СЪЕЗД». Письмо каменщика-монтажника Владимира ВОРОНОВА.
- 2** XIX СЪЕЗД ВЛКСМ: УДАРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПУТЕВКА: ЦЕЛЬ — ПРЕОБРАЗОВАНИЕ. АДРЕС — РАЙОНЫ ОСВОЕНИЯ».
- 9** Рассказ Владимира ЯКИМЕНКО «ВЕЧНЫЙ РОМАНТИК».
- 12** «НЕБОСВОД ПОД КРЫШЕЙ».
- 13** «СЕРДЕЧНАЯ РАБОТА».
- 14** «ЗАРУБЕЖНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ В «СМЕНЕ». Джеймс ОЛДРИДЖ. «СПРЯЧЬТЕ СПИЧКИ ОТ Г—НА МИНИСТРА!».
- 15** Начало дискуссии «Хочу быть первым». Письмо Александра КОЗАРЯ.
- 16** Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 20** КАК СПОРТ СТРОИТ ЧЕЛОВЕКА. Документальная повесть Станислава ТОКАРЕВА «СЛЕЗЫ И ЛАВРЫ».
- 23** ИТОГИ КОНКУРСА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ. Стихи лауреата конкурса Леонида ПОПОВА. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Стихи американского поэта Уильяма Джек СМИТА.
- 24** ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ. Михаил ИСКРИН. «ЛУКАВЫЙ ПУШКИН».
- 26** Повесть Леонида САПОЖНИКОВА и Георгия СТЕПАНИДИНА «ТРИ ВЕРСИИ».
- 30** «НАКАТАННЫЙ ВАРИАНТ?». Обсуждение проблем, поднятых в рассказе Виктора ШАЛАТОНОВА.
- 31** ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА «СМЕНА»—82. КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?
- 32** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. И. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. И. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда» — «Смена», 1982 г.

Тюмень осваивали сильные люди. Но сильные не просто физически, а сильные своим духом, совестью, характером, своей убежденностью в громадной важности этого дела, своей гордостью участника такого дела. Те, кто по праву считал себя добровольцем.

Приезжали сюда и другие. И судьба их складывалась в зависимости от того, принимали ли они смысл и цели, казалось бы, неподъемной работы, что была здесь.

Вот что говорил об этом бывший руководитель Тюменской областной партийной организации, ныне министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Борис Евдокимович Щербина:

— Суровые природные условия, высокая гражданская ответственность каждого участника общенародного дела по освоению богатств Севера для дальнейшего расцвета экономики страны, атмосфера строгой оценки людей по их трудовым и нравственным качествам — все это создает в Тюмени особую систему социально-психологического отбора людей.

ОСВОЕНИЕ: УДАРНЫЕ ОТРЯДЫ. Западная Сибирь сейчас по праву называется краем комсомольского подвига. В ее достижениях огромную роль сыграла комплексная программа шефства комсомола над развитием края. Сейчас трудится в основном молодежь. Молодые наши города. Адресом 19 Всесоюзных ударных комсомольских строек стала Тюменщина. И это естественно и закономерно. Таковы у нас условия работы. Для того, чтобы вести ее успешно, необходимы инициатива, смелость, настойчивость. Чтобы решить многие проблемы, нужно отказаться от традиционного подхода к ним. Не бояться новых методов, небывалых сроков, знать современную технику. А все это качества молодых. К тому же молодых привлекает то, что условия и обстоятельства здесь зачастую требуют самостоятельности, умения взять ответственность за судьбу дела на себя.

Недолгая, но бурная история освоения Тюмени показала, что одна из самых эффективных форм общественного призыва молодежи на новые места — ударные комсомольские отряды. Но эта же история подсказывает, что необходимо для того, чтобы у ударного отряда сложилась настоящая рабочая судьба.

Необходимо прежде всего повысить ответственность каждого, кто причастен к отряду. Ответственность вступающих в отряд. Ответственность тех, кто занимается его формированием. Ответственность тех, кто принимает отряд, обеспечивает его работой.

И тут сразу вспоминается. Прибыл в Тюмень ударный отряд, а уже через несколько дней в комсомольский штаб стройки пришли несколько «бойцов»:

— Отпустите домой. Хотим уехать...
— В чем дело? Почему? — спрашивает. — Может, работой не обеспечили?
— Да нет, — отвечают «бойцы». — Холодно у вас.

— Что?
— Холодно.
— А что же вы хотели — все-таки в Сибирь ехали!

Молчат. Так они и убежали от сибирских холодов.

А о чем они думали, когда вступали в отряд, разные красивые слова говорили?

Или другой случай. В Москве разговорился с парнем, он как раз ехал в наши края. Здоровый такой, сильный парень, шофер. Я еще подумал, что такие как раз и нужны. И тут он спрашивает:

— А машину, хорошую, новую, мне сразу дадут?
— А почему обязательно новую?
— Мне так обещали, когда в отряд записывался.

Я ему этого обещать не стал. Подумал только, что не с того парень начинает. Комсомольская путевка дает только од-

но право — на работу, а не право на какие-то привилегии и послабления. Это должен знать каждый, кто хочет связать свою судьбу с ударным комсомольским. Из этого должны исходить товарищи, формирующие отряды. Считаю, что нужно честно настаивать ребят на главном — на непростую работу, предупредить о предстоящих трудностях. Не стремиться лишь бы да как бы набрать отряд — и с плеч долой. Ведь торжественным отъездом на места работы судьба отряда не заканчивается, только начинается.

Приглядываясь к ребятам из своего отряда имени XXVI съезда КПСС, я с удивлением убеждался, что люди в нем собрались подходящие. Многие с самыми нужными строительными специальностями, знающие, куда едут, с какой целью и что их ждет. И можно быть уверенным, что дела у бойцов из Смоленской области пойдут хорошо: в этом составе они работали на стройках Смоленщины, побывали и в Тюмени, уже представляют, что где здесь стоит.

Очень многое зависит от хорошего начала. Не легкого, а именно хорошего. Преодолеть, перетерпеть первые трудности, врататься в общий ритм Тюменщины, добиться, чтобы работа пошла, — и все будет нормально. Тем более что на этот раз к встрече отряда очень серьезно готовились.

Накануне приезда отряда я присутствовал на заседании штаба ЦК ВЛКСМ по обустройству Самотлора. Были заслушаны руководители всех подразделений, которым предстояло встретить отряд, обеспечить соответствующий фронт работ. В полной готовности были удобные, благоустроенные общежития. Так что не грозила ситуация, при которой, приехав в Тюмень, столь нужные здесь строители, сами оказавшись без жилья, окор поворачивали обратно. Знаю, что так же ответственно готовились к встрече отряда и в других местах.

Каким мне представляется будущее отряда? Сохранится ли он как единая цельная единица? Какого-то времени. А затем по мере вживания он будет дробиться, вливаться в местные производственные коллективы. И это естественный процесс. Годами сохранять отряд как отдельное ядро часто и трудно и нецелесообразно. И все-таки возникающие и сложившиеся еще на местах формирования внутриотрядные связи бывают так прочны и так нужны человеку для успешной работы, что здесь есть чем дорожить. Поэтому, думается, стоит заранее составлять внутри отрядов жизнеспособные микроколлективы — звенья, бригады, которые, и влившись на местах в крупные подразделения, сохранялись бы как производственные единицы. Сплоченные, крепкие, где люди по-настоящему близки. Вспомним: прославленные бригады Шакшина и Левина приезжали в Тюмень в полном составе. В таком же составе работали долгие годы. И именно это было одной из причин их замечательной работы. Притяжение бригады складывалось с притяжением Тюмени. Против них слабы оказались все трудности.

ОСВОЕНИЕ: РАБОТА. Собственно, два эти слова можно без всяких оговорок считать синонимами. В местах особо трудного освоения, каким было освоение Самотлора, в этот ряд становится и слово «жизнь». Если тут и есть натяжка, то весьма незначительная.

Жизнь становилась работой, а работа жизнью, потому что только на таких условиях соглашался отдать свои богатства Самотлор. Студеный, замороженный, заболоченный, без дорог и жилья, он сначала мог предложить освоителям одно — работу. И они соглашались на это, шли на это. Но не только потому, что другого выхода не было, а еще потому, что знали и верили: ради работы такого накала, размаха и важности стоит жить. И вряд ли кто смог бы доказать им, что такая жизнь неинтересна, ущербна, утомительна.

Сейчас Самотлор во многом стал другим. Есть возможность строить работу размеренно, есть чем заняться после работы. Но по-прежнему работа здесь определяет жизнь. Если ты нашел себя в работе, если она интересна, если она захватывает тебя, — считай, и жизнь получается. Нет — не складывается у тебя жизнь. Да и как ей сложиться? Живешь ты среди людей. Среди людей, которые судят о тебе по тому, как работаешь, прежде всего. А если у тебя к работе нет интереса или интерес один — длинный рубль, такое сразу заметят и не простят.

К работе в Тюмени отношение особое.

Прибыли к нам в бригаду в прошлом году два студента Тюменского индустриального института на практику. Потом узнали: специально в нашу бригаду просились — известная бригада, значит, и заработать можно больше. А работать сами не умеют, а главное, не хотят. Выйдут на буровую — всей вахте настроение испортят. А кончилось тем, что, не дожидаясь конца практики, сбежали. Ну, тут бригада вся на дыбы встала: за такое наказывать надо! Написали в деканат обо всех художествах этих будущих «нефтяников». Надеемся, там приняты соответствующие меры. И жалко их никому не было. Надо уважение к работе воспитывать. Какой бы от них был через пару лет толк на буровой? Один вред.

А вот из совсем еще юной Наташи Кабакиной, думается, вполне может стать настоящая северянка получиться. Хотя приехала она к нам сразу после окончания школы из Средней Азии. И холодно было, и работа лабораторная на буровой непросто давалась, но Наташа терпела, главное, старалась, и дело пошло на лад. Сейчас она в бригаде свой человек, пригласят на Север одноклассников.

Кстати, недавно мы с Анатолием Дмитриевичем Шакиным были в нашей подшефной школе № 6, разговаривали с десятиклассниками. Конечно, больше всего нас интересовало, сколько ребят, которым уже совсем немного оставалось до вступления во взрослую жизнь, хочет связать свою судьбу с профессией нефтяника. Оказалось, что достаточно много. Вроде бы только радоваться надо, но... Но почти все они решили идти в нашу профессию через институт. А ведь можно поступить и иначе.

Можно сразу пойти работать на буровую. Заняться делом практически. И при необходимом старании и терпении уже через год стать довольно приличным буровиком. Или... не стать им и понять, что эта работа не по тебе. Ведь куда печальнее обнаружить это, когда за плечами несколько лет в институте.

Другой момент — ребята смутно представляют себе, насколько сложен сейчас процесс добычи нефти, ее обработки. Знают только, что есть бурильщики, помбуры, мастера. А сколько в нефтяной промышленности других жизненно необходимых специальностей! Высокотехнологичные, машинисты-дизелисты буровых установок, слесари по обслуживанию буровых, операторы по добыче нефти и газа, электросварщики, геофизики, тампонажники... И все они имеют дело с новейшей техникой, со сложнейшим оборудованием. Есть где приложить и силы и знания.

ОСВОЕНИЕ: СОРЕВНОВАНИЕ. На торжественном митинге в сентябре 1980 года — Самотлор отмечал выдающиеся достижения буровиков бригады Героя Социалистического Труда Геннадия Михайловича Левина: впервые в отечественной практике они дали на тюменской земле миллионный метр проходки — я спросил Геннадия Михайловича:

— Не собираетесь после такого уходить из бригады?

Знал, что тянут его на повышение. — Уйду, — сказал Левин, — когда другие нас обойдут. За спинами других тащиться не стану, не привык.

Вот таков накал соревнования на Самотлоре, такова его температура. За-

то и результаты такого соревнования говорят сами за себя. Средняя выработка на буровую бригаду по стране — 10—12 тысяч метров в год. По Тюменскому главку она — 45—48 тысяч метров. А бригада Левина в прошлом году прошла 100 тысяч метров досрочно.

Соревнование — нормальное состояние человека, почувствовавшего мастерство, знающего его силу и желающего идти дальше в своем деле. Мастер не таит свое умение, он предъявляет его во всем размере. Потому что оно приносит пользу. Потому что это — первое дело в его жизни.

А не останавливаться, идти дальше можно, только сравнивая свою работу с работой лучших. Наша бригада официально соревнуется с бригадой Раиса Сабагатуллина. Между нами заключен договор, регулярно подводим итоги. А вот негласно, так сказать, мы еще соревнуемся с комсомольско-молодежной бригадой Степана Осадца из управления № 1. Заинтересованно и, что уж греха таить, ревниво относимся к их успехам. Постоянно сравниваем их работу со своей. Потому что это самый точный отчет. Бригада у Осадца сильная, сам он был помощником у Левина, зачем же нам на кого-то послабее равняться? А эти ребята успокоиться, почивать на лаврах не дадут. Чуть замешкался — уйдут вперед.

Именно соревнование сделало Самотлор настоящей школой, куда сейчас приезжают учиться мастерам со всех концов страны. Перенимают опыт, приемы, методы работы, открытые, обкатанные нашими мастерами.

Самотлор восприимчив к новому. Он тянется к нему. Требует его. У нас всегда откликнутся на каждое новое изобретение, усовершенствование, всегда с готовностью испытают его в деле и выскажут свои соображения, как довести его до ума. Жаль вот только, не всегда к нашим выводам соответствующе относятся. Испытывали мы в прошлом году новые долота — куйбышевские. Мнение было единодушным: хороший инструмент, надо налаживать выпуск. А завод решил еще больше улучшить долота. А работать они стали хуже. Мы говорили: не надо их больше «улучшать». Завод все-таки еще над ними поработал: теперь они ни в какое сравнение с теми, что мы испытывали, не идут — гораздо хуже. Вот и просим: вернитесь к старым.

Отношение к соревнованию на Самотлоре не терпит формализма. С другой стороны, у нас не уважают и безответственного ухарства, обязательств, не опирающихся на точный расчет. Мы принимаем свои обязательства в бригаде только после по-настоящему делового обсуждения, после того, как взвесили свои возможности с помощью специалистов. И решили: каждая наша скважина должна иметь комсомольскую гарантию, должна быть только отличного качества. За счет экономии материалов и энергоресурсов решили вместо 65 тысяч метров по плану пробурить 70 тысяч метров скважин.

Настоящее соревнование раскрывает возможности, особенности каждой бригады. Наша, например, предпочитает не спринтерские рывки время от времени, а ровную, ритмичную работу в течение всего года. Это позволяет особо относиться к качеству скважины, думать о том, как она будет служить нефтедобытчикам, когда бригада переедет на новое место. Есть такие, что гонят метры проходки, интересуются только, сколько залплатят за рекордные метры. Нам же нужны только такие метры скважин, из которых нефть не будет уходить в грунт, пропадать зря. Но есть бригады, что и при самой темповой проходке не теряют на качестве. Что ж, у них свой стиль. Есть чему учиться.

Кстати, обмен передовым опытом, его широкое распространение тоже обязательное условие полноценного социалистического соревнования. И как ни

велики успехи самотлорских нефтяников, мы не относимся свысока к опыту других. Недавно нам предложили заключить договор о соревновании с бригадой буровиков Фарахова из Стржевого Томской области. Думаю, такое соревнование и нас и их чему-то научит.

В ответ на решения XXVI съезда партии мы выступили с новой инициативой — соревноваться среди коллективов ударных комсомольских строек за право участвовать в почетной вахте по добыче в Тюменской области ежегодно миллиона тонн нефти и миллиарда кубометров газа.

Но надо сразу сказать: выполнение наших обязательств будет во многом зависеть от наших смежников и заводо-поставщиков. Сегодня свыше 500 предприятий заключили с тюменцами договоры о шефстве над поставками. И, как правило, большинство поставок выполняется своевременно. Однако по-прежнему нашим стройкам недостает цемента и кирпича, железобетона и труб. Буровики испытывают недостаток в новой аппаратуре и совершенном буровом инструменте. Так уже почти десять (!) лет никак не может «прижиться» на промыслах автоматическая станция контроля за параметрами бурения, применение которой сулит огромный эффект. Лучшие бригады успешно испытали станцию, разработанную молодыми инженерами Нижневартовска. Но в серию она так и не пошла. Причина — ведомственные неувязки. Своё слово в этой ситуации должны бы сказать министерства нефтяной промышленности, приборостроения и средств связи. И еще: наши геологи давно уже ждут, когда Министерство тяжелого и транспортного машиностроения возьмется за создание установок для работы в условиях Заполярья, монтаж которых осуществлялся бы в кратчайшие сроки.

ОСВОЕНИЕ: ДОМ НА ЗЕМЛЕ. Суть освоения нефтяных и газовых районов Западной Сибири не только в том, чтобы вырвать у этой земли нефть, газ, другое ценнейшее сырьё, но и в том, чтобы одновременно обжить эту землю, обжить прочно, навсегда. Чтобы миллионы людей она стала родным домом. А для этого человеку нужен прежде всего сам дом. Теплый, уютный. Таких домов у нас по-прежнему не хватает. Их просто пока мало. Строят, но недостаточно. По-прежнему ножицы между промышленным и социально-бытовым строительством существуют. И ножицы эти зачастую вносят безжалостные коррективы в темпы освоительных работ — и прежде всего прорезают дороги текучести кадров. Этому бичу новостроек.

Между тем сейчас человеку, чтобы чувствовать себя удобно и уютно, чтобы жить полноценной жизнью, уже мало только крыши над головой. Пусть даже и прочной. Нужны кинотеатры, дворцы культуры, центры отдыха, библиотеки. Собственно, список этот известен каждому. Известен, но в наших местах существует зачастую как бы отдельно от реальной жизни. Смешно вспомнить, сколько лет строили единственный в Нижневартовске кинотеатр. В городе со стотысячным населением! Но решает ли он проблему? Мне повезло — я еще иногда хожу в кино: сын достаточно подросток, и его энтузиазма хватает на то, чтобы отстоять несколько часов в очереди за билетами. А другие просто не могут туда попасть.

Помню, как мы приехали в маленький поселок Тюльдинский. Вышла я из автобуса, вдохнула, а воздух такой чистый и свежий, как дома у меня, на родине, в Горьковской области. Только там воздух клубов пахнет, а здесь — тайгой.

Уходили на север, восток и запад первые строительные дисанты. На освоённых у тайги площадях вырастали новые поселки, появились первые стальные километры.

На БАМе строят не только дороги. Здесь воспитывается человек, устремленный в будущее. Для многих из нас БАМ уже стал дорогой и большой жизнью.

Татьяна ВАСИНА,
делегат XVIII съезда ВЛКСМ

СЕВЕР

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат
экономических наук

Нигде в мире освоение Севера не проводится в таких гигантских масштабах, как в Советском Союзе. Причем с каждой новой пятилеткой Север играет все более важную роль в судьбах страны. Освоение Севера — этого огромного по площади и природным богатствам региона — стало поистине делом молодежи. Не зря в последнее время о Севере говорят: «Земля молодых».

В освоении Севера много успехов, но и не меньше проблем. Их решение делает хозяйственные достижения в этих районах еще более великими. Но ведь, кроме этого, Север — это еще судьбы миллионов людей, приезжающих сюда молодыми, — строить не только промышленность и дороги, но и собственную жизнь. Север наполняет жизнь многих высоким смыслом. И дает развернуться в полную силу.

ЧТО ТАКОЕ СЕВЕР?

Каждый знает — часть света. Это с точки зрения математической географии. А с социально-экономической точки зрения это громадные территории с экстремальными природными условиями, где природа очень осложняет жизнь и хозяйственную деятельность человека. И это не только территории в высоких широтах. Официальное наименование Севера звучит так: «...районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера». Крайний Север — это то, что за Полярным кругом. «Приравненных» к Северу местностей значительно больше. В такой местности находится, например, и Комсомольск-на-Амуре, лежащий на широте Киева, города в нашем представлении совсем южного. Советский Север — это половина территории страны — целых 11 миллионов квадратных километров тайги, тундры, полярных пустынь — равнин и гор, у которых едино только одно — трудные условия жизни и хозяйственной деятельности.

В европейской части страны Север протягивается сравнительно узкой полосой, а за Уралом его граница круто отклоняется к югу, в него входит почти вся Восточная Сибирь, а на Дальнем Востоке Север в некоторых местах спускается до государственной границы. Север — это почти две трети территории Российской Федерации.

Север — это громадные, по преимуществу безлюдные пространства. К началу 1981 года здесь проживало около **восьми миллионов** человек. Это меньше, чем в одной Москве.

Север — это гигантская кладовая природы. Это уголь, нефть и газ, руды, могучие реки и необъятные леса, богатые рыбной прибрежной морью и многое другое.

Успешное освоение этих богатств — одно из главных условий успешного развития народного хозяйства страны в целом.

БОЛЬШОЙ СКАЧОК

Усиленное освоение Севера началось еще в предвоенные годы. Однако масштабы и темпы освоения особенно высокими были в 70-е годы. Это в значительной мере было связано с открытием на Севере залежей нефти и газа, с созданием здесь мощной нефте- и газодобывающей промышленности.

Вот как изменилось производство главных видов промышленной продукции Севера с середины 60-х годов по 1979 год.

Производство важнейших видов промышленной продукции на Севере

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.
Электроэнергия, млрд. квтч	30	44	68	102
Нефть, млн. т (включая газовый конденсат)	6	42	161	304
Естественный газ, млрд. кубм	1	18	58	145
Уголь, млн. т	31	35	37	43
Вывозка древесины, млн. кубм	42	58	73	71
Рыбные консервы, млн. усл. банок	187	264	529	805

Как видим, за девять лет прирост добычи нефти составил 262 миллиона тонн. Это столько, сколько страна в целом добывала в 1965 году. Это в три с половиной раза больше, чем было добыто в стране нефти в 1955 году.

Да и по общему объему промышленного производства Север шел куда более быстрыми темпами, чем страна в целом.

Именно в 70-е годы в Западной Сибири создана главная топливно-энергетическая база страны.

А кроме того, построены железные дороги в Западной Сибири, развернуто и подошло к решающему рубежу сооружение Байкало-Амурской магистрали; начато широкое освоение громадной зоны БАМа.

Все это сделано главным образом руками молодежи, стекающейся на Север буквально из всех районов страны.

СМОТРИТ В ЗА

ВСТАЛИ НОВЫЕ ГОРОДА

Население Севера растет много быстрее, чем по стране в целом. За пятнадцать последних лет оно выросло в полтора раза, по стране — едва на 15 процентов. Причем растет оно главным образом за счет миграции.

Там, где промышленность развивается особенно быстро — как в Среднем Приобье или в юго-западной части Якутии, — население за считанные годы возрастает многократно. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе за 20 лет, между переписями населения 1959 и 1979 годов, население выросло в пять раз! Здесь стремительно возникло целое «созвездие» городов и поселков. К настоящему времени два из них стали большими. К началу 1980 года в Сургуте проживала 121 тысяча жителей (в 1959-м — 6 тысяч), в Нижневартовске — 122 тысячи (в 1959-м здесь была небольшая деревня). Теперь это опорные, базовые города нефтяной промышленности, опираясь на которые осваивается множество вновь открываемых месторождений.

Вот как выросло число жителей и городских поселений Севера с середины 60-х годов:

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.
Население, млн. чел., на конец года	5,3	5,9	6,8	7,7
Города и поселки городского типа	359	365	397	433

Как видим, во второй половине 60-х годов население Севера возросло на 0,6 миллиона человек, в первой половине 70-х — на 0,9 миллиона и на столько же — всего за четыре последних года. Также, как видим, скачок. А особенно хорошо виден он по росту числа городских поселений. За первые пять лет их число возросло всего на 6, за вторые — на 32, за последние 4 года — на 36. Для последних лет это четверть всего прироста городских поселений страны (хотя население Севера — всего 3 процента союзного). К сожалению, в качественном отношении северные города и поселки — в подавляющем большинстве случаев — ни сердца нашего не радуют, ни глаз. Рождаются они трудно и вырастают подчас некими уродцами. Вот здесь-то и завязывается один из главных узлов северных проблем.

НЕ ТРУДНО ПРИВЛЕЧЬ —...

Север сейчас чрезвычайно популярен. В комитетах комсомола многих предприятий, строек вам покажут стопки писем с запросами — нельзя ли приехать, какая найдется работа, как будет с жильем и т. д. Но людей нужно много меньше, поэтому многие не получают желанных для них ответов.

Что же так влечет человека на Север? Скажем сразу: разных людей — разное.

Несколько лет назад я приводил по этому поводу в журнале «Смена» статистику. Не буду повторяться, скажу лишь: мотивы приезда на Север многообразны, сложно сочетаются, романтические устремления не противоречат житейским расчетам; преобладают интересы материальные. Но бывает, что едут и «за туманом и за запахом тайги», бывает, что бегут от несложившейся семейной жизни, в расчете устроить здесь свою «личную жизнь» (на Север, в частности, приезжает немало матерей-одиночек), а то и потому, что надоела обыденщина — по принципу «хоть гирше, та ише».

Проблема привлечения работников на Север была некогда очень острой. Но к настоящему времени сложилась очень эффективная система этого привлечения, в основе которой — так называемые «северные льготы» (хотя «льготы» здесь слово неудачное — это скорее компенсации). Это разного рода надбавки к заработной плате — районный коэффициент, северные надбавки, надбавки за работу на трассе (при строительстве нефтегазопроводов, дорог), полевые и т. д. Это большие ежегодные отпуска, с оплатой проезда к месту проведения отдыха раз в три года предприятием. Это бронирование жилья там, откуда человек приезжает на Север. Это право раннего выхода на пенсию и т. д.

Привлекает Север и того, кто хочет заработать «на кооператив», и того, кто едет «за колесами», да и самого отъявленного романтика и бесребреника эти «льготы» совсем не отпугивают.

...— ТРУДНО УДЕРЖАТЬ.

На Север многие желают приехать. И очень многие приезжают — во много раз больше, чем это видно по приросту

населения. Ибо подавляющее большинство вновь прибывающих идет на замещение тех, кто уезжает. Для того, чтобы один человек остался на сколько-нибудь продолжительное время, нередко нужно, чтобы через город прошло три — пять и больше человек. Чтобы в какой-то мере гарантировать себя от нежелательного одновременного ухода очень нужных им людей (с опытом, квалификацией и т. д.), предприятия со

многими из них заключают договоры на три года. Заключившие договоры получают «подъемные» и некоторые другие льготы. Но вот кончается срок действия договора. Что происходит? Обычно человек уезжает — или сразу, или некоторое время спустя. На строительстве Байкало-Амурской магистрали несколько лет назад после окончания срока договора уезжало сразу около половины работников, а многие другие рассасывались постепенно. Более того. Однажды, проехав по трассе, я обнаружил в каждом поселке приказы — не оформлять выдачу талонов на автомашины тем, у кого не окончился срок договора, ибо, получив такой талон, некоторые немедленно уезжали (поясню, что на БАМе существует система постоянных отчислений на автомашину из зарплаты; когда набирается нужная сумма, человек получает талон, по которому он может приобрести (получить) автомашину в любом городе страны, где они продаются).

Север очень резко выделяется в стране по интенсивности миграции населения. А это сильно сказывается на эффективности труда — его производительности и качестве. Поскольку выбывают с Севера люди более квалифицированные, чем прибывают. А кроме того, выбывают люди, адаптированные к местным условиям — климатическим и прочим, а прибывают, понятно, неадаптированные. Поясню, что на Севере новый человек обычно год-два чувствует себя неважно физиологически: бессонница, сердцебиение, одышка, быстрая утомляемость и т. д. Это сказывается и на производительности, и на настроении, и на всей жизни вообще.

Почему же люди, рвавшиеся на Север, едва его хлебнув, стремятся нередко обратно?

ЧЕМ МОЖНО ЗАКРЕПИТЬ?

Привлечь можно «льготами», о которых у нас уже шла речь. А закрепить — только хорошими условиями жизни. Ни высокая зарплата, ни длинные отпуска, ни многое другое не соблазнят человека, если жить ему приходится в условиях, характерных для многих городов и поселков Севера, — в вагончиках или балках, с явным дефицитом детских учреждений, с пока еще недостаточно развитой сетью медицинского обслуживания, без условий для развлечения и т. д. Разумеется, подавляющее большинство наших людей глубоко сознательны. И хорошо понимают, что «Москва не сразу строилась», что «стране нужна нефть», что «главное — это дорога» (на БАМе), что... Но ясно также, что в нынешних объективных условиях необходимо гораздо более усиленными темпами преодолевать то громадное отставание быта, которое сложилось в подавляющем большинстве наших северных городов и поселков, — хоть по сравнению с производством в тех же самых поселениях, хоть по сравнению с бытом в других районах страны.

Замечу, что партия давно и настойчиво обращает внимание наших хозяйственников на эти вопросы. В решениях еще XXIV съезда партии были записаны очень важные пункты о преимущественном жилищном строительстве в восточных районах страны — именно ради привлечения и закрепления в этих районах трудовых ресурсов, о ряде других преимуществ, которые надо предоставить этим районам (коэффициенты к заработной плате для всех работников и т. д.), которые и были предоставлены за истекшие годы.

В отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии по этому поводу сказаны очень точные слова: «В разных районах нашей огромной страны культурно-бытовые условия жизни людей неодинаковы. Именно такие различия нередко осложняют положение с трудовыми ресурсами в ряде мест. Осуществление программ освоения Западной Сибири, зоны БАМа, других мест в азиатской части страны увеличило приток населения туда. И все же люди до сих пор зачастую предпочитают ехать с севера на юг и с востока на запад, хотя рациональное размещение производительных сил требует движения в обратных направлениях. Иногда полагают, что достаточно увеличить надбавки к зарплате в Сибири, на Дальнем Востоке и в северных районах — и люди оттуда не будут уезжать. Человек уезжает, скажем, из Сибири чаще всего не потому, что ему не подошел климат или мал

заработок, а потому, что там труднее получить жилье, устроить в детский сад ребенка, мало культурных центров... Все согласится с тем, что положение здесь надо изменить, причем в ближайшее время!»

Как и почему возникло и углубляется отставание Севера по социально-бытовым условиям?

ДВЕ ДИСПРОПОРЦИИ

Во всех лично мне известных северных городах и поселках существуют две острые диспропорции: между строительством основных производственных объектов и жильем и между жильем и всем остальным «соцкультбытом» (магазины, клубы, детские учреждения и т. д.). Так что основному производству, в том числе и самому строительству, часто не

исследователи в чем-то ошиблись, пусть они слишком оптимистично настроены и не увидели каких-то «оврагов» («Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...»), пусть избыток по сравнению с оптимальным положением не четвертой, а всего двойной... Какая бы это была громадная народнохозяйственная экономия, если бы на Севере проживало не восемь, а всего четыре миллиона человек! Ведь содержание человека на Севере обходится в два-три, а то и в четыре раза дороже, чем в умеренных широтах.

Но при чем здесь тогда плохой быт? Почему он-то увеличивает количество работников?

Да потому, что именно из-за этого быта с Севера уезжает много сравнительно квалифицированных и адаптированных к местным условиям работников, которые заменяются молодыми энтузиастами без профессии или должной квалификации. Пройдет несколько лет, эти люди и адаптируются и резко повысят свою профессиональную подготовку, но к этому времени они женятся, у кого-то заведется ребенок, а семья попросту не может жить в тех условиях, которые в какой-то мере удовлетворяют одиноких молодых людей (жизнь в балке или общежитии, питание в общепите и т. д. и т. п.). И эти вновь уедут, а на их место вновь придут молодые и т. д. А низкая квалификация и недостаточная адаптированность к местным условиям — это низкая производительность труда и плохое качество работ. Низкая производительность — это потребность в дополнительном количестве работников. А дополнительные люди — это дополнительные трудности с бытом, это дополнительная неудовлетворенность, это отъезд с Севера — круг, как видите, замыкается. Разорвать его можно только одним способом — резко подтянуть бытовые условия северян.

Разумеется, потребность в рабочей силе порождает не только проблемы быта, но и многие другие.

Техника. Повторю, что нигде Север не осваивается в таких гигантских масштабах, как в СССР. Однако специальной техники, приспособленной к специфическим условиям Севера, до сих пор пока почти нет. Вопрос этот — с длинной «бородой». Я хорошо помню доклад о состоянии с северной техникой, который мне довелось услышать в Сибирском отделении АН СССР еще в 1958 году. — это было первое, что я услышал, приехав в Новосибирск молодым специалистом, — наверно, потому доклад и запомнился. Говорилось о том, что нет специального металла, который мог бы выдерживать морозы Севера — отсюда частые аварии подъемных кранов и других механизмов, что нет хладостойкой резины, нет специальных масел, нет, нет... Приводились цифры потерь — по нынешним масштабам скромные, а по тогдашним внушительные, говорилось, что пора создавать специальную технику в «северном исполнении».

Пока почти ничего в этом направлении не сделано. Почему — этот вопрос требует специального рассмотрения. Но дело подчас доходит до курьезов. Зимой по ночам во многих местах на Севере можно встретить группы заведенных автомашин. Как заведут поздней осенью, так и работают моторы до весны — если остановится, то на северном морозе его почти невозможно завести. Ну, а отсутствие на Севере «северной» техники, разумеется, серьезно снижает и производительность труда.

Ведомственность. Или, другими словами, «натуральное» хозяйство. Каждое ведомство непременно желает иметь «все свое». Самым катастрофическим образом это сказывается на новых городах. В середине 60-х годов нынешний большой город Сургут представлял из себя длиннющую цепочку ведомственных поселков: нефтяников, геологов, геофизиков, строителей, речников, рыбников, лесников. В каждом поселке не только свой жилой фонд, но и котельные, электростанции, бани, магазины, школы, столовые и т. д. и т. п. — все это мелкое, примитивное, требующее громадного количества малопроизводительного ручного труда.

Ну ладно, то дело уже давнее. А как теперь? Возьмем Тынду — столицу БАМ. Кроме одного современного микрорайона, возводимого московскими строителями для железнодорожников-эксплуатационников, это — хаотическое скопление семнадцати узковедомственных поселков, состоящих из вагончиков, балков и сборно-щитовых домов без элементарных удобств. Два года назад в городе было 40 (сорок!) котельных — одна котельная менее чем на тысячу жителей. И, что самое интересное, если в Сургуте ведомственные поселки принадлежали разным министерствам или по крайней мере разным главам одного министерства, Тында почти вся принадлежит одному главному — ГлавБАМстрою. Но каждый трест, мехколлонна, мостоотряд и т. д. имеет свой поселок. Заметим, что в этих условиях создавать постоянный город Тынду будет очень нелегко: значительную часть его территории заняли ведомственные поселки. Или нужно будет сильно отступать от генплана, или идти на большие потери в связи со сносом. Как видим, если Сургут был «цветочком», то Тында — «ягодки».

Главный путь повышения эффективности освоения новых районов — это обеспечение на деле комплексности в их экономическом развитии. Опыт освоения районов Сибири и Дальнего Востока убедительно показал, что наиболее эффективной формой развития производительных сил здесь является не разрозненное строительство отдельных предприятий, не выборочное освоение отдельных месторождений, а создание целостных производственно-территориальных организаций.

Абел АГАНБЕГЯН,
академик

ВТРА

хватает рабочих, потому что негде жить, а имеющиеся работники живут в тесноте и неудобствах. А те, кто обеспечен жильем, не всегда могут отдать своих детей в сады и ясли, им подчас негде отдохнуть и развлекаться и т. д. и т. п.

Справедливости ради надо сказать, что это не является специфической особенностью именно северных городов и поселков. Это особенность новых, молодых городов и поселков, расположенных в любых зонах страны. То же самое я видел и в знаменитом Волгодонске и в городах и поселках Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса, а читал и слышал, что так же и во многих других молодых поселениях. Но, понятно, перенести это неустойчиво в том же Волгодонске наверняка легче, чем на севере Западной Сибири или в зоне БАМ.

Легко установить, что планы жилищного строительства в новых городах и поселках выполняются значительно хуже (на меньший процент), чем планы строительства производственных объектов, а планы строительства объектов соцкультбыта хуже, чем жилья. Даже там, где планы производственного строительства перевыполняются, планы ввода жилья часто сильно недоисполняются. Почему?

И промышленное и жилищное строительство ведут одни и те же строительные организации. Их мощности обычно значительно ниже потребных. В планы строительных организаций обычно по настоянию вышестоящих ведомственных, а также местных органов включаются значительно большие объемы, чем эти организации могут выполнить. Таким образом, строительные организации неизбежно должны выбирать: что строить, а что нет, что строить в первую очередь, а что отложить на потом; какой объект надо побыстрее завершить, а какой лучше не начинать. А каковы критерии этого отбора? В первую очередь попадают те объекты, которые более выгодны с точки зрения выполнения плана, то есть объекты промышленные. Жилье, как менее выгодное и менее «ответственное» (по строгости спроса за выполнение планов), идет во вторую очередь; соцкультбыт — еще менее выгодный и еще менее ответственный — в третью.

Думаю, что для наведения здесь должного порядка надо разделить строительные организации по назначению, специализировать их: одни должны вести промышленное строительство, другие — жилищное, третьи — возведение объектов соцкультбыта. Тогда невозможно будет за непостроенный жилой дом отчитаться цехом, за невведенный клуб — трансформаторной будкой.

ПЕРЕНАСЕЛЕННЫЙ СЕВЕР

Этот заголовок может вызвать недоумение читателя. Какое перенаселение, когда на половине территории страны проживает меньше людей, чем в одной Москве?

Однако я вынужден настаивать, что в определенном смысле Север действительно — и очень сильно — перенаселен. Во-первых, по отношению к жилью и объектам соцкультбыта. Во-вторых, по отношению к объемам производства. Первое понятно из уже сказанного. Поясню второе.

Для производства запланированных объемов промышленной продукции, строительства и т. д. не нужно такого большого количества людей — в конце 1979 года на Севере было 3,9 миллиона рабочих и служащих.

Несведущие люди полагают, что на Севере много нефтяников, газовиков, горняков и т. д. Это не так. Добычей и перекачкой нефти и газа — в нефтяных и газовых районах Западной Сибири — занято всего два-три процента всех работников этих районов. Все остальные заняты обслуживанием этой главной отрасли. Больше всего здесь строителей и работников транспорта, чрезвычайно много ремонтников и т. д. Разумеется, в каком-то определенном количестве эти работники необходимы. Но специальные исследования показывают, что тех же производственных результатов — при современной технике, улучшенной технологии, иной организации труда — можно добиться с числом работников в три-четыре раза меньшим нынешнего. Пусть даже

СМЕНА

Работа
как дело
жизни

Повсеместно на Севере громадное количество народа занято ремонтом техники. Мне довелось довольно детально изучать этот вопрос на Колыме. Там каждый золотой прииск имеет большие ремонтно-механические мастерские, кроме того, было десять ремонтно-механических заводов. В то время техника наша была не очень стойкой. Новый бульдозер выдерживал, как правило, один промысловый сезон. После этого он требовал капитального ремонта. Стоимость этого ремонта в условиях Колымы была равна стоимости двух новых бульдозеров, даже с учетом их доставки на Колыму — долгой и дорогой. Но новой техники не хватало, капитальные ремонты были неизбежны; запасных частей тоже не хватало, и их приходилось изготавливать на месте — вплоть до траков и колесчатых валов; отсюда и фантастическая стоимость ремонта.

Именно ведомственность, «натуральность» хозяйства ведет к громадному разбуханию штатов. На тех же многочисленных ремонтников нужны торговые работники, медики, учителя и т. д.; на тех же работников просвещения — снова врачи и продавцы и т. д. — это нарастает, как снежная лавина. В конечном счете получается, что на одного работника, занятого тем, ради чего осваиваются эти суровые земли — добычей золота, редких металлов, ловлей рыбы и т. д., — приходится 5–6 «обслуживающих» — в широком смысле слова, включая сюда и ремонт.

Партия давно и решительно осудила ведомственность в освоении Севера. Однако в жизни это явление еще не изжито. Добавим также, что на Север обычно переносятся в неизменном виде способы ведения хозяйства, сложившиеся в обычных условиях средних широт. А способы эти малоприспособлены для условий Севера.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И СЕВЕР

Масштабы освоения Севера неизбежно должны быстро увеличиваться. В частности, начинается широкое освоение громадной — полтора миллиона квадратных километров — зоны Байкало-Амурской магистрали, которое особенно интенсивно должно развернуться во второй половине 80-х годов — после создания на магистрали сквозного движения.

Но широкое освоение Севера придется в дальнейшем вести в условиях недостатка трудовых ресурсов по стране в целом. Население трудоспособного возраста в десятой пятилетке увеличилось на 11,2 миллиона человек, в одиннадцатой прирост будет равен 3,3 миллиона, в двенадцатой он будет еще меньше. Это если считать с 16 лет, как у нас принято. Но теперь работу в народном хозяйстве начинают в среднем с 20 лет. И если посмотреть, как изменится численность населения страны в «рабочем» возрасте — от 20 до 60 лет, то картина складывается такой:

Прирост населения
в возрасте 20—60 лет

	млн. человек	% к началу пятилетки
1976—1980	13,8	10,6
1981—1985	7,7	5,4
1986—1990	—1,0	—0,6

Как видим, в 12-й пятилетке будет абсолютная убыль трудовых ресурсов, а между 10-й и 12-й пятилетками происходит скачок в приросте в размере 15 миллионов человек.

Единственно возможный выход — вести освоение Севера более экономными методами, не числом, как это было до сих пор, а умением, поднятием производительности труда, высокой организацией экономики во всех ее звеньях.

А для этого нужна и более совершенная техника, приспособленная к специфическим условиям Севера, и более совершенная технология, и лучшая организация труда, и несравненно лучший, чем сейчас, быт.

Однако во всех условиях широкое освоение Севера — совершенно необходимое стране — будет оставаться трудным делом, требующим от человека напряжения всех сил. Освоение Севера останется делом молодых. И так же, как и сейчас, работа на Севере будет давать человеку ощущение полноты жизни, напряжения всех сил, сознание причастности к великим делам народа.

апарник вдвое старше Василия, но послушаешь обоих, и очевидная разница лет обернется другой стороной: не поймешь, кто моложе. Старый сыплет словами без жадности, из Василия клещами не вытягиваешь. Первый не умеет остановиться ни в чем — Василий умеет мерно отработать положенное и вкусно отдохнуть после смены.

Василий возит бетон на спецмашине. Их всего две на весь КАТЭК. Остальные — обычные самосвалы. Васильеву спецмашину звать «вертолетом» за установленную вместо кузова вращающуюся на ходу бочку с бетоном.

За «вертолетом» гоняются все умные бригады. Обычный самосвал опрокинет кузов, и подгребай потом бетон совковой лопатой. А «вертолет» отпускает бетон точно отмеренными порциями. Одному куб, другому каменичку полкубика в коробку — милое дело. На «вертолете», помимо водителя, положено держать оператора этой бочки, но не держат. И не платят за совмещение профессий. Считается, что водители и так много зарабатывают — рубль восемь в час. Когда водители захотели было перевести на сдельщину, специалист забеспокоился: «Это ж что, Василий, будет получаться? Да ведь я с одной грузушкой по десять — двадцать разгрузок совершаю. Откуда будет заработок? Не-ет, перейду на самосвал! Свалил себе в кучу и гони за новым бетоном. Я сдельщину так понимаю». А Василий высказался в том смысле, что всех денег не заработаешь, хотя оно, конечно, действительно...

Вот тут и случился у них разговор, какой бывает порой у людей, связанных общим делом.

— Слышь, Василий, — сказал напарник. — Тут у меня батя в Красноярске. Состояние у него... Надо проведать. Тяжелое состояние.

— Короче, — сказал Василий. — Когда вернешься?

Постороннего человека на спецмашину не пустишь — не потянет. А проставить такой дефицитной технике не положено. Значит, если уедет напарник, придется сутками крутиться одному. Двенадцать часов — смену — за себя, смену — «за того парня», который укатит в Красноярск.

— За сутки обернешься?

— В двое. — Напарник искательно взглянул Василию в глаза. — Выдохнешь?

— Ты тормоза прокачал? — вопросом на вопрос ответил Василий и пошел в общежитие отсыпаться за все предстоящие смены. Это он может — и отсыпаться и вкалывать. Когда после школы в их родном петропавловском колхозе начиналась уборочная, они с Петром Яковенко умели не спать сутками. Потом переучились с трактористов на водителей. В армию вместе пошли. Вместе и на КАТЭК поехали. Понравилось название стройки — и поехали. КАТЭК — точно «каток». Кати, КАТЭК! Катайся себе по океану угля, лежащему буквально под ногами на восьмисот километров от Кемерово до Иркутска.

Первый отряд добровольцев встретили отменно: благоустроенные общежития, постели застеленные, вода горячая в батареях, ледяная в графинах. Заработок и все такое прочее. Жить можно!

ПЕРВАЯ смена выдалась сумасбродной. Объектов много — бетона мало. Вот и суетятся диспетчеры меж двадцати огней, хоят всех солонухек по головушкам поглядить. Гоняют от хлебозавода к новому дому, на аэропорт, подстанцию, на котельную, детский сад и снова к дому и к одиннадцатому общежитию, где живет Василий и где надо забетонить подъезд. Три раза засел в грязь.

Нормально.

В восемь вечера двенадцатичасовая смена закончилась, и он выписал себе новую путевку. До восьми утра. Диспетчер косо взглянула: «Деньги гребешь, Середина?» — и отпустила с бегом.

Ночью работать совсем другое дело. Ночью рабочих бросают на самые горячие объекты, так что катайся себе в свое удовольствие по знакомому маршруту всего в три-четыре адреса.

— Давай, Василий!

— Где это тебя черт носил? Что значит завод стоит? Бетонный завод не должен стоять!

Проектная мощность бетонного завода в Шарыпово — триста кубов за смену. Максимум, что он может пока из себя выдавать — сто тридцать. Просчитались с заводом. Краю нужен новый, но и он не накормит стройку, нужен еще один. А если совсем серьезно, то КАТЭКу нужна своя база строительной индустрии. Не дело это,

когда панели для домов идут на КАТЭК со всего Союза.

«Смешно, — думает Василий, гоняя машину по тихим улицам. — Если я берусь ставить дом, я запасусь материалами. Если я хочу ставить город, то ни за что на свете не возьмусь за него с этими ста кубами за смену. Без собственной базы, на одном только привозном материале дела не сделать. Забиваем железную дорогу нагретыми грузами, все площадки завалены, а вагоны проставляют в десятки раз больше нормы.

А надо с другого начинать. Тут недавно один мужик из Братска приехал. Толковый малый. Так он рассказывал, что первый начальник «Братскгэсстрой» Наймушин Иван Иванович с того и начал, что поставил свой комбинат домостроения. Получил за него выговор от министерства и благодарности братчан, теперь в общем-то не знающих проблем с жильем, и твердую уверенность в успехе промышленного строительства, невозможного без жилищного. Тут коромысло: сильно накренишь один конец — вода прольется. Нужно нести сбалансированно».

...А тут и утро затеялось, теплое, сонное. Бетона не было. Пересменок грозил затянуться на добрый час, и Василий устроился на лежанке сзади сидения как раз под зелеными шторками с видами родного Воронежа. Проспать он не боялся, потому как проспая не дадут ставшие в очередь соседние грузовики. Посигналят, разбудят...

ТРЕТИЙ путевой лист на новую дожину часов выписывал новый диспетчер. Должно быть, не выспалась, подумал Василий, глядя, как сонно водит она ручкой по бумаге.

ПЕРВОПУТОК

Вторые сутки работы были такими же занятыми. Бетонный завод — новый дом — бетонный завод — аэропорт — бетонный.

На третьи сутки он психанул. Сошел с линии и поехал домой к напарнику. «Айферт не появился?» Айферта все еще не было. «Да что он, с ума сошел!»

Василий захвальный в общежитие, побрелся, принял холодный душ, застал в комнате Петра. Тот спросил: «Тебя подменили?» «Не. Я сам». Оба знали, что чужая подмена производится только с разрешения начальника шестой автоколонны Никитина после прохождения специального, пусть и краткосрочного курса на спецмашине. Не пойдет. И потом подменили — значит подвести напарника. Мало ли что там у него случилось с большим отцом. Уговор дороже денег. И все такое прочее.

И третьи сутки сна не было ни в одном глазу. День — ночь — сутки прочь. Он работал так же исправно. Это можно проверить даже по путевым листам, по книге регистрации выхода машин на линию. В книге нет ни одного замечания в адрес Середины ни по поставке бетона, ни по усталости. Двадцатого, двадцать первого, двадцать второго — против фамилии Середины стоят 24-часовые смены.

— Слышай, и никто не возмущился, что ты сутками крутишься по стройке? — спросил я его.

Василий отмахнулся: — Лишь бы на линию выходил.

Я к диспетчеру — проверить эмоции фактом.

— Быть такого не может! — Диспетчер решительно ухватила за свои регистрационные книги и... сникла. — Смотри ты, и правда работал все эти дни и ночи. — Она неверующе прикидывала варианты. — Может, филошил? — И сама себя опровергла: — Да нет же, нет! Чего-чего, а система жетонов между бетонным заводом и стройкой себя оправдывает на все сто. Работает, как часы. С кукушкой. Сразу закукуют, если запропастится машина.

КУКУШКА ПОЯВИЛАСЬ В ЧЕТЫРЕ УТРА. На море эту вахту с четырех называют «собачьей». Василий отвез бетон на котельную и почувствовал, что больше не может. У мосточка, где угробили новенький «КамАЗ», он выключил двигатель и мгновенно уснул.

Его, естественно, «засекли». Диспетчер строительства котельной.

— Рыжак такая. Увидела, что я сплю, — и сразу звонок на бетонный: посмотрите, чем ваши водители занимаются. А тут, как назло, директор бетонного. Работавший, так никто не видит. А как станешь, так сразу: «Почему стоишь?» Директор спрашивает: «Спишь?» Я отвечаю: «Сплю». Директор: «И давно спишь?» Я: «Часа два». Директор:

«Вот и запишем тебе на два часа меньше положенного». Я: «Ну и записывайте. Обнижаю я от этих двух рублей?» Так и записали мне ту смену укороченной. А я отработал до восьми утра и больше не смог, пошел спать до вечера, а вечером снова в ночь вышел и еще сутки пахал. Потом Айферт приехал, извиняется, что задержался, думал, говорит, что ты подменился... Ну, в общем, я пошел спать. Сутки спал. Вот и все.

ЗДОРОВЕННЫЙ, симпатичный, 22-летний боец Всесоюзного ударного комсомольского отряда «Молодогвардеец» Василий Середин приехал в Сибирь «поработать и заработать». Для себя планирует быть на КАТЭКе не меньше трех лет, а там видно будет. «Женюсь. Стану сибиряком. Или еще куда махну. Вместе с женой или с кем еще. Есть тут одна толковая девчонка. Понимаешь... Интересно это все — смотреть и видеть! Помню, в школе заучивали неправильные глаголы. Так мы все семь зашифровывали в одной фразе: «Смотреть и видеть, как вертится зонт». А «зонт» еще расшифровывается: «з» — зависеть, «о» — обидеть и так дальше. На самом деле это очень правильные глаголы: строить, вкалывать, отдыхать, смотреть и видеть. Мне пока только одно не нравится. Работа на КАТЭКе строится так, что поневоле приходится перерабатывать. День стоишь — два догоняешь. Я не против большой работы, только вот прок от такой переработки порой невелик. Давай считать».

И мы считаем.

За месяц у Василия Середины набралось 26 путевок по 12 часов — триста двенадцать часов работы. Разделить их на привычные восьмичасовые смены да приплю-

совать девять смен ремонта — получится 48 рабочих смен. В месяце самом долгом даже без выходных их может быть максимум 31. День у Василия выходит за два.

Какой уж там героизм четырехдневной работы, если у него ежедневно набегает больше положенного. Для заработка, для общего дела оно, конечно, и ничего, но здравый смысл подсказывает самому Василию, что так нельзя. Какой уж там героизм, если в автохозяйстве не налажен нормальный учет рабочего и сверхурочного времени. Если в гараже, лишенном многих запчастей, водители вынужденно тащат друг у друга стекла, габаритные огни, зеркала.

Право, не знаю, делаю ли я доброе дело лично Василию, двужильному водителю, который может отсидеть за баранкой две смены, а потом пойти на танцы, славно организуемые прямо в общежитии неугомонным Бадри Чихвария, тоже классным водителем молодежной бригады. А ну как начальником автоколонны Никитин — новый Никитин, однофамилец старого, которого уже сняли, — а ну как Никитин возьмет да срежет Василию все 12-часовые смены до 8-часовых? Или просто возьмет да накажет Василия за вещи, наверно, наказуемые?

Но я почему-то думаю, что Никитин не станет наказывать Василия. Водители отзываются о новом Никитине хорошо. «Порядок стало больше». Не накажет, а, наоборот, на примере молодого, точно КАТЭК, Василия посмотрит, какие еще резервы таят и КАТЭК и Василий. И посчитает с экономистами, как сделать так, чтобы водители без надрыва имели те же деньги.

...И лишь одно не дает мне покоя. Но ведь были же, черт возьми, были эти четверо героических суток, когда Василий тащил на себе чуть ли не всю ударную! Так неужели же теперь ударная не вытащит на себе Василия, не скажет ему то, что должна была сказать на следующее после рекорда утро:

— А ведь ты, парень, здорово пашешь! Ты ведь рекорд поставил. А мы и не заметили.

ЧТО ЖЕ ЭТО за происшествие, если его никто не заметил, думал я по прошествии нескольких месяцев, давших возможность осматреться, поговорить с умными людьми, завязанными на КАТЭКе. Всякий, кому я ни рассказывал про своего нечаянного героя, молча слушал, хмыкал, тербил карандаш, а потом дополнял историю собственными аргументами. Так сложилась вторая половина нашей истории про Василия Середину, половина гораздо более весомая и, на мой взгляд, необходимая.

В отделе рабочей молодежи ЦК я встретился с заведующим сектором ударных строек страны Владимиром Ражиным.

— Рекорды КАТЭКа? Пока что они быют

другие рекорды — жилье затягивают, все ГРЭС никак не начнут. А что касается рекордов...

И Ражин показал мне кипу рапортов с КАТЭКа, слово в слово повторяющих нашу историю. «Водитель Н., понимая сложность задач, три смены не выходил из кабины самосвала». «Пятидневку в два дня!» — вот девиз экипажа К... И так далее...

ЦК ВЛКСМ вынужден был... объяснить своему комсомольскому штабу на КАТЭКе, что стране нужны не такие рекорды, и число ура-сообщений заметно снизилось. И что же вместо них?

— О-о! Это интересно! — Ражин достал другую, пока еще более тоненькую папку. — Не знаю, что тут сработало: то ли наши предупреждения не занимать рапортоемкими «рекордами», то ли рекорд теперь уже без кавычек твоего Василия Середины, но КАТЭК уже дает фору некоторым другим стройкам.

Сергей Васильев, начальник штаба ЦК ВЛКСМ на строительстве КАТЭКа:

— Водители поняли, что одними личными рекордами, какими бы высокими они ни были, большое дело с места не сдвинешь. Ведь как было? Эскаваторщик готов насыпать «золотые горы», но нет машин, и он простаивает. Или нет грунта, или сломался экскаватор — и уже водители дремлют в очереди. А теперь лучшие комсомольско-молодежные экипажи водителей объединились в одну бригаду с экипажами экскаваторщиков. Стали работать на общий котел. Работа пошла ритмичнее. Такой вот неожиданный финал у рекорда Василия.

Хайбула Хабиев, бригадир монтажников, лауреат премии Ленинского комсомола:

— Завидую лучшим экипажам водителей! Они нашли выход из положения, еще вчера казавшегося безвыходным. Нет, с Серединым я незнаком, но парень для затравки показал такой высокий накал работы, что после него просто стыдно было бы работать по-старому. Слышай, может, мне, точно Середину, взять и пойти на рекорд, после которого сдвинем нашу строительную гору с места?

Василий Середин, водитель... С Василием сложнее. В общежитии его было не застать, в автоколонне при упоминании его фамилии недоуменно пожимали плечами: нет, мол, такого. До вылета самолета оставалось несколько часов, и я попросил в райкоме комсомола машину до аэропорта. «На часок». Сноровистый «газик» шустро притормозил у гостиницы, я открыл дверку и...

— Привет!

— Здравствуйте, — поздоровался я и уткнулся в газету. Но чтению мешала какая-то незначительная подробность... сторонний смехок, неузнаваемая знакомость... Я поднял голову...

— Василий!

— Слава богу! А то, думал, так и не узнаешь.

...После того рекорда райкомовские работники ходили за Василием буквально по пятам. «Тебе квартира нужна?» И сами отвечали: «Нужна. Сделаем быстрее обычного. А в грязи не надоело?»

Они хитрили, эти комсомольские работники недавнего деревенского, а теперь стремительно разрастающегося райкома комсомола поселка Шарыпово, который вот-вот станет городом, а вскоре и самым крупным городом южного Красноярья. Они давно искали такого двужильного, который мог бы сутками, как и они, «пахать и не пилить».

Василий закончил рассказ, притормозил у дощатого аэропорта.

— Теперь вот приходится работать без выходных, порой без обедов, ужинов, сна. Знаешь, сколько работы? Столько людей, знакомств, столько проблем. И каждая — Проблема.

Я слушал, кивал головой.

— Ну, что, привет? — Василий побарабанил пальцами по баранке. — Мне еще в общагу заскочить и сегодня в ночной рейд. А утром комиссию встречаю. Говорить долго некогда.

Он взметнул за собой шлейф пыли и укатил. А я подумал, что на своем «вертолете» он все-таки смотрелся лучше. Так ли уж необходимо было отрывать парня от его дела? Правильнее, видимо, наоборот — создавать ему такие условия для работы, чтобы он все свои способности мог раскрыть.

И еще мне было интересно, что сам Василий об этом думает.

Владимир
ЯКИМЕНКО

РАССКАЗ

ВЕЧНЫЕ РОМАНТИКИ

К вечеру жара стала слабеть. Вздогнули, покачнулись ситцевые занавески на окнах, и Эдуард Степанович, с трудом освобождаясь от тяжелой дремы, услышал, как и внизу, на улице, оживает понемногу, казалось, уснувшая во время полуденного зноя жизнь. В подъезде гулко хлопнула дверь, с криком пробежали вверх, топоча по ступеням, мальчишки, мать в комнатке у себя зашевелилась, прошлепала по коридору. А следом прозвенел коротко дверной звонок, и звук его раскатистой, резкой болью отозвался в висках.

Эдуард Степанович поморщился, путаясь, натянул тренировочные штаны. «Кого еще?» — успел подумать и, как был в майке, взъерошенный, с набрякшими темными под глазами, вышел в коридор.

Мать уже опередила его — в полуоткрытую дверь, которую она из осторожности не решалась распахнуть шире, боком протиснулся высокий загорелый парень. Лицо его, влажное от пота, выглядело усталым, но большие карие глаза блестели взволнованно, возбужденно. Он шумно дышал и улыбался.

— Эдик! — сказал он негромко и, помедлив: — Не узнаете меня?

Эдуард Степанович пригляделся, сощурясь от напряжения, заморгал в растерянности.

— Не вспомните, значит? — повторил еще раз парень, шагнул навстречу, вступая в полосу света, и вдруг так стремительно сквозь изменившийся за годы облик стали проявляться другие, знакомые до мелочей черты, что Эдуард Степанович даже вскрикнул от изумления:

— Костя! Черт возьми, Костя! Мама, ты знаешь — это же Костя Кравченко! Они обнялись.

— Ну проходи же, проходи, — подтолкнул Костю к дверям комнаты Эдуард Степанович, а сам кинулся заправлять смятую постель.

Только вчера на выпускном вечере простился он со своим десятым «Б». И вот, когда в образовавшейся сразу пустоте со всей остротой обозначился, как, впрочем, и каждый год после выпуска, но и еще больнее, резче, потому что это был его класс, скрытый, неумолимый бег времени, — казалось, в один миг ребята повзрослели, отдалились, уходя, может быть, навсегда, кто знает? — явился Костя. Милый, милый Костя...

А Костя тем временем оглядывал комнату, ее нехитрое убранство, портрет Есенина над кроватью, зачехленный баян в углу, стопки журналов и газет, разбросанные по столу, стульям, а то и просто по полу вокруг кровати, полки с книгами — все осталось прежним, как будто и не уезжал он никогда из родного городка. Так и казалось, что распахнется сейчас дверь, ввалится толстый

увалень Левка Белоконь, прозванный Бидоном за то, что однажды на спор выпил шесть кружек кваса, маленький, вертлявый Сашка Смолин, Елена Васильевна принесет неизменный чай с вареньем и будут шумные разговоры, споры до остервенения, до хрипоты, едва не кончающиеся всеобщей потасовкой, рассказы Эдика о войнах Митридата, театре абсурда, импрессионистах, — обо всем на свете, — они будут слушать затаив дыхание, с полуоткрытыми ртами, боясь глотнуть; а потом, упирающегося, вытолкнут его с дивана к столу, и сначала невнятно, комкая слова, но все больше увлекаясь, пьянея от звуков собственного голоса, он станет читать стихи...

И вспомнился еще тихий весенний вечер, запах молодой листвы и сирени, Шестая симфония Чайковского, и спазм в горле, вздрагивание век, и пронзительное чувство чего-то огромного, несравненно большего, чем ты сам, твои заботы и тревоги, весь твой маленький мирок...

Вспомнилось и исчезло, как вспышка, как мелькнувшее за окном знакомое когда-то лицо.

— Я вижу, ты разбогател, Эдик, — сказал Костя, поводя глазами по книжным полкам. — И из «Библиотеки поэта» кое-что есть, и «Всемирная», и Достоевский...

— Ну что ты, Костя, что ты! — Эдуард Степанович покончил, наконец, с уборкой и, прерывисто, со всхлипами дыша, присел на край кровати напротив. — Ты же помнишь, как доставалась каждая книга, каждая подписка. А может, и не помнишь уже, — сказал с легкой грустью, — сколько лет прошло...

— Да уже больше двенадцати.

— И за все время четыре письма.

— Жизнь такая, Эдик... Знаешь ведь газету — то сев, то уборка, то магазин новый открывают, то дом досрочно сдают, я уж не говорю о заседаниях бесконечных, собраниях, совещаниях — отчеты прямо в номер. Жену и ту, бывает, раз в неделю вижу.

Скрипнула дверь, в комнату, крадучись, вошла серенькая кошка; на мгновение она застыла у порога, выжидательно подняв лапку, потом неслышно подошла к столу, изогнувшись, мягко прыгнула Косте на колени.

— А стихи? Пишешь что-нибудь? У тебя ведь были несомненные способности. — Стихи? — переспросил Костя. — Да как тебе сказать... Пробую на досуге. А в общем-то не это главное.

Костя почесал кошку за ухом, и, расслабленно повернувшись на спину, она с готовностью подставила ему гладкое белое брюшко.

— Ух, ты, какая, — засмеялся Костя, поглаживая ее. Кошка прижмурилась глаза, покачиваясь у Кости на коленях, сыто замурлыкала в ответ.

— Не это главное,— повторил Костя, но в голосе его почудилась какая-то неуверенность. Костя заерзал на стуле, взгляд его торопливо скользнул по комнате и остановился на синей сумке, которая лежала прямо у ног на полу.

— Что-то мы с тобой, Эдик... За встречу даже...

Эдуард Степанович поморщился.

— Мне-то вообще... Ну да ради твоего приезда...

Но не успел он подняться, как распахнулась дверь, из полутемного коридорчика навстречу ему тугой пружиной вытолкнуло мать.

— Ты это куда?— спросила, наступая.— А потом опять «скорую»?

— Ну ладно, мать, ладно,— в смущении, как нашкодивший мальчишка, забормотал Эдуард Степанович.

— Немножко мы, символически, за встречу.

Но мать, казалось, не слышала его. Обратив жалобно сморщившееся скуластое лицо к Косте, она, с трудом сдерживая слезы, торопливо говорила:

— Вы бы не соблазнили его, Костенька. Нельзя ему, совсем нельзя, боже спаси и сохрани! Сердце... Прошлую неделю два раза неотложную вызывала, в больницу хотели положить.

И захлопала носом, отвернувшись, передником стала утирать глаза— жалкая, беспомощная, старая.

— Ну, будет, мать, будет. Моего здоровья еще на два века хватит, а ты...

Мать покосилась на гости, смутившись, застыдилась своей слабости и слез, выскользнула за дверь, и следом донеслись с кухни шаркающие ее шаги, звяканье посуды.

Вскоре сидел Эдуард Степанович против Кости за столом, накрытым, как на праздник, белой, с желтоватыми складками от долгого лежания в шкафу скатертью. По комнате тонкими, медленно тающими струйками расплывался табачный дым, и все вокруг: полки с книгами, кровать, фотография Есенина и даже Костино лицо напротив— отодвигалось, вытягивалось, смягчалось, утрачивая четкую реальность очертаний.

Эдуард Степанович смотрел на Костю, слушал, как он, теперь уже несколько невинно и сбиваясь, рассказывал о жене— бухгалтере ремконторы, восьмилетнем сынишке и крошечной дочке, о работе своей, когда часто, бывает, недоешь, недоспишь, а к сорока при такой-то жизни можно запросто с катушек слететь: «И никто от этого не почешется даже, знаю ведь, знаю...» И как-то сама собой без особых усилий вспомнилась больничная палата с широким окном, выходящим на пустырь, Костя, тогда еще ученик шестого класса: коротко стриженный, большоголовый мальчишка с оттопыренными, будто облитыми вишневым соком ушами; и сам он— студент краевого пединститута Эдик Жегов.

Костю привезли тогда в разгар лета в воспитанием легких. В одной палате они пролежали недолго, но сразу увлек, заинтересовал его лупоглазый, похожий на чебурашку мальчишка, больничное знакомство их не прервалось, и со временем, когда, закончив институт, он уже учительствовал в родном городке, и даже в той самой школе, где учился Костя, переросло скрытую привязанность, превратившись в настоящую дружбу.

Эдика не смущала солидная разница в возрасте, часто становившаяся поводом для упреков со стороны коллег-учителей в подрыве авторитета, панибратской близости с учениками— ведь мало кто мог разглядеть за напускной серьезностью молодого учителя мальчишескую страстность заядлого рыбака, неутомимого рассказчика и фантазера.

Он вспомнил те предзакатные часы, когда, бывало, они выходили на рыбалку— хлопанье крыльев и хриплый крик петуха, нарушавший тишину ночи, свое глухое покашливание после первых утренних затишек, короткий стук в темное, занавешенное изнутри окно, и как тут же, скрипнув, отворялась за забором дверь, слышались похрустывающие по песку Костины шаги.

А потом, посапывая, шагали они по темным пустынным улицам— мимо автостанции, смутно белевшей на углу, мимо базара, где возле ворот уже, между грудями мешков, ящиков, корзин, едва различимые в темноте двигались, переговариваясь, люди.

Он вспомнил, как уже за городом, на шоссе, начинало сереть и влажный, знобный ветерок, проснувшись, с шуршанием трогал пепельные махалки камыша, листья верб, тополей и акаций. И как от волнения и азарта расширились Костины глаза, когда подходили они наконец к гирлу и, свалив в мокрую от росы траву котелок, сапоги, сумки, можно было наживить и забросить первую удочку...

А вечером в тесном, душном домике охотничьего хозяйства, неистребимо пропахшем мокрой одеждой и табаком, под рыкающий с переливами храп старичка сторожа и лягушинный тягучий крик читать наизусть, перебивая друг друга: «А помнишь, как... Нет, ты послушай, послушай только...»— Пастернака, Есенина, Блока.

— Эдик!— услышал он, очнувшись, поднял глаза и увидел, как заговорщицки подмигивает, тянется к нему через стол Костя.— Эдик, ты ведь не знаешь еще главного! Не знаешь ведь, не знаешь...— повторял Костя в веселом возбуждении, безуспешно пытаясь дотронуться до его плеча.— Дядька мой, Макарович, к себе зовет— он старожем в рыбалочной бригаде. Рассветы ранние, рыбалка с лодки, море. Как раньше. А? Как раньше. Поедем, Эдик!

Так неожиданно, так неправдоподобно прозвучали Костины слова, что Эдуард Степанович, вытянувшись, молчал, сидел и смотрел на Костю, и лицо его оставалось неподвижным, только изредка против воли беспомощно и благодарно кривились тонкие губы.

— Как раньше... Ну что ж, ну что ж,— забормотал он, забывая вдруг обо всем, вскопчил, неуклюже выбрался из-за стола и мелкими, прыгающими шажками побежал на кухню, где хранилась в специальном ящичке банка с червями.

Когда в квартире все стихло и стало отчетливо слышно, как капает из крана вода, тикают часы и мерно посапывает, раскинувшись на раскладушке у окна, Костя, Эдуард Степанович достал с антресолей удочки, ощупал бережно каждую леску, проверил каждый крючок.

«Сколько лет прошло,— невольно думал он.— Сколько лет... Они вырастают, женятся, обзаводятся семьями, а у тебя все по-прежнему, Эдик,— и никуда не уехал из этого тоскливого городишка, хотя и грозишься каждый год, и диссертация пишется в шкафу, заброшенная на половине еще тогда, в годы молодости. И все те же до отупения уроки, тетради, сочинения, бесполезные споры до хрипоты с бездарной тупицей Эллой Петровной, которая с завидной точностью автомата вот уже скоро пятнадцать лет разоблачает «типичных представителей»...»

— Но ведь кто-то же должен,— оборвал он себя, зашептал вслух, торопливо и сбиваясь.— Кто-то должен проводить факультативы, ездить с ребятами в Старый Крым, в музей Айвазовского в Феодосии, ходить в походы, на рыбалку... Тесно сидя вокруг костра, они слышат, как потрескивает хворост, в котелке с бульканьем закипает вода... а где-то рядом течет река, всплескивает в камышах крупная рыба и невидимая ночная птица протяжно, тонко кричит неподалеку...

Проходит время, и однажды наступает день, когда кто-нибудь из ребят возвращается к тебе, а значит, все эти годы не забывает, помнит, и все это не зря, не зря...

Временами, задыхливо взобравшись на пригорок, автобусик словно зависал на мгновение в пространстве: из-за дальних холмов, похожих на дохматые пастушьи шапки, нестерпимо синее открывалось море, земля разрасталась, распаивалась насколько хватало глаз— лиловые в утреннем мареве лиманы, поля, одинокие курганы с порывевшими покатыми склонами, и обрывалось, холодело в груди от ощущения полета и беспредельной, вечной красоты жизни.

Сколько раз он давал себе слово в конце года непременно по-настоящему отдохнуть, на недельку, на две съездить к морю, благо всегда можно получить койку в доме учителя. Но после экзаменов начиналась практика в совхозе, и в лучшем случае купаться ходили вечерами на Кубань, или сдавало здоровье, или брался готовить отстающих по русскому. И... оставался, прекрасно зная, что за всем этим кроется одно: смехотворная, нелепая боязнь покинуть хотя бы на неделю своих ребятшек.

«Что они, груднички, пропадут без тебя?»— ворчала мать. «Конечно, не пропадут, но...»— отвечал он, загадочно улыбаясь. Ведь через день забегают «на огонек», и каждый раз новые истории, новые печали и непредвиденные случайности. Прошлым летом у Славы Зинченко неожиданно заболела мать, положили в больницу, родственников у Зинченко в городе нет, а отец в плавании уже третий месяц. Остались вдвоем с маленьким братом. Хорошо, что узнал сразу, пошел, забрал мальчишек к себе. А если бы не было в городе?

Да, но теперь-то, когда получили аттестаты, не сегодня-завтра разъедутся кто куда, теперь можно и о другом подумать— скажем, о рыбалке с лодки или с моста, который сразу за рыбцехом (там бычок хорошо идет на криветку), о купании, ухе с дымком, праздном лежании на пляже. А в душе такая пустота... Все-таки хорошо, что приехал Костя.

Костя сидел рядом на скрипучем пыльном сиденье, не отрываясь глядел в окно на мелькающие чистенькие домики в глубине дворов, гусей, важно шествующих через улицу, голозубого мальчугана, застывшего посреди лужи, и вспоминалась Косте забытая почти поездка с классом на раскопки в Сенную, и то, как целый год потом грезилась зеленоватые с обрубленными краями монеты, которые показывал им бородастый студент. И вместе с этим воспоминанием вновь возникало смутное, беспокойное ожидание, тайная надежда на что-то, что только один Эдик и может сделать для него теперь.

Мысли были неясные, едва наметившись, ускользали, и если бы кому-нибудь взбрело вдруг в голову спросить: «Чего, собственно, ты хочешь, чего ждешь?»— он, наверное, смутился бы, забормотал бессвязное или с досадой выругался бы в ответ, бессильный выразить это словами.

Лишь к полудню добрались они до места. Длинный приземистый дом бригады стоял на взгорке у самого моря, и если оглянуться назад, хорошо видна была отсюда большая станица, раскинувшаяся чуть в стороне под горой. Казалось, домики рассыпались с горы, как грибы из опрокинутой корзины: иные выкатились к самому морю и, опомнившись, застыли в испуге, прикрывшись заборами, низкорослыми деревьями акаций, другие, запутавшись в густой зелени садов и виноградников, рассеялись беспорядочно по склонам и у подножия, и теперь в ясные дни проблескивали, загорались среди листвы оцинкованные высокие крыши, широкие окна отсвечивали на солнце.

Под деревянным навесом, как козырек, прикрывающим бригаду с юга, стоял стол, обитый жестко, с остатками недавнего завтрака, дверь была открыта, но ни в комнатах, ни в летней кухне не оказалось ни души.

— Хозяин!— крикнул Костя, в растерянности оглядываясь по сторонам.

В конце навеса у стены что-то зашевелилось, из-под вздыбившейся простыни, прежде почти незаметной на фоне свежей пожелки, показались сначала голые ноги, потом мускулистая рука, исчерченная густо татуировкой,— простыня, закачавшись, опала, и перед глазами их предстал мужик в трусах, сидящий на песке.

Постанывая, он тряс лохматой головой и поводил вокруг бессмысленными, затуманенными сном глазами.

— Шо такое, га? Шо такое?— бормотал он вместо приветствия, пытаясь подняться.

— Здорово, Макарович!— шагнул к нему навстречу Костя.

Мужик поднял голову.

— Костя!— хриловато вскрикнул, вскакивая с неожиданным проворством.

А через некоторое время, сбросив вещи и пыльную одежду и наплескавшись вволю в прохладной, бодрящей воде, сидели они за столом под навесом, где уже потел, слезился янтарно отсвечивающий баллон пива. Макарович, как мятник, покачиваясь на коротких кривых ногах, бегал суетливо мимо стола из бригады в кухню, из кухни в бригаду. Был он невысок, но широкоплеч, крепок, и лихо мотался по ветру густой чуб и широкие клещи, подвязанные на бедрах обрывком старой капроновой сети.

Рассеянно проводят его глазами Эдуард Степанович с Костей, и снова, не отрываясь, глядят туда, где прямо перед ними— рукой подать— подернутое сизовой дымкой едва дышит в полуденном зное море. «Шшу-у, шшу-у-у»,— шевелит, перебирает, перекачивает ракушки и песок ленивая волна; перевернутые лодки, струдившиеся у навеса, источают горьковатый запах смолы и соли. И от всего этого: от шелеста моря, размытой голубизны неба, ярко желтеющего песка— на душе становится покойно и ясно.

— Ну, чем богаты, как говорится...— бухнул на стол кастрюлю с борщом, подсел к ним Макарович.— Отдохнете тут капитально, ага, за это не беспокойтесь. Питание, продукты— все будет путем. Вот только насчет рыбалки затрудняюсь... В море выходить резону мало, в море сейчас одна медуза, и вообще не густо с рыбой— судака, к примеру, совсем не стало. Это редкое дело, чтобы попался судак. А ведь раньше его... Разве что в лимане попробовать? Ну, это обдумать надо, а пока идите, устраивайтесь, располагайтесь, где понравится— бригада пустая.

И начались для них, казалось, безмятежные, счастливые дни. Они купались до одурения, лежали на горячем песке, замотав головы полотенцем, читали или играли в шахматы в тени лодок, и Эдуард Степанович без конца— давно он не выговаривался с такой откровенностью— рассказывал о школьном драматическом театре, о своих факультативах, о том, как недавно рискнул прийти на урок пластинку с героическим этюдом Шопена, дал ребятам прослушать, а потом попросил написать сочинение, и— «Ты не поверишь!»— насколько тонко, по-разному, неожиданно поняли музыку ребята.

— Просто мы ленимся,— говорил, волнуясь.— Каждый думает— к чему?— и так полторы ставки, а тут семья, хозяйство... Вот и плодятся железобетонные Эдлы Петровны, которых уже ничем не пронять!

Костя слушал, поддакивал, но светившаяся в глазах его едва приметная искорка ожидания постепенно угасала. И он все чаще вечерами думал, как хорошо было бы сейчас махнуть на курорт, куда-нибудь в Прибалтику или на Кавказ — плюнуть на все, расслабиться, отдохнуть по-настоящему. Досадно становилось иногда оттого, что затеял эту поездку, потерял время. В такие дни злился на себя, на Эдика, на весь свет, становился сумрачным и молчаливым, с раздражением напоминал Макаровичу об обещанных рыбалках.

Ловить на удочки Макарович сразу и решительно отказался. — Что я, пацан? Смех, а не ловля, кошени на прокорм, ага... — сказал, отгоняя от стола облепленного репьями лохматого пса Матроса. — Уж ехать, так с сеткой, в лиман. Вот там взять можно.

И, замечая протестующий жест Эдуарда Степановича, добавил: — А если тебе, Эдик, нравится с удочками, так давай паруйся с Петькой, младшим моим. Он тоже такой вот, как ты, растет, любитель...

И в тот же день взялся шпаклевать рассохшуюся по бортам лодку, чинить снасть. До сумерек просидел под навесом, по-хозяйски широко расставив локти, — штопал сеть и бредень.

Когда совсем стемнело и вдалеке справа обозначились мигающей россыпью огни далекого порта, Макарович снес к берегу якорь, весла, сеть, и уже втроем, дружно на выдохе хакая, они стащили лодку к воде.

Солоноватым теплом, тяжело, как старый, уставший человек, дышало море, с шипением, вспениваясь, ударялась о берег вода. Костя с Макаровичем встали по бортам, выжидали волну, охнули разом, навалились; лодка с плеском, задирая нос, вошла в воду, чихнул раз, другой, завелся мотор. Звук его, сначала ясно слышимый сквозь шум прибоя, начал глхнуть, удаляться, и скоро напоминали о лодке только слабый запах бензина да глубокий след от днища на песке.

Возвратились рыбаки только под утро. Эдуард Степанович слышал, как, покашливая, оживленно переговариваются они в коридоре, бухают по полу сапогами, чем-то звякают, гремит, со стуком заносит весла в чулан. Разлетелись в стороны занавески, пригнувшись, ввалился в комнату Костя — раскрасневшийся, возбужденный, и сразу крепко запахло морем и еще чем-то непонятным, сладковатым, дурманящим.

— Вижу ведь, не спишь, не притворяйся, — сказал хрипло, с шумом опускаясь на скрипучую кровать. — Сколько рыбы взяли — не поверишь! Два таза с верхом насыпать можно, а Макарович еще ворчит, недоволен, старый хитрец.

И, откинув голову, засмеялся, обнажая крепкие белые зубы, повалился на подушку и еще долго ворочался, постанывая блаженно, повторяя чуть слышно в полусне угасающим шепотом:

— Нет, ты не представляешь... не представляешь... Утром отобрали они с Макаровичем сазанов, окуней покрупней на жареху и уху, оставшуюся мелочь ссыпали в сумки и понесли к разноцветным палаткам, которые табунились невдалеке, продавать отдыхающим.

А вечером, побившись, приодевшись, расслабленной, покачивающейся походкой ушел Костя вдоль берега: «Побродить, проветриться немного».

— Вот парень! — вслед ему потряс кулаком Макарович. — Раскалился на ловле, до девчат пошел, ага... В палатках там есть одна, чернявенькая...

Так и покатились прочь один за другим однообразные ветреные дни, каждый со своим неизменным распорядком: дальними прогулками вдоль берега, хоть, случалось, ветер трепал одежду и рубаха, выдуваясь пузырьком, хлопала за спиной, как настоящий парус, купание в редкие часы затишья, дневным коротким сном, чтением в сумерках... Одиноко было на душе, тоскливо... А ведь еще недавно чудилось в разговорах, что Костя понимает самое дорогое, сокровенное, схватывает с полуслова, как никто другой. И гордость и тайное любованье — нет, не зря, не зря... И вот словно другой человек, словно маска на лице, а за ней неведомое, чужой. И это равнодушие и мгновенная глухота: сторонится, не замечает, не видит — как удар сзади, когда не ждешь, когда беззащитен. Неужели обидел чем-нибудь, не то сказал, не так сделал? А может, просто постарел, отстал, не понимаю?

Мучился втихомолку, не сегодня-завтра собирался уезжать расстроенный, понижкий Эдуард Степанович. Возможно, и расстался бы с нелепой поспешностью, как будто стыдясь чего-то, учитель и его бывший ученик, и долго бы потом силился понять причину, корил себя, страдал в неведении Эдуард Степанович, не подоспей тут девятое июля — праздник рыбаков.

День выдался неяркий, тихий: пухлые облачка, сбившись на востоке, прикрыли солнце; над морем стлался туман; казалось, море сочится синеватым паром, остывая после стольких дней изнуряющей жары и штормов.

Измученная природа, уловив часы короткого отдыха, притихла, задумалась о чем-то своем. Только звякнет где-то вдалеке овечий колокольчик, а слабый ветерок подхватит, принесет; звякнет ближе из зарослей вербы у самого забора — сольются два звука, — потом еще рядом, и совсем уже тоненько, прерывисто, еле слышно — родится незамысловатая мелодия, точно кто-то с горы на свирели играет.

С утра появились во дворе две женщины: пожилая, полная, медлительная в движениях, и молоденькая совсем, шустрая, говорливая, в кухне повязали на головы белые платки и стали из сумок на стол выгружать продукты.

Макарович стоял тут же, в дверях, но не вмешивался, а только скашивал иногда в сторону женщин шельмовато поблескивающие глаза, говорил шепотом, толкая в бок Эдуарда Степановича:

— Це ж вот жинка моя, Катя. А то дочка старшенькая, а младшая, Нинка, так та четвертый год в Ростове, в педагогическом. Практика у ней сейчас.

К вечеру начали собираться гости — уже стоял под навесом, воня бензином, потрепанный пыльный «Уралец», кричал до икоты, захлебываясь слезами, чей-то ребенок, брошенный без присмотра в бригаде, и новенькие «Жигули» розовато посвечивали никелированным бампером посреди двора.

Уходило за горизонт, прощально и устало освещая землю, малиновое неяркое солнце. Дорожки от слабых лучей чешуйчато поблескивали, протянувшись по воде почти до самого берега. Улеглась поднятая недавними штормами серовато-зеленая муть, песок припоросил медуз, дохлых бачков и водоросли, которые во множестве валялись вдоль берега; посветлевшее море замерло, налилось синевой на глубине.

Когда натомившись ожиданием гости стали рассаживаться наконец за стол, откуда ни возьмись появился Костя — все зашумели, повставали с мест, окружили Костю плотным кольцом, и начались объятия, звонкие поцелуи, шутливые укоры: «Сколько дней здесь, а себя не кажешь... Загордился, занался, парень!»

Костя, едва успевая отвечать на объятия, подставлял родственникам попеременно покрасневшие сразу щеки, губы, лоб, оправдывался неловко своим нездоровьем, призывал в защитники и свидетели Макаровича, а тот только подмигивал жуликовато, хихикал, грозил пальцем, повторяя: «Брось, брось придуриваться — знаешь...»

Эдуарду Степановичу было весело и легко в этот вечер, все собравшиеся за столом люди казались на редкость симпатичными, обаятельными, милыми.

«Какой же я, однако, — думал он с нежностью, словно в тот, в первый раз, украдкой разглядывая Костю, — вообразил себе неизвестно что, уезжать собрался... Нет, он не изменился ничуть, мой Костя Кравченко, такой, как прежде, да и не мог... Это я старею, нетерпимым становлюсь, брюзгливым, подозрительным».

А кто-то уже требовал гитариста, желая непременно сбачать чететку, по-нашему, по-флотски, с искрой, чтоб стекла звенели, кто-то запевал во весь голос: «Нелегкой походкой матросской...» — и тащили уже кого-то под руки шумной гурьбой освежиться. Один только Макарович, подперев рукою щеку, задумчиво глядел в темнеющую лиловую даль моря затуманенными слезой глазами.

— Как же хорошо, как хорошо! — все чаще склонялся к Эдуарду Степановичу, клал ему руку на плечо Костя и дышал горячо, шептал в ухо, щекоча влажноватыми губами:

— Ну, оглянись же, оглянись кругом... Удивительно! Море, и мы вдвоем, мы вместе, как прежде, ведь правда, Эдик?

В бригаде тем временем включили радиолу, выставили ее на подоконник, и гости дружно поднялись из-за стола, стали топтаться под навесом, танцевать парами и в одиночку — кто как умел — в надежде избавиться от комаров, которые особенно остервенились в безветрие, висели над столом тучей, привлеченные запахом разгоряченного дородного тела, ярким светом и многолюдством.

Эдуард Степанович поднялся вместе со всеми, отряхнулся, молодецково оправил на груди рубаху, намереваясь пригласить на танец одну из женщин, и уже шагнул было к ней, но... качнулся, внезапно бледнея, ухватился нетвердой рукой за край стола.

Знакомая колющая боль возникла в левой стороне груди, отдалась под лопаткой, словно длинной иглой пронизала насквозь. Поплыли перед глазами, закружились в радужном тумане, сменяясь с калейдоскопической быстротой: стена, испятнанная синими тенями, мотоцикл, ярко-разноцветные колыхающиеся платья, женские руки, взметнувшиеся в танце, чья-то студенисто-дрожащая, гладко выбритая щека.

Грудь сдавило так, что, задохнувшись, он едва не закричал, закусывая побелевшие губы.

— Дяденька-а! Дяденька, что с вами? — в ту же минуту услышал над собой и, оборачиваясь с трудом, увидел белобрысого мальчугана лет двенадцати.

— Вам плохо? — Мальчуган потряс его за плечо.

В ответ Эдуард Степанович попытался было улыбнуться, но не удержался, скривился от боли, застонал тихонько.

— Ты чей? — выдал из себя, едва шевеля губами.

— Я Петька, Константина Макаровича, сторожа, сын. Дяденька, я мать сейчас позову, она туточки...

— Не надо! — успел он ухватить Петьку за рукав. — Лучше помоги до кровати добраться.

В комнате сунул под язык нитроглицерин, лег, правой рукой растирая легонько грудь, и чувствовал, замирая, как зябкая дрожь пробегает по телу, хрипловатое, частое дыхание толчками вырывается из опадающей груди, и влажнеют, покрываются холодной испариной лоб, живот, руки...

А рядом как ни в чем не бывало гремела музыка, со двора доносился дробный летучий перестук каблучков, беззаботный смех. И все это казалось ему теперь непонятным, бессмысленным, ненужным.

«Что нашли они веселого? Зачем они так? Зачем?» — мучаясь, думал Эдуард Степанович.

Когда же немного отступила боль, повернулся на бок и увидел в неширокой полосе струящегося из окна света того самого белобрысого мальчугана, неподвижно сидящего у кровати. Только лица его не разглядел сейчас — лицо было из одних глаз, взволнованных, полных сострадания и тревоги. И, смутившись неволью под недетским их сосредоточенным взглядом, приподнялся с подушки Эдуард Степанович, пробормотал, дотронувшись до шелковистого, упрямо торчащего на макушке вихра:

— Ничего, мне лучше, Петя. Иди, иди спать.

И забылся уже надолго.

Очнулся он посреди ночи. Ветка тополя, отбрасывая густую тень, заглядывала в окно, где-то на краю станицы хрипловато влзлаивали собаки, и море молчало, не слышно было привычного шума, только слабый шелест, как в лесу, от налетающего порывами легкого ветерка. В умиротворенной, залитой бледно-голубоватым светом тишине внезапно уловил он чутким слухом скрип половиц в коридоре под чьими-то крадущимися шагами. Громыкнуло пустое ведро на лавке у окна, кто-то ойкнул испуганно, и Эдуард Степанович понял, что вошла женщина.

— Да осторожней ты, черт. Разбудишь, — послышался следом торопливый Костин шепот, — сюда давай...

Вспомнились отчего-то слова Макаровича о той «чернявенькой» из палаток. Воображение нарисовало стремительно детские и в одно время недетские уже, глубокие, испытующие глаза, как у давешнего мальчика Пети, тонкую, беспомощно изогнутую шею, курчавый завиток в ложбинке... Но тут же застонал с досадой и непонятной горькой обидой Эдуард Степанович, так не вылезало с тем, что услышал он из-за стены.

«У него же дети! Как он может? Ведь дети...»

И стало вдруг так больно, так противно и гадко, так захотелось, пересилив себя, подняться, собрать вещи и уехать, уйти отсюда немедленно, хотя бы и пешком, и никогда не возвращаться, стереть в памяти Костино лицо.

«Уеду, уеду, — повторял он про себя. — Мне и жить-то, видно, немного. Брошу школу — и место предлагаю отличное, тихое место в краевом центре. Напрасно все, напрасно — школа не для меня. Пусть преподают твердолобые, не знающие сомнений...»

Минула ночь, и, как обычно, в назначенный час наступило утро. Ветерок шевельнул занавески на окнах, привычно зашумело — нахатывая и отступая со вздохом — море. Пополз по затоптанному полу лучик света, пробившись в дверную щель, и если приподнять с подушки голову и выглянуть в окно, заполняла глаза синева бездонного неба.

Приподнял голову, морщась, встал с кровати Костя, нетвердо ступая, вышел под навес и прямо из ведра, шумно и долго пил холодную воду. Застонал, опустился безвольно на скамейку, непослушными, дрожащими пальцами выковырнул из пачки сигарету. А когда после первых затяжек полегало и уже не так нестерпимо болела голова, глянул на берег — на лодке почти у самой воды сидели рядом Эдуард Степанович и Петька. Эдуард Степанович, по привычке размахивая руками, рассказывал что-то забавное, а Петька, смеясь, смотрел на него.

«Ну вот, Эдик, как всегда... — подумал, сплевывая, Костя. — Эдика не изменишь, так и будет до смерти... Вечный Эдик».

Искусственный небосвод на крыше

Слава ТАЙНС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

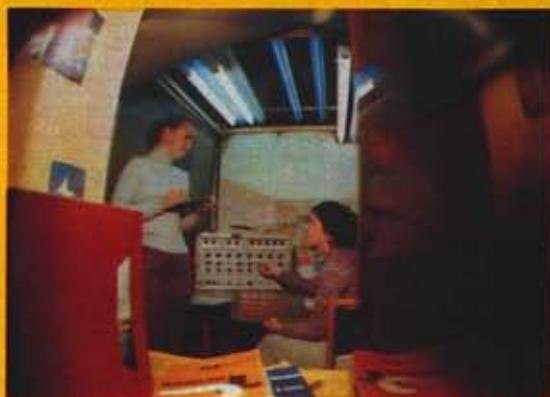
ИНЖЕНЕР ИГОРЬ ПИВОВАРОВ И ТЕХНИК
ПАВЕЛ ТИЛО ИЗУЧАЮТ ПРОЕКТ ЗАСТРОЙ-
КИ НОВОГО МИКРОРАЙОНА.

Издали это сооружение похоже на купол планетария, однако из-за отсутствия отверстия для телескопа можно сделать поправку и принять его за купол небольшой цирковой арены. Аллюминиевые ромбики облицовки, как ячейки гигантской сетки, накрыли сферический каркас, упирающийся в прочный фундамент. Внутри этого необычного здания нас ожидают чудеса. Не цирковые, конечно, но не менее поразительные: здесь смонтировано... небо. Почти две тысячи различных источников света позволяют имитировать условия естественного освещения в любое время суток. И когда стоишь под мощным световым потоком на небольшой, диаметром в пять метров, круглой арене, чувствуешь себя как в знойной пустыне. Однако к чему вся эта иллюминация, от которой здесь можно получить даже солнечный удар?

Этот вопрос я задавал себе, когда еще подходил к светотехническому корпусу Научно-исследовательского института строительной физики Госстроя СССР, а затем совершил экскурсию в «поднебесье». В здании «Искусственного небосвода», как называли свое детище авторы необычного сооружения, еще пахнет свежей краской. По окрестности новой лаборатории выстроились, не соблюдая строевого порядка и ранжира, шкафы, начиненные электронной и электротехнической аппаратурой. Усадив меня за пустой канцелярский стол, еще хранящий следы отделочных работ, Виталий Боленок, начальник лаборатории «Искусственный небосвод», тоном опытного экскурсовода рассказывал мне о задачах нового научного подразделения.

— Наша лаборатория родилась, образно говоря, на острие проблем, которые с каждым днем становятся все более актуальными. С одной стороны, это проблема современного строительства, вернее, рационального проектирования жилых и промышленных зданий с точки зрения их лучшего освещения. С другой — проблема экономии электроэнергии.

Купол для исследований световой среды давно существовал в светотехническом корпусе института. Но выглядел он карликом по сравнению с нынешним, был примитивен по конструкции, неудобен и неэффективен в эксплуатации. Сегодня с высоты своих достижений авторы «Искусственного небосвода» называют его «доисторическим». А тогда ломали головы, как оторваться от дедовского метода и выйти на уровень исследований, отмеченный печатью бурного научно-технического прогресса. И в этом творческом поиске образовалась целая когорта ученых. Свое веское слово сказал и директор института, доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР Валентин Алексеевич Дроздов.

СОВРЕМЕННАЯ СВОТТЕХНИЧЕСКАЯ И ЭЛЕКТРОННАЯ АППАРАТУРА ПОМОГАЕТ МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ СИСТЕМУ СОВМЕЩЕННОГО ОСВЕЩЕНИЯ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ЗДАНИЙ.

сам принявший участие в проектировании и строительстве купола.

Выбор руководителя будущей научно-экспериментальной лаборатории пал на Виталия Боленка: окончил МЭИ, защитил диссертацию по технологии производства источников света, занялся прикладным делом — строительной светотехникой. Боленок хоть и не был строителем в прямом смысле слова, но смело взялся сформулировать заказ, разработать техническое задание проектировщикам. Идея носила еще абстрактные формы, и надо было облечь ее в алгоритмы, очертить контуры. Это и сделал Боленок, а специалисты института «Тяжпромэлектропроект» сделали рабочие чертежи первенца, открывающего новый век в строительной светотехнике.

— Проект — это лишь поддела, — вспоминает Виталий. — Надо было, как говорится, довести его до ума. Этим мы и занялись с научным сотрудником Константином Люцко.

Они влезали во все мелочи монтажа, контролировали каждый шаг электротехников, сами собирали сложную схему источников света. Пришлось им и поездить по стране в поисках необходимой светотехники. Конечно, они были не одиноки. Валентин Алексеевич Дроздов не сводил глаз со «стройки номер один», как шутя окрестили этот объект, которому директор уделял усиленное внимание. Когда нача-

лась отладка смонтированного «небосвода», в лаборатории появились еще два новых сотрудника. «Организовываем землячество», — пошутил Виталий, принимая на работу выпускника родного МЭИ Игоря Пивоварова и вечерника того же института Павла Тило. Действительно, получился квартал мэистов, но главное, что образовался коллектив единомышленников, искренне преданных новому делу.

Собственно, название «Искусственный небосвод» условное. По существу, под алюминиевым куполом с помощью мощных источников света можно создавать три световые модели: искусственное небо, солнце и землю, которая ведь тоже испускает отраженный свет. На все три модели, кстати, получены авторские свидетельства. Все эти три состояния нужны для имитации солнечного, обычного или пасмурного дня в различных широтах. Но для чего?

— В этом-то и весь секрет, — пояснил Виталий, когда мы поднялись на площадку под «небосводом», и показал установленный на круглой арене макет многоэтажного жилого дома. — Мы исследуем, как освещаются комнаты дневным светом в разное время дня и как, исходя из проекта, лучше расположить само здание. Лаборатория должна давать рекомендации по каждому конкретному проекту: на каком «безопасном» расстоянии друг от друга лучше расположить здания, чтобы избежать затенения, какие комнаты лучше проектировать для большего использования естественного, а не электрического освещения.

Когда купол был смонтирован, перед молодыми исследователями остро встала проблема точного и быстрого замера всех световых параметров в различных режимах работы системы «Искусственный небосвод». В отечественной светотехнике они не нашли измерительных приборов, соответствующих их требованиям. Виталий с Костей взялись за разработку автоматизированной светоизмерительной системы и компьютерного блока обработки поступающих от фотоэлементов данных. И вдвоем разработали центр приема информации и выдачи конечного результата в цифровом выражении и на перфоленте. Приспособив электрические измерительные приборы, они смогли заставить их стать чувствительными к свету, а затем увязали друг с другом в систему и вывели на ЭВМ и дисплей.

Уникальное сооружение «Искусственный небосвод» принято Государственной комиссией с отличной оценкой и уже начало обслуживать проектные организации страны. И теперь каждый день на окраине Москвы «работает» небо. Вокруг сверкают снега, торопятся лыжники к ближайшему лесу, а под куполом «Искусственного небосвода» сегодня имитируется освещение, скажем, летней Ялты.

Лaborатория, в которой мы оказались, меньше всего походила на одно из подразделений клиники. Голубоватые шкафы компьютеров, серебристые кристаллические глаза-иллюминаторы — немигающее око гамма-камеры, ярко расцвеченные экраны дисплеев. Прибавьте к этому еще полумрак, тихое шуршание раскрываемых видеолент, щелчки клавишей.

Стараясь не мешать людям, находящимся в лаборатории, осматриваемся в один из экранов. То, что проецируется на нем, очень напоминает мультфильм — цветная картинка, почти не меняя своего контура, на глазах меняет расцветку. Сине-зеленые ее зоны постепенно заливаются красными сверкающими точками. Проходит секунды, и вновь синий цвет вытесняет красный. Только нижняя левая часть картинки не желает приобретать первоначальный цвет, во всяком случае, происходит это крайне медленно.

— Ясно. Есть дефект, необходима операция.

Щелчок тумблера, и изображение гаснет. Заведующий лабораторией изотопной диагностики Института хирургии имени А. В. Вишневского, кандидат медицинских наук Вячеслав Гордеев отрывает взгляд от экрана и просит включить свет.

— То, что вы видели сейчас на дисплее, было человеческим сердцем... Вернее, своеобразным фильмом о сердце порядочно уставшем. Но прежде, чем врачи возьмутся за его лечение, мы должны дать им полную картину пораженного недугом органа, определить меру его изношенности по целому ряду параметров и, если хотите, вычислить степень жизнестойкости всего организма. Словом, помочь врачам поставить точный диагноз. И здесь нам на помощь приходят изотопы.

Медицина как таковая давно уже перестала быть уделом специалистов лишь чисто медицинских профилей. Все смелее на помощь традиционным скальпелю и лекарству, стетоскопу и термометру приходят электроника и математика, радиология и кибернетика, металлургия и многие иные отрасли современной науки. Без этого продвижение медицины вперед было бы невыс-

мо, но даже самые передовые методы лечения окажутся малоэффективными, если они не основаны на абсолютно точных диагностических данных. Человеческое сердце, координирующее жизнедеятельность всего организма, представляет для исследователей «зону интереса» № 1.

Даже практическую медицину все меньше устраивает прекрасный для своего времени аппарат — электрокардиограф. Впрочем, он и сейчас еще хорош на первой стадии диагностики. Но врачу, и это естественно, хочется знать о больном сердце как можно больше. Ведь предотвратить катастрофу можно только в том случае, если предполагались ее подлинные размеры. Основным методом современной медицины в получении информации о состоянии сердца является его зондирование. Однако метод граничит с оперативным вмешательством, сложен и показан не всем больным.

Лаборатория в институте Вишневского, сначала созданная с чисто научными целями, спустя несколько лет приняла на себя функции одного из подразделений практической диагностики.

В сущности, все оборудование лаборатории — это блоки гамма-камеры, которые добывают и обрабатывают информацию о больном. Люди же питают умную машину знаниями, закладывая в ее память самые современные медицинские данные, снимают показания с приборов. Это не так уж мало, ибо сотрудники лаборатории в любом случае должны быть умнее своей машины. Но, конечно же, одним врачам разобраться в ней не под силу, поэтому в штате лаборатории есть и математики и инженеры.

Мы еще не завершили знакомства с гамма-камерой, как в лаборатории появился очередной пациент. Это был совсем еще маленький мальчик, которого привел за руку его лечащий врач, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отделения хирургии врожденных пороков Михаил Саргин. Мальчик уже здесь бывал и поэтому безбоязненно взобрался на специальный стол, который вместе с наведенным на его центр круглым экраном напоминал рентгеновский аппарат. Саргин пояснил, что мальчик недавно перенес сложную операцию на сердце. Состояние его заметно улучшилось. Но хотелось бы увидеть сердце в работе, узнать, насколько эффективно оказалось оперативное вмешательство.

Отложив в сторону игрушку, малыш послушно закатал рукав и стойко перенес укол — ему в вену вместе со-

специальным веществом ввели крошечную, миллионную долю юри радиоактивного техниция, который попадает вместе с кровью в сердце. Теперь внимание. Включена гамма-камера. Мы видим на экране дисплея уже знакомую картину — сине-зеленые зоны сердца замещаются красными. Это изотоп постепенно накапливается в вибрирующем сердце мальчика. Изотоп высвечивает его, посылая сигналы — гамма-лучи. Их-то и улавливают фотоэлектронные умножители. 37 внимательных кристаллических глаз экрана — калибратора, который ведет своеобразную кино съемку работающего сердца. Гамма-лучи преобразуются в электрическую энергию (все по принципу телевизора), которая воздействует на проецируемое дисплеем изображение. Чем выше активность гамма-лучей, тем ярче картинка на экране. В данном случае цветотетива гамма меняет оттенки без задержки по всей площади изображения. Это может означать лишь одно — сердце работает ровно, без перебоев.

Но делать какие-либо выводы рано. Надо еще получить распечатку из ЭВМ — своеобразную карту-график, отражающую работу органа по 12 параметрам. Тем временем изотоп, пройдя сердце, попадает в легкие больного, потом снова в сердце, наконец — в аорту. На этом круг замыкается.

— Изотоп, — поясняет Гордеев, — выполнил свою задачу. За 50 секунд, которые техницист провел в сердце, он успел проинформировать ЭВМ обо всех функциональных особенностях органа. Кроме того, мы записали только что полученное изображение на видеоленту и можем в любой момент воспроизвести на экране этот своеобразный мультфильм.

Остается добавить, что таким же образом смотрят в лаборатории любой человеческий орган. Но для печени применяется коллоидное золото, для легких — радиоактивный ксенон, а для снятия данных о состоянии поджелудочной железы нужны уже два изотопа.

Ну а как же все-таки тот мальчик? Насколько его сердце подготовлено после операции к тревожениям долгой человеческой жизни? Мы узнали об этом через несколько минут с помощью ЭВМ. Выданная машиной распечатка-характеристика была мгновенно расшифрована сотрудником отделения Ириной Торопчиной — сердце мальчика работает надежно.

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ
Позволяют увидеть невидимое.**

Сердечная Работа

Ян ВЛАДИН.
Фото
Алексея ФЕДОРОВА

ТАК СНИМАЕТСЯ ФИЛЬМ
О СЕРДЦЕ

ИЗОТОПЫ
НА СЛУЖБЕ ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ

Джеймс Олдридж,
английский писатель,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира между народами»

СПРЯЧЬТЕ СПИЧКИ ОТ Г-НА МИНИСТРА!

Мистер Каспар Уайнбергер, духовный отец нового плана США о достижении абсолютного военного превосходства над Советским Союзом, слышит изысканным интеллектуалом. И все потому, что его планы считаются скорее «интеллектуальными», нежели военными. Сама идея, будто мистер Уайнбергер может каким-то образом разработать стратегию и систему ядерного оружия, которая способна, по словам газеты «Санди Таймс», «поставить СССР на место», очень напоминает веру в героя известного американского комикса — «супермена», то есть сверхчеловека, — действия которого не ограничиваются ни здравым смыслом, ни физическими возможностями нормального человека. Даже представитель правых политических кругов Дэвис Хили после своего недавнего визита в Москву заявил, что он согласился с Л. И. Брежневым, когда тот назвал этот американский план «опасным заблуждением».

В самом деле, теория сверхчеловека давно знакома Европе. Супермен может быть героем комикса в Америке и может даже быть идеальным героем в представлении мистера Уайнбергера, но европейцы имели опыт общения с живыми «суперменами» — это тот опыт, за который народы Европы заплатили более чем сорока миллионами человеческих жизней, да и самой Америке этот опыт обошелся ни много ни мало в сто пять тысяч могильных крестов. Таким образом, подлинная сущность этой «новой» интеллектуальной теории сверхчеловека хорошо известна каждому простому европейцу, известна не по комиксам, а как реальная угроза жизни, жизни наших детей, угроза будущему всего нашего континента.

Понимание этого и является отправным моментом борьбы, которая идет сейчас в каждой западноевропейской стране против американского плана — «снабдить» нас крылатыми и другими ракетами, нейтронными бомбами, не интересуясь, нравится нам это оружие или нет. Для того, чтобы Европа приняла это оружие, мы должны поверить в примитивную идею необходимости американского господства в Европе, не обращая внимания на связанный с этим риск для нас самих. И хотя у нас есть политики, которые охотно принимают сию американскую теорию, которые даже поддерживают ее перед национальными собраниями, парламентами и на международных конференциях, тем не менее существует весьма осязаемое противодействие опасной идее... Спасибо, не хочется, чтобы наше будущее зависело от ядерных угроз Соединенных Штатов, от состояния нервов двадцатилетнего американского солдата, постоянно держащего палец на спусковом крючке.

Американская администрация заявляет, что каждый, кто отвергает идею, будто Восток угрожает Западной Европе, подкуплен Советским Союзом, который, по словам администрации США, тратит 70 миллионов долларов на «пропаганду идей мира в Европе».

Это заявление, заметим, также попадает в категорию «опасных заблуждений». Более того, это заявление оскорбительно для европейцев, которые в угоду американскому мифу должны жить в условиях ядерного риска и помалкивать к тому же. Или же американцы страдают чем-то гораздо более серьезным, чем просто иллюзии: как же можно перепутать понятия войны и мира настолько, что уже нельзя отличить одно от другого?..

Если каждый здравомыслящий человек, который выступает против американского ядерного оружия в Европе, является платным советским агентом, то во всех странах Западной Европы — буквально миллионы подобных «агентов». Странников мира, выражаясь нормальным человеческим языком. И неудивительно. Идея мира в Европе опирается на реальные факты европейской жизни, она основывается на страданиях, которые Европа пережила в двух мировых войнах, на понимании, что означает подвергнуть-

ся опасности в наш ядерный век. Мы-то знаем, чего боимся.

Иные люди, участвующие в кампании протеста против размещения ядерного оружия и американских военных баз на европейском континенте, не испытывают прямых симпатий к Советскому Союзу. При этом большинство из них осознает, что истинная военная угроза исходит скорее из Вашингтона, чем из Москвы, и поэтому эти люди боятся именно американских ядерных ракет на европейской земле. Только две европейские страны безоговорочно согласились разместить на своей территории ядерное оружие среднего радиуса действия — Италия и Великобритания. Остальные страны либо наотрез отвергли крылатые ракеты и ракеты «Першинг-2», либо «приняли» их с оговорками. Например, руководители Западной Германии заявили, что допустят оружие среднего радиуса в ФРГ только в том случае, если серьезные и искренние переговоры о сокращении вооружений между СССР и США не достигнут положительных результатов. Но даже подобная уступка подвергается критике. Недавно около 200 тысяч человек провели в Бонне демонстрацию протеста против размещения любых ядерных ракет на территории ФРГ.

Если считать, что политика министра обороны США мистера Уайнбергера отмечена печатью высокого интеллекта, то остается только гадать, что же именуется в США интеллектом, ибо невозможно определить политику США, даже если она направлена на удовлетворение собственных интересов страны, иначе как тупую, наглуемую или просто опасную. Согласитесь, ни одна из этих характеристик не может быть всерьез отнесена к категории «интеллектуальных».

В то время, как Европа начала выступать против ядерных ракет на европейской территории, американские заправилы от политики неожиданно преподнесли еще двух монстров: нейтронную бомбу и новую теорию, согласно которой они на самом деле могут вести и «выиграть» ограниченную ядерную войну на европейском континенте. Дело в том, что и нейтронная бомба и теория ограниченной ядерной войны являются лишь частями той мозаики, которую пред-

ставляет собой новая стратегическая политика Вашингтона, слепленная из идей «конфронтации» и «уничтожения» коммунизма везде, где бы он на Земле ни появился.

Полноте! Эта стратегия президента США Рейгана — всего лишь вариант старой приевшейся политики Джона Фостера Даллеса, творца политики «холодной войны». Но разница не только в том, что СССР сейчас во много раз сильней, чем прежде, но и в том, что многие страны освободились от господства США не только в Африке и на Востоке, но косвенным образом и в Европе. Первоначально, во времена «холодной войны», правительства всех западноевропейских стран, включая и лейбористское правительство Великобритании, все-таки следовали в фарватере политики США. Времена уже не те. И хотя общественное мнение Великобритании сейчас не настолько остро ощущает ядерную угрозу, как в шестидесятых годах, тем не менее у нас есть нечто такое, чего не было тогда, — лейбористское движение, решительно стоящее за запрет крылатых ракет и нейтронной бомбы.

В начале 1981 года в Мюнхене я стал свидетелем того, как организация писателей Западной Германии опубликовала воззвание ко всем писателям Западной Европы — против любых ракет и атомных бомб на европейской земле. Это воззвание было подписано всеми известными западногерманскими и многими европейскими писателями. Это событие широко освещала пресса ФРГ, а также газеты «Таймс» и «Гардиан» в Великобритании.

Когда я смотрю на список тех, кто подписал воззвание, и вижу имена талантливых литераторов, книги которых читают на всех континентах, я начинаю думать, что даже если бы народы Европы не знали, что такое война, какие страдания она приносит и какое печальное наследство оставляет людям, и если бы им при этом пришлось выбирать между интеллектом подписавших это воззвание и интеллектом мистера Уайнбергера, я знаю, каков был бы их выбор.

Лондон

(АПН — специально для журнала «Смена»)

Уважаемые читатели!

Перед вами письмо, выбранное нами из редакционной почты. Оно показалось нам неожиданным и интересным хотя бы потому, что автор его, молодой инженер, быстро продвигающийся по служебной лестнице, задается вопросом: этично ли в производственной работе стремиться к лидерству? Письмо написано в полемическом тоне. И естественно, кому-то подход Александра Козаря к проблеме лидерства покажется односторонним, кто-то с ним согласится, а кто-то и поспорит. Именно это обстоятельство и привело нас к мысли, что письмо требует обсуждения. Публикуем его полностью, без всяких сокращений.

Уважаемая редакция!

Вопрос, который я хочу вам задать, может показаться на первый взгляд и странным и нескромным. Но я почему-то уверен, что этот вопрос сегодня волнует многих моих сверстников (мне 27 лет). Для себя я, конечно, ответ на него уже давно нашел, но вот то, как реагируют на мой образ мыслей и поступков некоторые знакомые, мне не дает покоя. Расскажу все по порядку.

Встретился я недавно со своим бывшим однокашником — мы с ним в одном институте учились и даже распределились на один завод. Полгода назад Володя перебрался от нас на другое предприятие, и с тех пор мы с ним не встречались. И вот узнаю, что теперь он уже не инженер-конструктор, а обыкновенный наладчик станков. Оказалось, что это обстоятельство его вполне устраивает: «Отработал восемь часов — и свободен. И отвечаю только за себя, не то что ты, бедолага». Поговорили мы с Володей еще о том о сем и расстались без особых эмоций, но одна его фраза не выходит у меня из головы: «Ну, как твоя карьера? Куешь помаленьку?»

С такой иронией он задал мне этот вопрос, что я действительно стал сомневаться: может, и правда аморально в производственной работе, как и в спорте, стремиться к первенству? Неужели безнравственно и на этой «беговой дорожке» выбиваться в лидеры?

Сколько себя помню, никогда не был «среднячком». Десять школьных лет — только отличник. Честолюбие, а может быть, и тщеславие не позволяло, например, получить четверку по нелюбимой истории. «Среднячки», на мой взгляд, честолюбия просто лишены. В общем, я привык к положению вечного пятерочника. Учителя ставили меня в пример нерадивым и сереньким, родители не могли нарадоваться — каждый год похвальная грамота, школу окончил с медалью. Друзей, правда, у меня близких не было, да их и сейчас нет. Считают, что я очень уж высокого мнения о себе. А я и не пытаюсь разубедить их в этом. Каждый человек должен знать себе цену. А цена, как известно, у всех разная.

После школы поступил в политехнический и там все пять лет был отличником, получал повышенную стипендию. После защиты диплома оказался на заводе. Два года работал мастером. Неблагодарнее должности не придумаешь. Приходишь в цех первым, уходишь последним. И в течение всей смены сплошная нервотрепка. То брак идет, то смежники на голодном пайке держат, то пьянка на рабочем месте. Прогулы, текучесть кадров — в общем, все было. Классический букет плохой организации производства. Год потребовался мне, чтобы из этой неразберихи выбраться. Какой ценой — не буду здесь объяснять. План мой участок стал регулярно невыполнять, хотя цех по-прежнему отставал. Причину этого руководство завода знало, но до поры до времени мер

кардинальных не принимало. Просто начальником цеха был человек, которому оставалось полтора года до пенсии.

ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ

Пояснять тут, по-моему, ничего не требуется. Выговоры ему периодически объявляли, но к ним даже самый чувствительный привыкает. Странно это, на мой взгляд, — держать человека на должности, которой тот не соответствует. Но понизить, снять, перевести на другой участок у нас почему-то считается неудобным...

Но вот однажды вызывает меня главный инженер. «А что, Александр Николаевич, если мы вам предложим заместителем начальника цеха поработать, согласитесь?» Вопроса такого я не ожидал, хотя в глубине души надеялся, что заметят, оценят. Главному инженеру сказал, что сразу ответ дать не могу, необходимо подумать. Стал я взвешивать все «за» и «против». Предложение, с одной стороны, лестное, а с другой... Опять быть на вторых ролях и тащить на себе теперь уже цех? Малопривлекательная перспектива. Ну хорошо, через полтора года нынешний начальник уйдет на пенсию (может, кстати, и не уйти), и меня тогда могут поставить на его место. А до этого лезть из кожи и получать незаслуженные оплеухи?.. Когда главный снова пригласил меня к себе, я сказал, что заместителем начальника цеха идти отказываюсь, а вот начальником согласился бы. У главного инженера, мне показалось, физиономия вытянулась от этого моего заявления. Но через неделю приказ уже висел: я стал начальником цеха. Мой предшественник ушел в отдел главного механика старшим инженером. Как говорится, каждому по способностям.

В цехе встретили меня без особого энтузиазма. В глазах некоторых я был

выскачкой. По натуре я не жесткий человек, но, когда надо, умею быть твердым. Если уверен в своей правоте, изменить точку зрения меня никто не заставит. И поставленной цели умею добиваться, чего бы мне это ни стоило. Став начальником цеха, добился своего: уже через два квартала мы впервые за многие месяцы выполнили план. Но для этого мне пришлось наполовину поменять управленческий аппарат, своими руками поставить людей исполнительных, добросовестных. Кое-кто, я знаю, зовет меня за глаза «ЭВМ», то есть вычислительной машиной. Но это завистники, люди, которых бесит чужой успех... А разве мало за последнее время в цехе сделано? План выполняется, значит, премию люди стали получать. Чья заслуга? Моя. Кое-кому помог квартиру выбить, способных ребят в бригады протолкнул... Но вот недавно слу-

ему поперек дороги встанет». Почему так говорят, не пойму, ведь я вкладываю в работу сил гораздо больше, чем мой предшественник. И стараюсь не для себя, так чего же на меня коситься-то?

Начальником цеха я работаю два года и уже чувствую, что скоро свою должность перерасту. Хочется дела более масштабного. Я, например, теперь часто встречаюсь с главным инженером и вижу, что он не очень-то «тянет» во многих вопросах. Меня иногда просто раздражают некоторые его беспомощные решения, но ничего не поделаешь — он главный...

Возвращаясь к той встрече со своим однокурсником, вспоминаю, что еще Володя сказал тогда, дескать, я скучный человек, кроме своей работы, ничем не интересуюсь. Сознаю, что тут он прав: сам и горным туризмом увлекается и на гитаре играет. Только мне не нравится такая разносторонность — на работе-то Володя далеко не первый человек. При этом он еще и объяснение смехотворное находит, говорит, что к чинам не рвется, мол, суэта это. А я думаю, это позиция тех, кто только с виду гордится своей обыкновенностью, а в душе завидует людям, которые движутся по жизни с крейсерской скоростью.

«Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом» — хорошая поговорка, но почему-то в реальной жизни такие солдаты многим не нравятся. В спорте главное — борьба за лидерство, борьба за победу. Разве не так и в жизни? Наряду с талантливыми, одаренными людьми немало и обыкновенных неудачников, имен которых никто никогда не узнает, кроме их друзей и родственников. Ну ладно, они сидят себе тихо и в науке и в искусстве, в любом другом деле и не рвутся в недостижимые выси. Но зачем же обвинять в карьеризме тех, кто стремится полнее раскрыть свою личность? Да и разве это так уж безнравственно — желать быть первым, делать карьеру в честной борьбе?

Да, я мечтаю стать генералом. Генералом в своей профессии. При чем же здесь карьеризм? Я просто хочу быть первым.

Александр КОЗАРЬ,
г. Киев

чайно услышал в коридоре разговор: «Начальник наш — малый не промах, своего не упустит, любого спихнет, кто

От редакции.

Вопрос, который волнует автора письма, на наш взгляд, представляет немалый общественный интерес. Человек стремится стать первым, лучшим и добиться признания на производстве. Так же, как, впрочем, это бывает в искусстве, науке, спорте. Какими путями он этого добивается? Всегда ли поступает в согласии со своей совестью? И каждый ли имеет моральное право быть лидером? Каков он вообще — лидер комсомольской организации, бригады, цеха, научно-го отдела, спортивной команды?

Кстати, автор письма и сам прибегает к спортивной терминологии. Но правомерно ли сравнивать первенство в спорте с первенством на производстве? Можно ли жизнь уподоблять беговой дорожке, на которой все делятся на победителей и побежденных?

Вынося на читательское обсуждение проблему лидерства, нам интересно было бы познакомиться и с позицией тех, кого вполне устраивает принцип «отвечаю только за себя», кто не рвется в передовики. Почему одни мечтают стать первыми в своем деле, а другие — первыми купить заграничную стереосистему или сверхмодный гарнитур, которых нет у друзей и знакомых. Почему одни, презрев всякое стремление к материальному благополучию, заняты накоплением знаний в какой-то области, все свои силы тратят на то, чтобы стать духовно богаче, образованнее, а других одолевает жажда обладания сверхмодной вещью, за которую они готовы дать любую цену? Думается, разговор на эту тему тоже будет в рамках той дискуссии, которую мы начинаем в этом номере. Итак, приглашаем вас принять участие в дискуссии, которую мы назвали «Хочу быть первым».

Ждем ваших откликов.

«Песняры». Популярность этого ансамбля действительно нестареющая. Клуб «Музыка с тобой» постоянно получает письма, в которых читатели интересуются, над чем работает ансамбль, каковы его планы. В предлагаемой публикации «Песняры» рассказывают о себе сами.

КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ»

— Недавно «Песняры» отметили свое двенадцатилетие. За это время ансамбль записал пять пластинок, каждая из которых была новым шагом в творческом развитии группы. Концертные программы «Песняров» никогда не повторяют одна другую. На последних гастролях в Москве и Московской области прозвучали два новых цикла — народные обрядовые песни и песни на слова шотландского поэта Роберта Бернса...

В. МУЛЯВИН. Собственно, мы никогда и не отходили от своей традиционной тематики — белорусских народных песен. Нам только хотелось исполнить их по-новому, так, чтобы, один раз прослушав, люди сразу узнавали: поют «Песняры». Трудно было найти нужную манеру исполнения. Народные песни рождались и пелись в крестьянских домах, в поле, на гуляньях и в праздники, а музыкальные инструменты делали простые люди — народные умельцы. Не голый текст, а весь этот живой, яркий колорит и нужно было перенести на современную эстраду.

Народные белорусские песни «Рушники», «Косил Ясь конюшину», «Ой, рано на Ивана», «Стоит верба» и другие составляли стержень наших первых программ, первых

пластинок. Но постепенно появилось желание перейти к более сложным музыкальным формам. Это были «Песни о доле» и особенно «Гусяр» Игоря Лученка — поэма-легенда по произведению Янки Купалы «Курган». Здесь мы попытались соединить народную песенную мелодику с современными симфоническими приемами, здесь много сложных вокальных моментов, в том числе и капелльных. Мне трудно говорить о том, получился «Гусяр» или нет, наверное, все-таки он рассчитан не на массовую аудиторию. Какая-то часть слушателей из-за большого временного звучания, серьезности, симфонизма отошла от нас. Поэтому появилась необходимость найти новую форму, в которой бы соединились масштабность «Гусяра» с доступностью первых работ ансамбля. Это немного похоже на раду — она едина, но состоит из отдельных цветных полосок. Такой новой формой и стали для нас обрядовые песни.

— Теперь вопрос к вам, Владислав. В начале каждого концерта вы рассказываете слушателям о народных обрядовых песнях, о специфике их исполнения. Пожалуйста, познакомьте с ними и нашу читательскую аудиторию.

В. МИСЕВИЧ. Обрядовые песни делятся на четыре части по временам года: зимние — колядные, весенние — волочечные, летние — купальные и осенние — жнивные. В этих песнях люди желали друг другу здоровья и счастья, любви и верности, легкой борозды в поле и богатого урожая. Словно родниковая вода, отражают они душу народа. Посмотрите, какие красивые названия у песен: «Дажинки», «Ой, на море по синему Дунаю», «Сегодня Купала, завтра Ян», «Поженила мать молодого сына». Тексты этих песен были найдены во время поездки «Песняров» с Игорем Лученком по полесским деревням. А слова обрядовых песен нам предоставил Институт фольклора Белорусской Академии наук.

— Второе дыхание последней программы «Песняров» начинается с песен на слова Роберта Бернса. Музыку к ним написал участник ансамбля пианист Игорь Полевода. Обращение к шотландскому классику — это эксперимент?

И. ПОЛЕВОДА. В какой-то степени — да. Владимир Георгиевич говорил о том, что сейчас мы ищем новые формы работы. Цикл песен на слова Бернса еще более облегчен,

НОВЫЙ ЛАД

Павел ЕРМИШЕВ

КУДА ИСЧЕЗАЮТ ЛАУРЕАТЫ?..

Начать свою статью я хочу с мажорной ноты. Давно я уже не испытывал такого эстетического удовольствия и даже эмоционального потрясения, как прошедшим летом в Днепропетровске на V Всесоюзном конкурсе молодых исполнителей советской песни. Мне не забыть, как после блистательного и вдохновенного исполнения студенткой Тбилисской консерватории Тамарой Гвердцители песни В. Азарашвили и М. Поцхишвили «Музыка» в едином порыве встали оркестранты, аплодируя юной певице. А сколько чистоты и поэзии было в облике и пении каунасской студентки Гинтари Яутакайте! Как неожиданно из тишины полился серебристый, родниковой чистоты голос Гинтари, певшей à капелла первую строфу

Николая Рубцова на музыку Александра Морозова «В горнице»:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Раскованность и уверенность мастера — пожалуй, так можно охарактеризовать выступление рижанки Ольги Пирагс, демонстрировавшей приверженность к джазовой манере.

А сколько страсти и глубокого чувства было в пении армянской певицы Эрны Юзбашян, исполнившей интересную работу Роберта Амирханяна на стихи Марины Цветаевой — монологу «Мой милый, что тебе я сделала?» («Вчера еще в глаза глядел»).

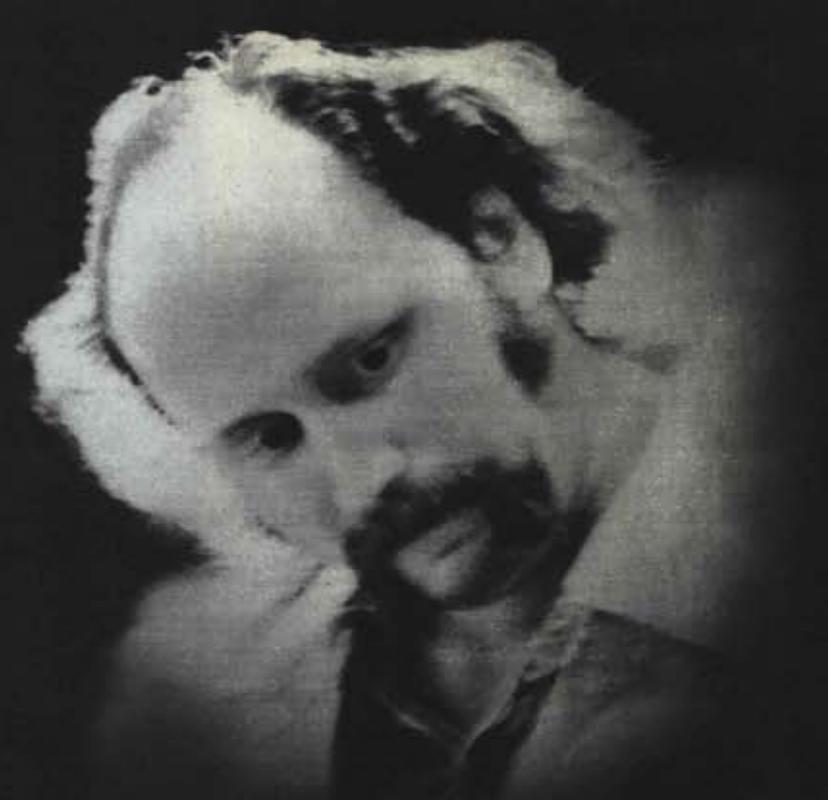
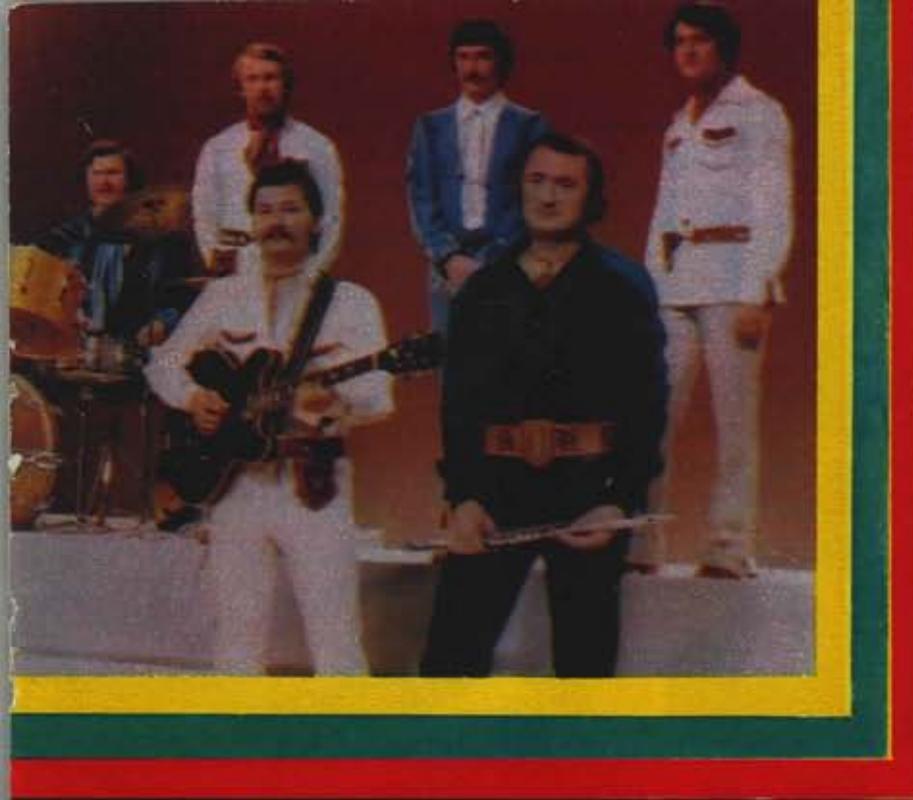
Какие яркие индивидуальности, как непохожи они друг на друга, как разнятся и их вокальная манера, и сценическая подача песни, и репертуарные пристрастия. Талант должен удивлять. И конкурс в Днепропетровске подарил нам, слушателям, радость от встречи с новыми, в чем-то неожиданными, самобытными талантами из четырех республик. И не случайно они, выдлившись уже в первом туре, победно завершили свои выступления — Яутакайте и Юзбашян были удостоены первой премии, а Гвердцители и Пирагс — второй. И хотя еще 9 (!) лауреатских премий было выдано конкурсантам, именно этот «квартет» стал главным украшением творческого соревнования, определившим его ценность и значимость.

И все вроде бы хорошо и замечательно, и сразу несколько ярких дарований открыли (не в пример многим предыдущим конкурсам). Чего же, спрашивается, грустить?

А дело в том, что в Днепропетровске я встретился с

тремя лауреатами Всероссийского конкурса исполнителей советской песни «Сочи-80»: Валерием Алиевым из Горьковской филармонии (1-я премия), стажером Уфимского оперного театра Радиком Гареевым (2-я премия) и солистом филармонии из Грозного Апти Далхадовым (3-я премия). Все трое — обладатели красивых, хорошо поставленных голосов. У каждого из них достаточно профессиональная исполнительская манера, в основе которой лежит ставшая давно уже традиционной сдержанная и довольно статичная подача советской гражданской песни. Мне было интересно узнать, как-то будут смотреться на нынешнем конкурсе лауреаты прошлого года. Любопытно было еще и по другой причине: за минувший год эти певцы не звучали во всеобщем эфире. Почему? Может быть, они слабы или же о них позабыли, не пригласив в программы и не сделав с ними записи песен? Тогда же у меня созрел «крамольный» вопрос: почему бесследно исчезли лауреаты «Сочи-80»?

Для начала я спросил Алиева, Гареева и Далхадова: что они чувствовали спустя месяц после победы в Сочи? Ответ был единодушным — горечь и досада. Певцы рассчитывали, и, видимо, небезосновательно — все-таки лауреаты Всероссийского конкурса, — на внимание к ним со стороны союзного эфира. Но этого не произошло. Впрочем, это можно понять. Помимо сочинского, в прошлом году проходили конкурсы: в Болгарии — «Золотой Орфей», в Чехословакии — «Братиславская лира», «Красные песни» — в Берлине. Так что в лауреатах недостатка не было. И все, естественно, хотят звучать в эфире. Но не до всех, как говорится, руки доходят: достаточно сказать, что на телевидении целый год пролежала видеозапись из Берлина, где таджикская певица Лариса Кандалова стала лауреатом, а света так и не увидела.

"ПЕСНЯРОВ"

чем цикл обрядовых песен. Здесь слушатели не испытывают трудностей, связанных с пониманием текста, мы пользовались прекрасными переводами Маршака.

Поэзия Бернса близка по духу нашему ансамблю. Он бережно относился к фольклору, просто и красочно рассказывал о труде и быте крестьян, об их радостях и печалих, его стихи напоминают народные песни. В автобиографическом письме к доктору Муру Бернс писал: «От старых песен проросли дремавшие во мне зерна поэзии...» Конечно, песни разных народов отличаются друг от друга, но есть в них что-то общее, понятное белорусу и шотландцу, русскому и французам. Именно интернациональность народной песни мы и попытались показать в этой работе.

На последних концертах ансамбль исполнил четыре вещи: «Песню бродячего скрипача», «Песню старой маркитантки», «Базарный шут», «Моему незаконнорожденному ребенку». Всего цикл включает одиннадцать песен.

— Музыковед А. Петров писал: «Песняры», по сути дела, создали заново белорусскую эстраду. Они во всем были первыми...» Но время шло, в Белоруссии появлялись новые интересные ансамбли, ставшие сегодня в

какой-то мере соперниками «Песняров». Как вы к этому относитесь?

В. МИСЕВИЧ. Да, в последнее время стало трудней удержаться на волне популярности. Повысилась требовательность слушателей: они получают больше музыкальной информации, у них есть выбор. Сейчас каждый ансамбль имеет своих поклонников. Нас радуют успехи других, например, ансамбля «Сябры», руководитель которого Валентин Бадьяров одно время работал в «Песнярах». У них есть удачные вещи — «Девушка из Полесья», «Глухарина заря», «Кася». Это относится не только к белорусским ансамблям: приятно, что успешно работает с русским фольклором, например, «Ариэль». И здесь нет соперничества, конкуренции, у нас общее дело — показать свежесть и чистоту песенного богатства советского народа.

— За последнее время состав «Песняров» немного изменился. Как приходят музыканты в ансамбль, какие требования ставятся перед ними?

В. МУЛЯВИН. Во-первых, это должны быть профессиональные музыканты. Во-вторых, люди, постоянно твор-

чески работающие. И, наконец, просто хорошие люди. Относительно недавно работают в «Песнярах» Игорь Полевода, Владимир Тхаченко, Сергей Лапташев.

С. ЛАПТАШЕВ. Для любого музыканта «Песняры» — это прежде всего школа высокого профессионального мастерства. Более опытные участники ансамбля: Александр Демешко, Леонид Тышко, Анатолий Кашепаров и другие — помогают молодым быстро освоиться в коллективе, начать работать «в один голос» с остальными. В то же время в нашем ансамбле каждый может сохранить индивидуальность, личное творчество, предложить что-то свое...

— И последний, традиционный вопрос...

В. МУЛЯВИН. Естественно, планы на будущее. В ближайшее время — гастроль в Латинской Америке, затем будем продолжать работу над Бернсом. В следующем году «Песняры» подготовят большую трехчасовую программу, посвященную 100-летию со дня рождения народных поэтов Белоруссии — Янки Купалы и Якуба Коласа.

С «Песнярами» беседовал Евгений МОСКАЛЕВ.

Я не был в прошлом году на сочинском конкурсе, и мне было интересно услышать мнение о нем человека, участвовавшего в его работе. С этой целью я обратился к члену репертуарно-редакционной коллегии Министерства культуры РСФСР, заслуженному артисту республики В. П. Голикову.

В. П. ГОЛИКОВ. Прежде всего плохо были подготовлены участники конкурса, я имею в виду репертуар, сценическое решение песни, вокальную технику. Немало было оперных певцов, поющих громко, яркими, сочными голосами, часто любящих собой. Но о создании образа многие забывали. В результате большинство оперных певцов дальше первого тура не прошли.

Одно решение организаторов конкурса показалось мне странным. Конкурсантам было предложено для обязательного исполнения 16 песен, многие из которых не обладали высокими художественными достоинствами и, следовательно, не могли способствовать раскрытию творческого потенциала участников. А ведь роль каждой песни очень высока, так как исполнители поют в туре всего 3 песни и каждая должна показать различные грани певца. А если обязательная песня к тому же еще и не подходит певцу, не соответствует его вокальным и сценическим данным, то такая она не просто балласт, а, если так можно сказать, камень, тянущий на дно.

Как уже повелось в последние годы, премий дали больше, нежели было достойных высококого звания лауреата. Идет это от желания никого не обидеть. А такая «доброта» снижает значение звания и уравнивает действительно талантливых певцов с посредственными, которым из соображений далеко не творческих также дали звание лауреата. Я убежден, что количество премий необходимо ограничить и присуждаться они должны сильнейшим. И уж, конечно, организаторы конкурса должны нести моральную ответственность за дальнейшую судьбу лауреатов, помогать в творческом становлении, в формировании их репертуара. Это относится и к радио и к телевидению. Тогда и композиторы охотнее станут сотрудничать с молодыми лауреатами.

Лауреатов «Сочи-80» никто во всесоюзном эфире не слышал, и их имена широкому кругу ничего не говорят. Не странно ли это? Может быть, сочинский конкурс был исключением? Да нет, слишком много исключений на моей памяти за последние пятнадцать лет. Если не ошибаюсь, у нас в стране за эти годы прошло двадцать или чуть больше всероссийских, всесоюзных и международных конкурсов «Красная гвоздика». Если же учесть, что на конкурсах присуждают всегда больше запланированного числа премий, то есть от 10 до 14, то, по самым скромным подсчетам, получается человек 250 лауреатов. Посмотрите на афиши — что ни солист или ВИА, то лауреат. Хоть караул кричи — кругом одни лауреаты! А послушать, если откровенно, некого. Ну, а в эфире годами звучат одни и те же имена, их всего десятка два-три. Где же тогда эта «армия» лауреатов? Кто-нибудь слышит в эфире Венеру Майсурадзе, Валерия Чегоданова, Анатолия Королева — ведь они победители всесоюзных и международного конкурсов? А где сейчас четыре обладателя первой премии Всесоюзного конкурса, проходившего в Москве в 1977 году? А не постигнет ли «квартет» лауреатов Днепрпетровска судьба их предшественников?

Вопросов набралось такое множество, что захотелось разобраться в них. И я обратился к представителям Центрального телевидения, Всесоюзного радио, фирмы «Мелодия» и Союза композиторов.

Первым я попросил ответить главного редактора музыкальной редакции Центрального телевидения А. В. Шалашева: почему, как правило, всероссийские конкурсы исполнителей в Сочи Центральное телевидение не транслирует?

А. В. ШАЛАШЕВ. Прежде всего потому, что слишком невысок профессиональный уровень участников. Я был в

1978 году в Сочи на конкурсе, после которого в одной из центральных газет появилась статья под названием «Неспетая песня, или Почему не удался конкурс в Сочи». Помнится, автор статьи совершенно справедливо указывал на отсутствие профессионализма даже у лауреатов. И Всесоюзный конкурс в 1979 году в Ленинграде особенных открытий не принес. Асадуллина и Кацдалову, победителей конкурса, мы уже знали. Довольно ярко показал себя Сенбек Джумагалиев из Казахстана, но он еще сыроват, многого не умеет. Неинтересен был и Всероссийский конкурс «Сочи-80».

Отчего это происходит? На мой взгляд, часто певцы бьются не готовы к конкурсу. К тому же на конкурс попадают не всегда самые сильные исполнители, и за это должны нести ответственность организаторы, не очень серьезно относящиеся к творческому росту молодых пропагандистов советской песни.

Не все благополучно и с участием наших певцов в международных конкурсах. К примеру, в прошлом году на «Золотой Орфей» в Болгарии Министерство культуры СССР послало певицу из Киева Татьяну Кочергину. И, хотя она получила вторую премию, радости это не принесло, так как профессиональный уровень Кочергиной явно недостаточен, чтобы представлять нашу страну на таком весьма авторитетном конкурсе. Естественно, что Центральное телевидение не сочло возможным показать ее на экране в числе лауреатов. Я бы мог назвать и других наших участников «Орфея» и Сопота разных лет, которые не имели права представлять советскую эстраду.

А таланты у нас, бесспорно, есть. Это доказал конкурс в Днепрпетровске. Особенно сильны были девушки. Но, насколько мне известно, в Сопот поедут не они.

А теперь познакомимся с мнением старшего редактора главной музыкальной редакции Всесоюзного радио Л. И. Дубовцевой.

Л. И. ДУБОВЦЕВА. Мне приходилось работать на многих конкурсах, и, не скрою, результаты некоторых из них вызвали разочарование. Взять хотя бы Всесоюзный

Владимир КОВАЛЕВ.
Алексей КОМОВ

Забудьте о проблемах, их нет. Безработица не проблема. Ведь живете вы в свободном мире! Вы не голодны, если не голодны. У вас есть крыша над головой, если есть таковая. Забудьте! Главное в жизни — не упустить рождение новой дискозвезды, услышать новейший дискобоек, насладиться моднейшим диско-танцем «пого-!» Реклама с экрана телевизора, на любой волне приемника, на улице, в метро.

Конец семидесятых. Найдена, наконец, золотая жила. Дискотиль во всем. В моде — прочь длинные волосы и неряшливые джинсы, в кино челюсти, землетрясения, авиакатастрофы уступили место Джону Траволте и группе «Би Джиз».

«Наслаждайтесь, не надо ни о чем думать...» Дельцы шоу-бизнеса с удовлетворением потирают руки, подсчитывая миллионные прибыли. «Идейные отцы» вздохнули с облегчением: им понадобилось целое десятилетие, чтобы сбить волну молодежного бунта, превратить ее в легкую поверхностную зыбь. Где вы, бунтари с гитарами? «Протест» сквернословащих, плюющихся, рыже-зелено-голубоволосых панков с английскими булавками в ушах всерьез так никто и не принял. В сумасшедшем, мигающем, вертящемся ритме утонули слова, музыка нивелировалась до часто повторяющегося удара большого барабана. 120 ударов в минуту! Дискосабор заслонил собой последних «могикан рок-музыки» шестидесятых. Позиции «новой волны» еще не определены. Недалековидные музыкальные критики поспешили заявить о кончине рок-музыки как таковой...

И вдруг — «Стена». Новая работа британской группы «Пинк Флойд». «Камнем, разбившим фешенебельную зеркальную витрину магазина шоу-бизнеса» назвала этот альбом и поставленный по нему спектакль газета итальянских коммунистов «Унита». Почти десять месяцев не сходил альбом с первых мест списков популярности ведущих музыкальных изданий Старого и Нового света. Разговоры о «Стене», разгоревшиеся вокруг нее страсти не утихают уже второй год.

НА ЧЕМ СТОИТ «СТЕНА»?

Уже с первого своего альбома, «Трубач у ворот зари» (сентябрь, 1967), они заявили о себе как музыканты оригинальные, ищущие, разрабатывающие свои, не похожие ни на какие другие формы в популярной музыке. Среди хаотического нагромождения стилей вдруг зазвучали необычные, смелые по тем временам электронно-космические симфонии. Впрочем, «звездные» формы были лишь фоном для вполне земного содержания. Для слов, выражавших мысли, заботы и тревоги их сверстников. Забурлили студенческие городки, волна гнева выплеснулась на улицы — молодежь протестовала против эскалации вьетнамской авантюры Вашингтона, против возрождения неонацизма. Поэтому и песни имели названия, немного на первый взгляд «страшные»: «Пугало», «Люцифер Сам», «Домовой»...

Было бы неверно утверждать, что студенты архитектурного отделения лондонского политехнического института с самого начала сформировались личностями в музыке и в жизни, разобрались в лабиринте неожиданно возникших новых идей и «молодежных теорий». Были у них взлеты и неудачи в музыке, почти неизбежные колебания и метания в жизни. Тем не менее неизменным всегда оставалось одно — социальный, некоммерческий характер творчества. За это и приклеили им западные критики ярлык «андерграунд», то есть «подполье», и обвинили в симпатиях левым. А «Пинк Флойд» гордились тем, что стоят в одном ряду с немногочисленными честными художниками, бросившими вызов буржуазному порядку. И были уверены, что найдут выход из «подполья».

конкурс на лучшее исполнение советской песни в 1977 году в Москве. Четыре первые премии получили солисты, имена которых до сих пор не известны слушателям, и это вполне справедливо. Почему? Потому что эти лауреаты неинтересны с профессиональной точки зрения, они статичны, лишены своеобразия и сценического обаяния. И непонятно, почему жюри именно их поставило на пьедестал почета. Разумеется, мы на радио не стали их записывать. А всероссийские конкурсы «Сочи-78» и «Сочи-80»? Почти та же картина. Да и VI Всесоюзный конкурс артистов эстрады в 1979 году в Ленинграде не явился откровением. Зато порадовал нынешний конкурс в Днепрпетровске.

Но почему же все-таки некоторые конкурсы не дают возможности выявить талантливых исполнителей? На мой взгляд, причин здесь несколько. Первая и самая существенная: республиканские и областные филармонии, министерства культуры недостаточно серьезно относятся к делегированию своих представителей на такие крупные смотры. Делается это наспех, отборочные конкурсы не проводятся, и в результате посылают далеко не самых лучших. Естественно, что при таком подходе артисты часто бывают просто не готовы к творческому соревнованию, репертуар их случаен, не соответствует их исполнительским возможностям, а уж о сценической выразительности и речи быть не может. В Днепрпетровске тоже было немало откровенно слабых исполнителей, и это не делает чести организациям, пославшим их.

КЛУБ «Музыка с тобой» МЫ

Много позже в ставшем уже классическим альбоме «Обратная сторона Луны» (март, 1973) Роджер Уотерс, Рик Райт, Ник Мэйсон и Дэвид Гилмор с безжалостной точностью воспроизвели мир, где им пришлось работать. А еще три года спустя в своем девятом альбоме «Вам бы здесь побывать» (сентябрь, 1975) музыканты сделали первую попытку проанализировать, что происходит с попавшими на острые зубья шестерен отлаженного механизма шоу-бизнеса. Сколько раз этот монстр пытался поглотить «Пинк Флойд»? Они вырвались из цепких лап чудовища, оставив ему одну жертву. Во время записи второго альбома ансамбль покидает его лидер, основатель, отличный музыкант — гитарист Сид Барретт. «Сумасшедший алмаз», которому так и не дано было засиять всеми своими гранями. Именно он создал неповторимое «флойдовское звучание» — смесь традиций блюза и электронной эмоциональности. Звучания, которое позволяет сравнивать «Пинк Флойд» по достигнутому совершенству с легендарными «Битлз»... «Вернись, забияка и фантазер, художник, трубач и невольник, и засияй!» — обращаются «Пинк Флойд» в человеческой и эмоциональной композиции «Безумный алмаз» к своему другу. Барретт слишком рано пристрастился к наркотикам и в расцвете творческих сил канул в небытие, опустился на самое дно жизни.

Но Барретт только начал создавать музыкальный почерк группы. Продолжили дело оставшиеся и пришедший новый гитарист Дэвид Гилмор. Судя по второму альбому, «Блюдец, полное тайн» (июль, 1968), можно говорить о сформировавшемся в основных чертах стиле. Разумеется, еще в то время да и много позже после ряда неудачных гастрольных поездок и последовавшего за ними творческого кризиса группа запросто могла пойти на поводу у моды — играть обычный и всегда принимаемый «на ура» рок-н-ролл. При филигранном владении инструментами это совсем несложно, но выбранное с самого начала остается.

Вы обратили внимание, как много схожего в высказываниях представителей радио, телевидения и министерства культуры? Однако слушаем и другие мнения. Слово главному редактору Всесоюзной фирмы «Мелодия» Г. С. Елецкому.

Г. С. ЕЛЕЦКИЙ. О нашем отношении к лауреатам сам за себя говорит специальный раздел в плане фирмы «Мелодия» — «Лауреаты всесоюзных, международных и республиканских конкурсов». Мы выпускаем грампластинки не только победителей эстрадных конкурсов, но и, как вы понимаете, представителей «серьезной» музыки — инструменталистов и вокалистов.

После каждого международного конкурса политической песни «Красная гвоздика» — а он проводится с 1967 года — мы выпускаем диск с записями лауреатов. Кроме того, выходят и сольные пластинки победителей различных конкурсов, и читатели это прекрасно знают. Подготовлен нами и диск с лауреатами фестиваля популярной музыки, проходившего в прошлом году в Тбилиси. Словом, все самое интересное мы стремимся запечатлеть на грампластинках. Однако выпуск пластинок лауреатов для нас не является самоцелью, так как не всегда лауреаты соответствуют столь высокому званию. И их профессиональный уровень даже при самом благожелательном отношении не позволяет сделать качественную запись. К наиболее часто встречающимся недостаткам

«Я много слышал о диске «Стена» группы «Пинк Флойд» — страстной антибуржуазном протесте. Хочется узнать подробнее о творчестве этих английских музыкантов», — пишет нам читатель С. Андреев из Волгограда. Такое же пожелание содержится более чем в 250 письмах читателей «Смены».

ПРОТИВ

«Пинк Флойд» верен подчеркнуто спокойному, где-то холодному, но четко очерченному, уверенному звуку. Во многих композициях заметно влияние классических произведений Баха, Генделя, Монтеверди. На мощном органном фоне отчетливо слышно каждое слово, тончайшие голосовые нюансы певца, эмоциональные гитарные пассажи. Тех, кто ищет в рок-музыке возможность выплеснуть на окружающих избыток своей животной энергии, на концертах «Пинк Флойд» нет. «Мы сменили тысячные толпы идиотов на несколько сотен думающих и неравнодушных», — заявил еще в 1969 году в одном из интервью Роджер Уотерс.

Популярность артистам необходима. Это важно для всех, кто выходит на сцену или приходит в студию грамзаписи. Пути достижения цели у каждого разные. К примеру, пока Мик Джаггер и его «Роллинг Стоунз» в очередной раз искали, где и в какой скандал еще ввязаться, дабы привлечь внимание прессы, «Пинк Флойд» принимают предложение Компартии Великобритании и участвует в ряде ее политических мероприятий. Претендующие на объективность буржуазные газеты и журналы стараются этого не замечать. Зато широко и с видимым удовольствием смакуют якобы неудачные композиции альбома «Аммагамма» (ноябрь, 1969), пытаясь при этом убедить всех, что «Флойдам» осталось просуществовать считанные недели. «Критиков» не смутило даже присуждение Французской Академией музыки альбому титула «Лучшая пластинка года в области современной музыки».

И только непредвзятая, здоровая критика помогает найти причины неудач. А такие за шестнадцать лет существования ансамбля бывали. Альбом «Атомное сердце матери» (октябрь, 1970) оказался утверждением триумфа индустриального общества над поэзией и природой. Призыв уйти «назад, к начальной стадии», преломленный в кривом зеркале философии хиппи, не нашел поддержки. Странно он прозвучал на фоне продолжающейся агрессии США во Вьетнаме, начав-

относится нечистое интонирование, невыразительная фразировка, неумение флиртовать звуком. Сказываются пробелы в вокальной подготовке. Магнитная пленка очень чувствительна к «мелочам», о которых я говорил. Поэтому для нас очень важно, чтобы певец прежде всего умел хорошо петь, чтобы у него был красивый, выразительный голос, чтобы он мог подчинить его созданию художественного образа. И здесь уже не важно, сумеешь ли ты красиво двигаться, жестиковать, создавать мизансцены. Такова уж специфика записи.

Обратился я и к заслуженному деятелю искусств РСФСР, композитору Ю. С. Саульскому, неоднократно участвовавшему в работе жюри как внутрисоюзных, так и зарубежных конкурсов.

Ю. С. САУЛЬСКИЙ. Лауреатов у нас много, очень много — и скрипачей, и пианистов, и виолончелистов. А на эстраде лауреатов еще больше, хотя они намного уступают «классикам». И на всесоюзных и на всероссийских конкурсах звания дают, как правило, раза в два больше, чем того заслуживают многие лауреаты. Это недопустимо. Как показывает практика, редкие конкурсы дают нам двух-трех по-настоящему талантливых и оригинальных исполнителей. Так зачем же искусственно приравнивать к ним еще дюжину посредственных певцов: ведь и те и другие удостоиваются звания лауреата. На мой взгляд, такая нетребовательность девальвирует звание. А потом

НАВЕРХУ

ЗЯВЛЯЕТ
АНГЛИЙСКИЙ
АНСАМБЛЬ

«ПИНК ФЛОЙД»

ТЕХ, КТО

шейся в западном мире тотальной слежки разведывательных органов за гражданами, жестоких расправ полицейских с участниками антивоенных демонстраций. Но уже в этом альбоме неровный стук сердца матери ассоциировался с глухими ударами полицейских дубинок. Рефреном пройдя через два альбома, «Вмешайтесь!» (ноябрь, 1971) и «Скрытый тучами» (июнь, 1972), эти удары стали прологом к стучу сердца музыканта-гражданина в композиции «Время» — может быть, самой сильной на диске «Обратная сторона Луны». Стук сердца героя мы слышим и в альбоме «Стена»...

Высказанное вслух неравнодушие к проблемам мира — одна из причин популярности «Обратной стороны Луны», не снижающейся до сих пор. Со времени выхода диска продано свыше 15 миллионов его экземпляров.

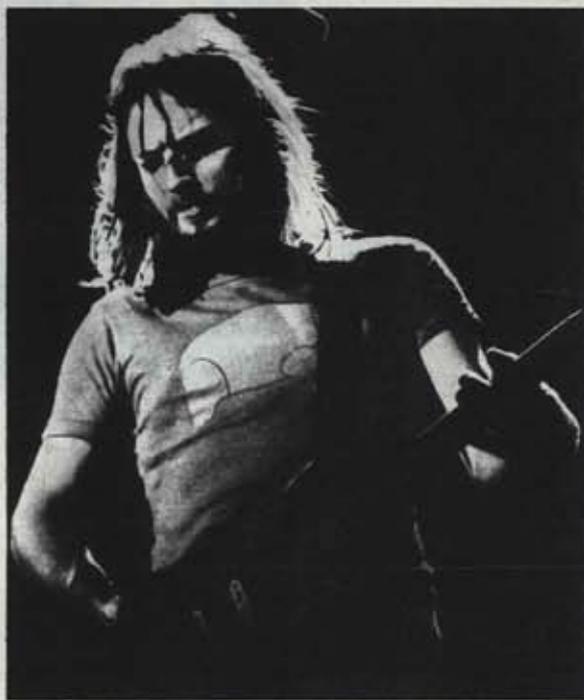
Анализировать причины успеха, приведшие «Пинк Флойд» на вершины популярности, можно долго. Но с уверенностью можно сказать, что все десять предшествовавших «Стене» альбомов были ступеньками, приведшими музыкантов к этому острому музыкальному и общественно-социальному произведению.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

...Неизвестно откуда появившись, над публикой пролетел дистанционно управляемый самолет и над самой сценой неожиданно взорвался. Надувная резиновая кукла высотой с трехэтажный дом грохотала на сцене заполненного до отказа 15-тысячного лондонского зала «Зарлс Коурт». Из разных углов огромного помещения слышались писк чаек, плач ребенка, демонический смех. И стена — огромная, во всю сцену, воздвигаемая рабочими из 340 пластиковых блоков-кирпичей все первое отделение. Стена, в конце концов скрывшая от присутствующих Роджера Уотерса и его друзей.

За несколько месяцев до представления в Лондоне спектакль был с успехом показан в ряде городов США. Затем в Западной Германии. На очереди были Италия, Япония, но... Группе было заявлено примерно следующее: «ВАШ СПЕКТАКЛЬ — ФАНТАСТИЧЕСКИ СКУЧНОЕ ЗРЕЛИЩЕ. БОЛЬШЕ НЕ СТОИТ ЗАБОТИТЬСЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЕГО ПОКАЗА...» Нелепость обвинения очевидна. Причина тоже становится ясна, стоит лишь познакомиться с содержанием «Стены».

Это настоящий спектакль. Как и полагается, в нем есть действующие лица: Авторы, главный Герой, его Жена, Учитель, Мать, Судья, Зрители и просто Зеваки на концерте. Актеры, они же музыканты «Пинк Флойд», от имени Героя на

протяжении 75 минут действия рассказывают о его судьбе. Через детство, безотцовщину и муштру в школе к первым урокам бездушия, запрограммированных в самой системе воспитания, к отчуждению от доброты. Рассказ Героя о своей Матери, живущей в придуманном мире, пытающейся вырастить из сына некий «тепличный цветок». Служба в армии — и снова жестокость, животный страх. Неудачная женитьба — бесконечные часы с чужим человеком, пошлые ссоры. Счастливым случаем — теплившаяся некогда мечта стать музыкантом, рок-звездой, осуществилась. Наконец, долгожданная свобода? Ну нет, коль уж попал в ежовые рукавицы бизнеса, будь добр, следуй его законам! Герой осознает себя человеком и пытается на ходу выпрыгнуть из бешено мчащейся машины. Поздно. Не поможет ему толпа, пришедшая повеселиться на концерт. Между Героем и людьми — стена... За попытку перешагнуть через нее Судья выносит приговор: «Виновен!» Сдаться на милость судьбе? Как вырваться из круга отчуждения и попасть к настоящим друзьям? Выход один — стену уничтожить, разрушить. И она рухнет, оглушительно разваливается, освобождая Героя.

«Я только кирпичик в стене, которой не видно конца. Такой же, как миллионы других, точно такой же...» — строки же, пожалуй, лучшей песни альбома и спектакля. «...Нам не надо никакого образования, воспитания, контроля над мыслями. Учителя, оставьте детей в покое!» — пели «Пинк Флойд», а вслед за ними школьники, вышедшие на улицы Соуто, негритянского пригорода Иоганнесбурга. Демонстрация вылилась в столкновения с полицией. Группа стала автором рок-гимна, какого история молодежного и антивоенного движения не знала со времени песни «Дайте миру шанс» Джона Леннона. Правительство ЮАР сначала поставило на альбом «Стена» клеймо «Нежелательная продукция», а затем он полностью был изъят из продажи и запрещен к

распространению. «Я рад, — сказал Роджер Уотерс, — что мои песни люди используют для борьбы».

Гротеск — одна из основных черт спектакля. Гротеск, низведенный до уровня символов — огромных «надувных творений» художника Джеральда Скэрфи. Теперь резиновая свинья, висевшая в небе над Лондоном, рекламируя предыдущий альбом группы. «Животные» (январь 1977), кажется, карликом в сравнении с ужасными куклами в «Стене». Вот Судья в надувном парике, с туповатым выражением лица, маленькими мигающими глазками — символ пресловутого английского «правосудия». Герой поет об оглушающем эффекте телевидения, а в это время на сцене появляется платформа с шикарно обставленной огромной комнатой. Без единого движения сидит в кресле человек перед телевизором. То, что он якобы видит на экране, проецируется на пластиковую стену-экран: мультфильмы-кошмары, сущий рисованный ад, вводящий в ужас даже привычного ко всему западного зрителя.

Неторопливый, ненавязчивый разговор, преимущественно под акустическую гитару в руках Роджера Уотерса превращается в размышление-монолог Героя о путях в этом сложном мире, об истинном предназначении музыканта, о безысходности «общества потребления», облаченного в тогу порядочности. «Стена» действительно вобрала в себя то лучшее, что создали «Пинк Флойд» с момента, когда собрались вместе. И не только они, вся рок-музыка, вышедшая из «подполья», заявившая о себе как о социальном явлении в период кризиса и развенчания мнимых мифов. В музыке «Стены» слышны темы лирических баллад «Битлз», чеканные ритмы антивоенных композиций «Дорз» и «Джеферсон Эрплайнз», отголоски джазовых сюит Леонарда Бернстайна...

Нет, отнюдь не фантастическим зрелищем была «Стена» и далеко не скучным. Как поспешили заявить те, кому выгоднее было видеть молодежь вовсе не на концертах «Пинк Флойд», а на дешевых балаганных шоу, испускаемых ежедневно десятками дискозвезд.

...Спектакль «Стена» запрещен, но диск с его записью расходуется миллионными тиражами, уже сейчас он превзошел по популярности уровень «Обратной стороны Луны». Конечно, нельзя назвать «Пинк Флойд» последовательными борцами за справедливость. Заслуга их, в частности, в тонком чувствовании чужой боли. Видя грязь, ложь и несправедливость, они не могут спокойно проходить мимо. Их протест выражен доступными музыканту методами и средствами. Альбомы «Пинк Флойд» — камень правды, брошенный гневным обвинением в полицейское общество. «То, что вы нам предлагаете, мы не приемлем», — заявляют Гилмор, Райт, Мэйсон и Уотерс. И не просто констатируют факт, а тщательно анализируют причины и привлекают к анализу всех своих слушателей.

В «Стене» авторы строят жизнь своего героя из «кирпичиков», которые есть в каждом. Внимательно, вместе со всеми смотрят, во что эти кирпичики сложатся, как общество, где живет Герой, поможет распорядиться строительным материалом. Конечный символ — стена. На многих концертах, особенно на последних представлениях в ФРГ, ответ на вопрос «Где же выход?» давало не только действие. Перед исполнением финальной мелодии музыканты выходили на сцену в майках с изображением переkreцивающихся молотов. Символ? В конце спектакля четверка спускалась в зал, к публике. Многотысячный хор подхватывал «Еще один кирпич в стене».

Что дальше? Со времени выхода «Стены» прошло два года. Из брошенного в почву семени пробиваются первые ростки. Вырастут ли из них шумящие могучей кроной деревья? Покажет время.

мы удивляемся, почему наши «победители» на международных конкурсах так слабо выступают.

Я считаю, что нам не хватает своего крупного международного песенного конкурса, который бы, с одной стороны, пропагандировал советскую песню за рубежом, как это делается на «Золотом Орфее», а с другой стороны, позволил бы раскрыть потенциальные возможности наших исполнителей в соревновании с сильными иностранными артистами. Не будем забывать, что советская песня и наши исполнительские традиции отличаются от зарубежных большей идейной и смысловой нагрузкой песен, патриотизмом, гражданственностью. Естественно, что характер таких песен диктует и сценическую манеру поведения — довольно сдержанную. А западная манера — развлекательная, рассчитанная на зрелищность, отличается большей сценической свободой, в которой элемент танцевальности весьма значителен. Каждый конкурс имеет свою направленность, специфику, традиции, и поэтому надо отбирать таких певцов, которые бы отвечали требованиям конкурса (я имею в виду и вокальную манеру и актерские способности), и специально готовить под руководством режиссера, балетмейстера и художника по костюмам. Мелочей здесь не бывает. Продуманность всех деталей и компонентов обязательна. Да и оркестровка должна соответствовать духу времени.

И вновь удивительное единодушие участников вообразимого «круглого стола» в определении основ-

ных недостатков конкурсантов и лауреатов. И главный из них — низкий профессиональный уровень. Этот недостаток называли все выступавшие. Причины, породившие его, известны — нехватка эстрадных режиссеров, балетмейстеров и, конечно же, отсутствие в учебных программах музучилищ и консерваторий дисциплин, необходимых для подготовки актеров. К примеру, в ГИТИСе, где готовят кадры для театров музыкальных комедий, преподают такие дисциплины. Но ошибкой было бы думать, что певцам оперных театров и филармоний — а именно туда в большинстве своем попадают выпускники музучилищ и консерваторий — не нужны актерские навыки. В противном случае резонно задать вопрос: для кого и для чего готовят певцов? Для домашнего музицирования? И вряд ли сегодня стоящий как столб певец может понравиться кому-либо. В оперном театре его заставят играть роль, а значит, двигаться, участвуя в мизансценах, а эстрадный певец сам на месте не устоит: мода на «остолбенелых» давно прошла.

А теперь еще раз о «щедрости» при раздаче лауреатских премий. В спорте, например, у пьедестала почета только три ступеньки. Почему-то никому не приходит в голову ставить на пьедестал почета рядом с чемпионом и двумя призерами еще человек

десять. Но зато в спорте цена и вес победы неизмеримо возрастают. Как это гордо и красиво звучит — чемпион, победитель!

И только на эстрадных конкурсах рядом с сильнейшими стоят посредственности, и, так же как и победители, в звании лауреата. Поэтому мы и насчитываем две с половиной сотни лауреатов. А подлинных всего два-три десятка.

...Включаю радио, телевизор. И вновь в эфире звучат давно знакомые и любимые слушателями София Ротару и Алла Пугачева, Иосиф Кобзон и Лев Лещенко. Много звучат. Хорошо звучат. А на каких волнах эфира искать ваши талантливые, но такие робкие голоса, лауреаты?..

Р. С. На сочинской «Красной гвоздике» Тамара Гвердцители, Эрна Юзбашян и Ольга Пирагс стали лауреатами. А вот Гинтари Яутакайте стала только дипломанткой — просто-таки неожиданность. И все-таки хочется верить, что ни слушатели, ни я не потеряю из виду талантливую четверку. Хотите!

От редакции. Нам думается, что в статье затронут один из самых жгучих вопросов нашей музыкальной эстрады. Приглашаем к разговору композиторов, певцов, творческую молодежь, всех, кому дорога советская песня.

СЛЕЗЫ И ЛАВРЫ

Фото
Владимира
СОФРОНОВА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Озорной маршик — с коленцем, с каким-то подмигом лукавым — выводил гимнасток на помост. Они под этот марш отбивали шаг, точно юные барабанщицы, они балетно тянули носок, горделиво держали спину, постреливали глазом в публику, им было весело, пока он не смолкал. Бам-м, гонг — и серьезность, суровость великая возникала на девичьих детских рожищах. Скрипели брусья, скворчали на бревне в поворотах накинфоленные ступни, за мягким топотом разбега следовал тупой удар приземления после прыжка, и тренеры перед вольными упражнениями опретью бежали на ковер, волоча маты, чтобы не хрустнули косточки, когда с высоты, вращаясь головоломно в мыслимых и немыслимых плоскостях, пикирует маленькое тело. Словом, шла тяжкая, чугунная, будничная работа чемпионата страны, вертелся его маховик, вознося одних, подминая других с их волями, слабостями, самолюбиями, интересами личными и командными — кто-то падал, кто-то плакал — и, если был в огромном зале хоть один, кому казалось безмятежным праздником это пестрое, цветастое, осиянное софитами зрелище, значит, совсем посторонний современному спорту человек сюда затесался.

Большой спорт века нахмурил брови, сделавшись из детской игры в догонялки, каков он в своей изначальности, в психологической природе, догонялкой целых городов, республик, стран, в конце концов и умудренных методик, и медицинских теорий, и производственных технологий. Обрета

свою науку, свою политику и экономику, свою юриспруденцию, дипломатию, педагогику, спорт двадцатого века в итоге стал испытательным полигоном максимальных, в экстремальных условиях, возможностей — чьих? Да вот этих, которые сейчас на помосте — пятнадцать лет, от горшка два вершка, руки-ноги, как спички. Ну, пусть не спички, пусть проволочки гибкие и крепкие, но не стальные ведь — живые. Сгибаются, вьются-перевиваются проволочки мышц и нервов, идет грандиозный экзамен детей человечества на способность всего человечества к перегрузкам, которые предлагают ему настоящее и будущее. Стойкие солдатики шагают впереди нас, они своего рода космонавты, мы в разведку их шлем в ракетах, восхищаясь, но не щадя.

...Звенит-чеканит маршик, потопали девчонки к следующему снаряду.

Под помостом шагают тренеры, несут сумки учениц. Легкие сумки, что в них такого особенного — костюм тренировочный, куртка нейлоновая, запасные тапочки, накладки, ну, магnezия, ну, канифоль, ну, яблоко, может быть, леденец. Легкие, а как плечо оттягивают. Устали тренерские плечи под бременем надежд и тревог, втрое больше устали, чем плечи детские, потому что тренер, какой бы ни был разгениальный, каким бы ни обучил воспитанницу трюкам, сейчас только одно может: ровным — насколько сил хватит — голосом изредка сказать ей «пожестче» или «повнимательней», или, например, «поспокойней», и для нее, в ее испуленном накале всех чувств, важен даже не смысл

**МИНУТА ЧТЕНИЯ
В ГИМНАСТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ?..
НАТАША ШАПОШНИКОВА И ЕЕ ТРЕНЕР
ВЛАДИСЛАВ СТЕПАНОВИЧ
РАСТОРОЦКИЙ.**

сказанного, ей эти слова сто раз повторялись, но голос, который их говорит, но интонация, в которой слышится, что ничего такого особенного не происходит, дома умела и сейчас сумеешь, но то, что рядом родной человек. Зажегся на табло ее номер, смотрит она на снаряд, видит его и не видит, в последний миг торопливо повторяя в уме: «наскок... маховое... поворот... стойка», сморщила нос, одна-одинешенька перед целым залом, перед целым миром, ничем ей сейчас не помочь.

Разбежалась. Пошла. На шаг впереди нее незримо бежит и вращается тренерская душа. Взрослый, седой, может быть, лысоватый, жизнь проживший, он живет сейчас другой, ее жизнью, младенчески верит, что между ним и ею натянута невидимая нить, на кончике которой бьется сердце ребенка, и стоит хоть на кроху секунды сжаться, дрогнуть твоему, зачастить окаянному пульсу, как потеряется, собьется, упадет она. А может, то не иллюзия, может, наивная вера в телепатические способности

**И ЗАМЕР ЗАЛ:
ЧТО СКАЖЕТЕ, НАТАША?**

тренера имеет реальную основу? Не одна гимнастка признавалась мне, что чувствует, как воля учителя ведет ее за собой. Значит, не смей, учитель, хоть ты живой человек и подвластен, выходит дело, сомнениям и страху, не смей страшиться и сомневаться, навались на себя, подави это все, чтоб не пикинуло, и только ночью, в гостиничном номере, пусть пищит, пусть кричит, надрывая сердце: ранние тренерские инфаркты — они от этого. А сейчас, когда девочка спрыгнула, аплодируй ей, улыбайся, даже если, косясь на табло с оценкой, тяжело и гневно думаешь: «Ах, черти, занизили». Улыбайся, хоть скулы сводит, потому что ей лучше не знать, что ее несправедливо оценили, а еще лучше вообще не слышать — не выдать этих баллов, ей единственно что нужно — вмиг откипеть, отключиться от того, что было, стать холодной и трезвой, погрузиться в себя, мысленно релетируя предстоящее.

На последнем чемпионате страны в Минске с Наташей Шапошниковой случилась беда. Пошла она прыгать, примерилась, нацелилась — насуспен-

ЖЕЛАННЫЙ МИГ!

ная, как всегда, под черной челкой до бровей, ладная, остренькая, что стручок, самых, может быть, элегантных и чистых на целом свете линий гимнастка, двукратная чемпионка мира, олимпийская чемпионка в командном зачете. Нацелилась, разогнулась, оттолкнулась. И кувырком на маты. Судьи, строгие дамы в уставных белых кофточках — неповторимая Ольга Корбут, чаровница помоста, впервые севшая за пульт, и здесь была наособицу, вся в рюшечках, — не переглядываясь, непреклонно вскинули таблички с нулями. Отмерила Шапошниковая — пятка к носку — разбег для второй попытки. Долго пудрила руки, дула в ладони, терла их. Качнулась, шагнула, остановилась. Подскочила как-то странно — отчаянность была в этом скачке, отчаянность и вместе неуверенность. Приземлилась она на корточки. Во второй раз, в окончателный, судьи выкинули нули.

Это была катастрофа не только для Наташи. Для всей сборной России — грозной и непобедимой: она откатилась на четвертое место.

Тренеры схватились за головы.

После того, как все отшумело, оттремело, удачни-

ПРИМИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ПОДРУГА!

цы стайкой прыгнули в раздевалку с медалями на ленточках, выючимися вокруг шей, а неудачницы побрели хлопотать по углам, ко мне подошел Печенджиев Сергей Арсенович, тренер мужской российской команды: его чеканное армяно-греческое лицо было свирепо.

— Ты, — спросил, — сегодня Растороцкого у помоста видел?

Владислава Степановича Растороцкого, тренера Шапошниковой, я не видел, хотя не видеть, кажется, не мог, — слишком заметен, массивен, в плечах косящая сажень, грудь и живот — колесом, мой старый приятель Слава.

— Не видел, — выдохнул Сергей, — и видеть не мог. Они в номере лежат. Они Фейхтвангера изучают. Ну, что ты скажешь, ну, нет никаких слов.

Слова, впрочем, нашлись — простые и вместе красноречивые, которые подсказал Сергею его армяно-греко-ростовский темперамент. Из них стало ясно, что будь Растороцкий в зале, он бы подсказал девочке, что во второй попытке ей нужен прыжок простейший, элементарнейший, только чтобы встать, что мизерная оценка — меньше пяти баллов — давала команде первенство.

...Дальше бы автору развивать эту линию рассказа, но что делать, если непридуманная жизнь петляет поворотами, а когда потом, берясь за перо, в них вдумаясь, то получается, что, как ни отклонялся, ходил все возле одного, занимающего твои мысли в последние годы больше и больше — по принципу «тепло», «горячей», «обжигает». Странная, ни на какую другую не похожая, в КЗоТе не обозначенная профессия «тренер» вызывает во мне жгучее любопытство, сочувствие и сопереживание, и исповеди тренерские — вечерами после соревнований, когда бурлит остаточное возбуждение, — они сбивчивы, не больно логичны, быть может, но только потому, что в них попытка одеть в слова (а лучше так — «раздеть, обнажить словами») сильное и главное, только что испытанное, пробравшее до естества.

Меня позвал к себе Печенджиев. Златоуст, король анекдота в тренерской компании, он не острит, он исповедовался, торопливо зажевывая стакан дешевого ристлинга драгоценным ростовским рыбцом.

— Я не хочу сравнивать себя с Джеком Лондоном, но я тоже перепробовал довольно-таки много профессий. Вот ассенизатором не был, врать не буду. Маяковский сказал: «Я ассенизатор и водовоз». Водовозом я был. И сейчас, можно считать, воду вожу... В войну и голодал, и макуху ел, и эшелон бомбили, в котором мы эвакуировались. Потом окончил Ростовский техникум физкультуры, исключительно интересное среднее учебное заведение с исключительно мощным педагогическим коллективом, вероятно, поэтому впоследствии его закрыли. Поработал в качестве инструктора и потом бросился в институт физкультуры в Ереван. Там

учился на стипендию, тренировал секцию, а вечерами на заводе трубы очищал от ржавчины. Вернулся, меня приняли на работу в спортшколу номер два, между нами, девушками, говоря, с испытательным сроком. Работал как проклятый, ковра не было, вместо него резиновые дорожки стелили, снаряды старые — улары Наполеона на таких снарядах выступали. Тренировки проходили в невероятно взвинченном темпе, в двадцать четыре ноль-ноль заканчивал, приползал домой, а утром в шесть все по новой.

Любил театр, любил в Москве побродить по Третьяковской галерее, когда в Ленинграде, сходить в Эрмитаж, и старался эту любовь передать детям. По-научному — раскрыть их эстетическое нутро. Зачем? Довольно странный вопрос. Был такой случай. Одна наша преподавательница сказала мне: «Сделайте замечание своему ученику, он, как девочка, в зеркало смотрится». Ну, глупее ничего нельзя придумать. Парень должен тоже смотреться в зеркало: «Эта прическа мне не идет, а вообще я довольно красивый...» Надо, чтобы человек себя видел, — и достоинства и недостатки. Искусство отражает тебя как зеркало — кто ты есть, человек или табуретка. В музее имени Пушкина стою перед Гоголем, а рядом пошлый дядя: «Эх, какие здоровые бабцы». Бож-же мой, глядели-глядели, а углядели только формы, бедный Гоген... Что мы видим в Ренуаре? В Дега? Пусть ответит, кто задумается... Что увидел мой приятель Витя Аронов в своей жене? Знарок женской красоты покачает головой: 8,6—8,7. А когда пообщаешься... Я с Джинной Лоллобриджидой не знаком, с Софи Лорен — не имею чести, а супругу своего приятеля Вити имею честь знать, исключительную честь. Самопричастность к красоте делает тебя красивым. Этому надо учить учеников. «По дороге в Эрмитаж не заглядывайте в магазины, идите прямо в Эрмитаж». Я, когда молодой был, однажды опоздал на соревнования: летел из Эрмитажа, такси не было, поймал поливочную машину... Я упал с коня в этот день. Но больше меня огорчило, что я не побывал в зале мозаики.

Мне кажется, что основная задача тренера — не научить парня стоять на ушах. Основная задача — научить прочно стоять на ногах. Раскрыть внутренний мир своего мальчишки — это же великое дело. Видишь, как он мечется, как он хочет показать себя, понять себя. И в этот момент резкое, грубое слово заставит парня свернуться, как улитка, выставит иглы, как еж... Есть у меня Генка Черников, я в нем люблю громадное доброе сердце. Мы сюда, в Минск, ехали, он мне оборвал телефон: «Сергей Арсеньич, там холодно, возьмите теплые вещи». Нет большей награды для меня. Тренеру надо тоже чаще в зеркало смотреться — в профиль, в фас. Наши ученики — наше второе «я», а мы — их первое «я», и так ужасно, если это «я» пишется с маленькой буквы. Тяжелая вещь — быть личным примером, а иначе как?

Я здесь, в Минске, на тренировке видел, как один тренер, молодой еще пацан, мальчику своему вот так вот ... палец оттянул и щелбан отвесил. Я очень взрывной человек, я подошел: «Что же ты, сволочь, делаешь?» При его детях только я не посмел ему набить морду. Мальчик же заплакал — от унижения, это же микротравма. Зло, даже самое малое, копится и в совокупности родит ответное зло. Как можно ударить дитя? Я в зал войду, мне поцеловать его хочется, за вихор потрепать, из меня доброта в этот момент прямо через край переливается. Наверное, Расул Гамзатов правильно сказал: «Ради бога, не стесняйтесь доброты своей». Разбалует это маленьких? Не-эт, они же за тебя в огонь и в воду готовы, ты ж их на тяжелое дело сподобил, ты их в самое пекло ведешь, а они за тобой семят, как за флейтистом из сказки, это чувствовать надо. А тот, со щелбаном? Такой, когда мальчик в зале, в финале, последние силенки отдает, он в баре сидит, а мальчик глазами его ищет, а он выходит бухой из бара: «Нишчего, молодесс, усё упольне у поррядке»... Я когда на эти темы говорю, у меня по рукам — мурашки.

Расстались мы с Сергеем за полночь, я поехал в свою гостиницу и к Растороцкому не заглянул. «Не трогай его, — сказал Печенджиев, — ему не до тебя».

Все дни в Минске думал о нем. И сейчас все думаю, пытаюсь разобраться в причинах беды. Что есть беда, что не частная неудача, нечто глубже, серьезнее, уверен.

Одиннадцать лет назад здесь же, в Минске, на этом же помосте, круглолицая девочка с бантами — еще не знаменитость, перечисление одних титулов которой в «Олимпийской энциклопедии» занимает двадцать строк мелкого шрифта, просто девочка, школьница, написавшая мне свое фото аккуратным почерком под линеечку «От Турецкой Л.» — выступала в первенстве СССР. Лидировала Люба Бурда, бестрепетный железный кузнецик, Люда Турецкая от нее отставала довольно основа-

тельно. Вольные упражнения были последним снарядом. По одну сторону помоста привик к нему тренер Бурды Юрий Штукман, крохотный, с непроглядными инфернальными очами, таинственный и славный в мире кудесник. По другую высился Растороцкий, вписавшийся нерушимыми зубищами в исполинский волосатый кулак. Штукман был его учитель, друг и недруг, соперник, превзойти которого было для Владислава в ту пору самой жаркой мечтой.

Бурда упала... Настал черед Турищевой. Ее комбинация под «Выходной марш» Дунаевского была мажорна, бравурна, победный оптимизм властных маршевых тактов казался на редкость к лицу исполнительнице — к суровым бровям и неласковой smile улыбке.

Все было отлично, все больше горбился Штукман, уже невидный из-за помоста, и выпячивал грудь Растороцкий, как вдруг — на пустом месте — Турищева не упала, а села: «плацкартой» называют гимнасты такую смешную и унижительную ошибку. Чемпионкой стала Люба Бурда, а Люда шла в строю, закинув лицо, чтобы не капали слезы. Растороцкий стоял в коридоре с забинтованной рукой — прокусил ее до мяса. Но бодрый. Сказал: «Здесь — ничего, облажались, и ладно, вот там — там мы всем докажем». Там — он имел в виду в Любляне, где должен был состояться чемпионат мира. И там действительно началась серия турищевских побед, которая продолжалась шесть лет без перерыва. И шесть лет в моем приятеле Славе сомнений не было совсем: неизменно громогласный, энергичный, уверенный в себе, просто-душно наслаждающийся известностью, признаем его заслуг, он шел, как мощный ледокол, ведя в кильватере послушную ученицу.

Не знаю, был бы Растороцкий так знаменит, не встретился он с Турищевой. Но в том, что Турищева не стала бы знаменитостью без Растороцкого, убежден. Правду сказать, она не отличалась сверходаренностью чисто гимнастической. Корбут, чья погоня за Турищевой, ставшая смыслом спортивной жизни, так и не увенчалась успехом, была в этом отношении на голову выше, гениальный живой мускул, чудо реактивности и координации. И честолюбивей не была Турищева — страстью, жаждой победы Корбут ее тоже преследовала. Страсть Турищевой жила в Растороцком — тут мы имели дело с идеальным соотношением психологических конструкций. Я не раз наблюдал, как он на нее кричал: при мне как-то обрушился за то, что в свой день рождения она сверх положенного рациона съела один — один-единственный! — чебурек, а на следующее утро, боясь нескольких граммов лишнего веса (всю жизнь с этим маялась, сахар для кофе чуть ли не по миллиграммам отмеряла), побегала в теплом костюме, утомила ноги, и прыжок ей на тренировке не давался. Слава орал: «Безголовая!» (это было самым страшным его ругательством), — она роняла слезы и со слезами потом мне говорила — не актриса, всегда искренний человек, — что прав Владислав Степанович, это день отдыха во всем виноват, зачем вообще отдыхать — только расслабляешься.

Далеко не сразу я понял, что такой, как есть, он ей и нужен: «У меня в зале даже стулья прыгают. Весело, голосисто, темпераментно. Работа работой, но это должно быть как игра. Чтобы два часа пролетали, как две минуты. Если в конце тренировки жаль, что все кончилось, значит, тренировка прошла с настоящей пользой. Азарт снимает утомление. Эмоциональный подъем помогает разучивать самые сложные элементы. Трудно? Пустяки. Это мы враз! И враз все получается». А то, что при этом он кипел и горлачил, ее, несколько вяловатую от природы, встряхивало и разогревало.

Впрочем, безусловно, даже бездумно покорной она была только в детстве. Позже научилась отделять его силу от его слабостей, прощать ему обиды и терпеть его обидчивость. Вообще научилась терпеть, что было особенно важно, поскольку в намерения тренера входило еще в ее ранние годы заложить такую программу на всех снарядах, с которой по прошествии определенного времени, когда спортсменка созреет как исполнительница и как личность, она сделается непобедимой. Сперва она много ошибалась и падала, потом перестала ошибаться и падать совсем. В этом была мудрость Растороцкого. Мудрость же Турищевой — это я только сейчас, много лет спустя, понимаю — состояла в лучшие ее годы в том, что, подчиняясь тренеру, она не только младше, она в чем-то и старше, чем он, себя чувствовала. Ее трезвая аналитичность по отношению к нему и к себе как раз и сформировала, мне кажется, то высокое самообладание, совершенное искусство владеть собственными мыслями и чувствами, которое в конечном счете и сделало Турищеву Турищевой. Помню, в 1977 году, на первенстве мира в Варне, она мне говорила, что накануне финала весь день

читала Чехова — кажется, «Степь», — и вечером, гуляя по морскому берегу, они с тренером о Чехове говорили. В этом маленьком эпизоде сходитесь многое. Во-первых, то, что сам Владислав Степанович, при внешней его, кажущейся неотесанности, при том, что обстоятельства жизни не слишком изоциряли его интеллект, лобознателен и пытливы: самые разные книги я видел в его руках — вдруг почему-то об английской поэзии XVIII века (читает он, надо сказать, много, но довольно бессистемно), самые неожиданные и оригинальные умозаключения о прочитанном слышал. Но тут у него теория: «Девочки должны быть культурные, а я культурней их, на шаг, да впереди, иначе мне, понимаешь, стыдоба». Но замечено — и многократно проверено, — что у читающего тренера всегда читающие ученики (как и наоборот, конечно). Во-вторых, то, что Люда перед соревнованиями читала, что он с ней о прочитанном беседовал, — это естественнейший, вполне прагматичный способ отвлечься до поры от предстоящего, сбросить нервы. Но, в-третьих, — и это, по-моему, в данной ситуации главное — инициатива литературного собеседования под спелыми, осенними черноморскими звездами принадлежала не учителю, а ученице. Она не только себя успокаивала — его.

Турищева готовилась к третьей, последней своей Олимпиаде, когда в зале Растороцкого появилась Наташа Шапошниковна. Он сразу заметил, что этот человечек с челкой с первых шагов старается выделиться, блеснуть, щегольнуть даже тем немногим, что умел тогда, в свои двенадцать. «Я, — он мне рассказывал, — решил ее испытать, гимнастику она любит или, понимаешь, себя в гимнастике. Я месяц на нее внимания не обращал. Просто не смотрел в ее сторону. Уйдет, думал, и пусть уйдет. Не ушла».

Турищева в детстве, та бы тоже не ушла. Но в Турищевой не копилось бы, не бурлило то, что копилось и бурлило в Шапошниковой. Взрослый, опытный, огни и воды, кажется, прошедший, Владислав Степанович не угадал того, что угадала на излете пути Турищева, сказавшая мне: «Шапа — это не я, это такая штука, что с ней он очень намучается». Я не поверил, мне помнится первый разговор с девочкой: «Сколько ты комбинаций делаешь за тренировку?» «Сколько тренер скажет». «Какой у тебя режим?» «Как тренер велит». «Как ты учишься?» «Тренер доволен». Все это тонюсенько и еле слышно. Во мне даже раздражение вызвала такая робость и инфантильная бездумность, я еще не знал, как Наташа умеет, когда хочет, изобразить кроткое дитя.

Но то я, а как Слава сложности шапошниковской не разглядел? Очевидно, все-таки, хоть и много было у него разных учениц с разными характерами, всех на какое-то время заслонил ясный образ его верной Людахи.

Перед Олимпиадой 1976 года о Шапошниковой заговорили. Растороцкий возмущался, чтобы она попала в сборную. Однако Турищева, которая болела, перенесла операцию, нуждалась тогда в особом его внимании, особой заботе. Наташе он мог уделять гораздо меньше времени — не разорваться же ему, а голову ей детскую он надеждами на поездку в Монреаль уже вскружил. Как же лото, отчаянно ревновала она его тогда!

Ревность, ревность, «чудовище с зелеными глазами» — с этим неизбежно приходится сталкиваться, считаться, бороться тренеру, работающему в видах спорта индивидуальных. В командных — другое, там характер контактов иной, не так напрямую связаны нити, но здесь что делать тренеру, он живой человек, у него свои симпатии, свои подспудные чаяния, и порой именно этот подлесок, особо взлелеянный, глушит зрелое живое растение, которое способно еще цвести и плодоносить. Тем более трудно живется женскому тренеру — мужчине, который должен всегда чувствовать, что, какие бы ни были его ученицы маленькие, совсем вроде несмышляшки, но властная мать-природа вложила в них сложное, загадочное. Евино начало, и их ощущения, их неожиданные, непредугаданные попутки тем одним необъяснимым объясняются, что он мужчина, а они женщины.

Мне известен очень давний эпизод, когда гимнастка, которой буквально пяти минут не хватало, чтобы стать абсолютной олимпийской чемпионкой (наизыветнейшая мечта, высший, непревзойденный миг в жизни любого спортсмена), обидевшись на своего тренера за то, что он утром не смог пойти с ней погулять по городу, вечером нарочно прыгнула с бревна. И напрочь все потеряла. Так она ему отомстила: не по-спортивному — по-человечески. По-женски.

Растороцкий в семьдесят шестом ни в чем виноват не был. Двукратная олимпийская чемпионка, двукратная абсолютная чемпионка мира, Турищева, хоть и ясно было специалистам, что на сей раз на первенство в личном зачете ей претендовать трудно, оставалась моральным лидером советской сборной,

и сделать все, чтобы она подошла к соревнованиям в максимально лучшей форме, было задачей государственной важности. Не добейся этого тренер, ему бы никто не простил, и сам он себе — прежде всего. Вдобавок и он и она знали, что это ее последний в жизни старт — в тяжелой, счастливой жизни, в которой они бок о бок несли свой общий крест. Тогда, в Монреале, выполнив в последний раз вольные и проиграв их, Люда убежала, спряталась, чтобы никто не видел ее рыданий: покидать мировой помост она — в ее положении — считала, должна достойно, но плакала — почему? Потому, что не смогла, как задумала, на прощание — и в день рождения тренера, именно в этот день — подарить ему последнюю свою золотую медаль.

Растороцкий, повторяю, виноват не был — перед Шапошниковой. Или был?

Много-много времени спустя он говорил мне: «Она мне, оказывается, семьдесят шестого не простила, она, понимаешь, все — навсегда! — запомнила». Запомнила, как, лихо скрутив сальто на бревне, она косилась на Владислава Степановича, ожидая прочесть на его лице одобрение, но видела гримасу боли: смотрел он, оказывается, на брусью, где как раз в тот момент промахнулась Турищева. И спину его, вечную спину, к ней обращенную, запомнила ожесточенным, изболелым сердцем. Ах, кабы знать, как упасть, соломки бы подстелил!

Сейчас, задним числом, легко рассуждать, что в той ситуации умудренный стратег сделал бы ставку на одну Турищеву, а дальновидный педагог спокойно объяснил все Шапошниковой — твой час-де еще придет, надо нам потерпеть, пойми меня, пойми Люду, утешься. Однако мы имеем дело не с неким идеальным стратегом и педагогом, а с конкретным Владиславом Степановичем Растороцким, который не был бы самим собой, если бы не жаждал, не страдал непомерного: ведь эта жажда, эта страсть и сделали его тем, кто он есть, — выдающимся тренером. Наши недостатки суть продолжение наших достоинств.

Года через два Растороцкий мне признается: «Наташа — эта такая девочка, ты даже не представляешь, какая! Маргарита, моя жена, ей объясняет: «Наташенька, сделай тут, как Люда, улыбнись, как Люда». А она: «Не хочу». Нет, ты понял, какая забавочка? «Не хочу, как Турищева, я — сама себе». Я скажу ей: «Иди на бревно», — а она стоит. Полчаса стоит. Плону и уйду из зала. Потом спрашиваю: «Наташа, что с тобой было?» «Вы мне очень резко сказали: «Иди на бревно». И я терпелась, ты понял, ты понял? «Наташа, но ведь другие тренеры так же своим девочкам говорят». «Ну и что же? Другие некоторые девочки не любят своих тренеров, а я вас всегда хочу любить и уважать». Ты понял, что я должен? Я себя переделывать должен, мне полсотни скоро, а я перестраивать должен свою психику, потому что Наташа — очень гордая, она нежный цветок, ты меня понял?»

Объективности ради надо заметить, что в момент сопротивления Наташи чаще все-таки, наверное, он ее изгонял из зала, чем сам уходил. Эта форма наказания достаточно распространена в тренерской практике, ничего в ней, кажется, особенного нет, и Ирина Роднина, недавно ставшая тренером, в интервью, данном мне, говорила:

— В течение первых полутора месяцев я только то и делала, что внушения за опоздания. Пять раз замечания, на шестой предупреждение, на седьмой приходится отправлять вон с тренировок.

— Вы сторонница принудительных мер?

— Но тренироваться-то я не принуждаю, не на лед гою, а со льда, а они рутятся на лед...

Наказание, впрочем, не всегда являет собой рассчитанный шаг, подчас оно эмоциональный всплеск со стороны старшего, у которого, конечно, нервы тоже не канаты. А вот задумываемся ли мы над тем, какие мысли и чувства вызывают в «малых сих» наши драконовские меры? Те ли, что нужны нам, что на пользу делу?

Олимпийская чемпионка Лариса Петрик, из которой строгая должность телекомментатора не выбила потребности в порывах, всплесках и самокопани, рассказывала тут однажды:

— Как сейчас помню, мне было десять лет — десять лет, совсем пацанка, представляете? И мой тренер выгнал из зала одну девочку. И я подумала: «А вдруг он меня выгонит? Если он меня выгонит, я же не вернусь — ни в коем случае. Я же такого унижения не стерплю». Я стала все время бояться, что он меня выгонит. И все время хотела у него спросить... Ну, как это, зачем это? И мы как-то сидели и разговаривали — после тренировки. И я сказала: «Вот, Викентий Дмитриевич, вы Аллу выгнали — ну, что, от этого вам лучше? Что она два дня не тренировалась, вам лучше? И ей тоже? А потом, — я сказала, — если вы, например, меня выгоните, я больше не приду». Решилась, брякнула и вся замерла — что будет? А он буркнул: «Никто тебя выгонять не собирается». И мне полегало.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

В этом номере мы публикуем подборку стихотворений второго победителя нашего традиционного поэтического конкурса «Пою мое Отечество»-81» Леонида Попова.

Напоминаем: конкурс продолжается, его условия прежние.

Осень поздняя пахнет больницей,
Так знакомо, что сердце щемит.
Обретенный покой тяготит,
И ночами привычно не спится.
Прелых листьев прокисшая брага
Не пьянит, и горька и смешна
Невеликая эта отвага:
Одиноко бродить дотемна
По осенне сиротскому лесу,
И молчанье небес понимать,
И тепло отгоревшего лета
Моросящим дождем поминать...

Леонид ПОПОВ,
инженер-геолог, Костромская обл.

Ничего, какие наши годы...
Не горюй, пока что время есть:
И освободиться от свободы,
И покой тревоге предпочесть,
Повстречать удачу и проститься,
Отыскать другие города,
И в такую юную влюбиться,
Что и не мечталось никогда.
От вины неведомой проснуться,
Болью захлебнуться в час ночной,
Ощутить в сладчайшем
чайном блюде
Вкус войны, что кончилась давно.
Не горюй, какие наши годы,
И пока мы живы, время есть:
Молодаясь, не слушаться природы,
И незнание знанию предпочесть.

Шел светоносный дождь с небес,
И так был чист,
И част, и долог,
Как будто тысячи иголок,
Сверкая,
Сыпались на лес.
Под нервный шорох
Молний бледных,
Чей просверк медленный будил
Глухого грома рокот медный,
Который гул дождя гасил
И, спотыкаясь,
Уходил
По склону скользкому угора,
Стыдясь невнятного повтора,
Но скоро резвый ветерок
Из поля дальнего примчался,
И дождь замешкался,
Смешался
И в такт попасть уже не смог,
Затараторил вразной
И с тем затих...
И голубой
Провал возник в летучих тучах,
И солнце брызнуло кипуче,
К земле припало горячо,
И под пылающим лучом
Трава сырая задымилась...
А в небе —
Рядом, над плечом —
Крутая радуга светилась.

На исходе весеннего дня
Понимаю под стынущим небом:
Не теплом, не любовью,
Не хлебом —
Болью жизнь обделила меня.
Ни золы дорогой, ни слезы,
Ни прощанья протяжного,
Знобкого,
И не то что приличной грозы —
Даже дождичка,
Самого робкого.
Ночь сжимает
В клубок горизонт,
Небо рядится
В звездную роздымь.
В жизни самое важное просто,
Но весомо, и в этом резон:
Только сильный
Дойдет до конца,
Только верный и вынесет муки,
Только честный не спрячет лица
От свинца, от любви,
От разлуки.

Памяти Олега Куваева

Территория близкой души
За картонной
Обложкой хранится...
Не спеши, говорю, не спеши,
Задержишься и над этой страницей.
Слышишь?
Дышат слова под рукой —
Света чище, доверчивей хлеба;
Видишь, плоское низкое небо
Наклонилось над желтой рекой?
Разгляди между строк, на бумаге
Ровной, чистой,
Как снег в декабре,
Крик весенних гусей на заре,
Растревоживший душу бродяге.
Не спеши, говорю, не спеши
И поймешь, осененный слезою,
Кто-то должен
Курлыкать в глуши,
Чтобы мир устоял под грозою.
Не спеши, говорю, не спеши,
Дай доверию
К сердцу пробиться.
Сокровенное чудо души
За обычной обложкой хранится.

В рамках культурного обмена в СССР находился выдающийся американский поэт Уильям Джей Смит. Он читал курс лекций по американской поэзии в МГУ. Состоялись выступления поэта перед студентами Института стали и сплавов, факультета журналистики МГУ, членами Московского общества книголюбов.

Уильям Джей Смит, сочетающий в своем творчестве тонкий, возвышенный лиризм и трагическую иронию, был тепло встречен московской аудиторией. Поэт побывал в Ленинграде, посещал Иркутск и Братск. Предлагаем вниманию читателей «Смены» стихи Уильяма Джей Смита.

Уильям Джей СМИТ

Американский примитив

Посмотрите,
как он в шляпу до бровей погружен,
посмотрите, как себе самому он дорог.
Только мой папа может выглядеть,
как он.
Я люблю моего папу,
как он любит свой доллар.

Дверь особенно хлопает,
если входит он к нам.
У всех его костюмов долларовый запах.
Мятыми деньгами
набит его любой карман.
Его губы — синие,
а руки его — зябнут.

Он вешается на галстук
у двери на балкон.
Леди падают в обморок,
дети визжат в коридорах.
Только мой папа может выглядеть,
как он.
Я люблю моего папу,
как он любит свой доллар.

Мистер Смит

Редчайшее счастье —
знать мистера Смита,
творца своих тонких поэм.
Для кое-кого он такой знаменитый,
для кое-кого — не совсем.

В глазах его нечто восточное брезжит.
Он так свежесвыбрит и тих.
Характер его — воплощенная нежность,
но может и прыгнуть, как тигр.

Чертами он мягок. Спокойствием дышит.
Он правой и левой рукой

прекрасно владеет, а ходит и пишет
и правой и левой ногой.

Он любит науку, искусство, музеи.
Он прост, но отнюдь не простака.
Он в кухне крутить мясорубку умеет,
но ужинать любит в гостях.

Он в детстве хранил,
как другие мальчишки,
все спичечные коробки,
а стал собирать записные книжки,
свои и чужие носки.

Любитель изысканнейших обедов,
он ел и лягушек, и змей.
Летучих лисиц, говорят, он отведал,
не только летучих мышей.

Два раза слетал на Таити, но, впрочем,
Майорка не знает его.
Два шага он делает там, где всем прочим
достаточно и одного.

Он враг мотоциклов, тушеной капусты.
На лыжах, коньках — не герой.
А «молнии» брючные терпит он грустно,
но в них застывает порой.

Вода его около берега носит —
он склонен к прибрежной волне.
С волнением он имя свое произносит,
но эхо спокойно вполне.

И скромное эхо фамилии Смита
владельцу внушает испуг,
когда с темнотой наступающей слито,
как тонкий стрекочущий звук.

Чем больше стареет он, думает больше.
А прерия ночью не спит
и шепчет:

«Какая удача, о боже,
что есть на земле мистер Смит!»

Перевел с английского
Евгений ЕВТУШЕНКО.

Трагедия в Атланте

В чем они,
скажите, виноваты —
Дети,
не пришедшие домой?
В том, что кожа
не белее ваты,
А чернее
полночи самой?
В чем вина их?
В том ли, что душа их
Трепетной
и светлою была?
Только и топя их
и душа их —
Плоть лишь умертвили,
лишь тела.
Сердце
разрывается от гнева:
Как их рано
предали земле!
Им бы хоть разок
взглянуть на небо,

Хоть разок
проснуться на заре!
Нет, убийцам
не прожить в покое.
Суд свершится,
справедливый суд!
Пусть они,
свершившие такое,
Локти
до беспамьяства грызут.
Страшная
их ожидает кара,
От нее
не убежать никак,
Потому что,
горестно сверкая,
Кровь у них
дымится на руках.

Перевел с английского
Анатолий ИВАНУШКИН.

ЛУКАВЫЙ ПУШКИН

Михаил ИСКРИН

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Мы часто перечитываем любимые произведения любимых писателей. И, возможно, привыкаем к тексту, что-то ускользает от нашего внимания... Автор публикуемой статьи провел интересный читательский и литературоведческий поиск в «Евгении Онегине».

ЧТО ЗА МОНОЛОГОМ?

Евгений Онегин ответил на письмо влюбленной Татьяны холодным, резонерским монологом.

Монолог предваряется французским эпиграфом к четвертой главе романа, означающим: «Нравучение в порядке вещей. Неккер». Это слова министра Людовика XVI, обращенные к революционному трибуну Мирабо. Они взяты из книги «Взгляды на французскую революцию» (Париж, 1818) Анны-Луизы-Жермены Сталь, дочери, кстати сказать, министра. Пушкин таким образом сравнивает Онегина с одним из столпов монархии. Татьяну, наоборот, сближает с Мирабо, которым восхищался, ставя рядом с ним лидера декабристов Пестеля. Отношения денди и девушки меряются масштабом великого политического переворота XVIII века. Тургенев назовет впоследствии любовь революцией.

Чтобы не оставалось сомнений в консервативности позиции Онегина, его монолог неприметно сопоставляется вдобавок с другим, чем-то сходным, но, по сути, противоположным, принадлежащим перу революционера. Герой стихотворения «К N. N.», которое написано Рылеевым годом ранее четвертой главы «Евгения Онегина», произносит, обращаясь к девушке:

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить:
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Онегин словно вторит:

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства,
Их вовсе не достоин я.

Оба отвергают любовь, унижая себя. Но в чем главная причина отказа? Герой Рылеева объясняет:

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

Совсем иная цель у Онегина. Пугая Татьяну мрачными перспективами супружества с ним, недостойным мужем, он намеренно скрывает, что закнулся в себялюбии, страшится связать и стес-

нить себя. Лишь позже, когда в нем произойдет перелом, признается вышедшей замуж Татьяне:

Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.

Свое небокопительство фразер называет весьма характерно, благородным словом «свобода». Пушкин осуждает прячущегося от жизни, высокомерно становящегося в позу ментора «свободолюбца» и противопоставляет ему борца истинного.

КТО ТАКОЙ МАРТЫН ЗАДЕКА?

В «Евгении Онегине» Пушкин упомянул Мартына Задеку, не сомневаясь, что тот —

Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

Имелся в виду, собственно, не сам гадатель и толкователь, а книга «Древний и новый всегдашний гадательный оракул...» (М., 1821), по которой гадала Татьяна Ларина.

Пушкин не знал, что Мартын Задека не составлял да и не мог составлять никаких сонников. Литератор Б. Федоров, рецензируя четвертую и пятую главы романа в своем журнале «Санкт-Петербургский зритель», заметил: «Автор назвал его (Задеку.— М. И.) гадателем и толкователем снов. А Мартын Задека был швейцарский старик, который, умирая, оставил весьма известное политическое пророчество и никогда не сочинял сонника».

К рифмоплету Федорову, не брезгавшему, как и Булгарин, ремеслом доносчика, Пушкин относился резко отрицательно. Однако он прислушался и к такому рецензенту. Так появилось 33-е примечание к роману: «Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров».

Кто же составил сонник? Купец Семен Иванович Комиссаров, который был привержен к изданию книг. Сонник при ближайшем рассмотрении — развлекательный сборник, к содержанию которого составитель просит не относиться чересчур серьезно. Тут помещено «Любопытное предсказание шестилетнего славного швейцарского старика Мартына Задеки друзьям его», впервые изданное на русском языке отдельно в 1770 году.

Брошюра говорила о близком падении турецкой империи, предвещала голод в Германии и Швейцарии. Давала прогноз погоды и стихийных бедствий: «Америка от землетрясения погибнет».

В 1769—1770 годах Россия вела победоносную войну против Османской Порты. В Петербурге печатались листовки с военными реляциями. В «Санкт-Петербургских ведомостях» говорилось то же, что в «Предсказании» Задеки: «Ныне наступило, по-видимому, время, в которое все народы как будто встают от глубокого сна и, ободрившись, устремляются к низвержению возложенного на них за несколько столетий турецкого ига».

Оставим пока в стороне вопрос о том, кто написал текст брошюры. На титульном листе сказано: «с немецкого на российский перевод К... Н...». Всего вероятнее, это просветитель XVIII века Николай Гаврилович Курганов, автор знаменитого «Письмовника», выученного, между прочим, наизусть пушкинским Белкиным. Майор, «мафематических и навигацких» наук профессор, кавалер, автор учебников, переводчик, Курганов выпускал в

60—70-х годах книги, которые печатала типография Морского шляхетского кадетского корпуса. Именно отсюда вышло и «Предсказание» Задеки.

Действительно ли перед нами перевод? Мнения авторитетов сводились к тому, что брошюра написана анонимным русским автором. Однако издание на немецком языке было и оказалось в фонде Открытой библиотеки в Базеле (Швейцария). Директор теологического отдела, куда попала «пророческая» брошюра, любезно прислал ксерокопию. О Мартыне Задеке он нигде, по его словам, ничего не нашел. Да и мудрено найти! Ведь это персонаж Вольтера. Из повести «Задиг, или Судьба» (1748) прозорливец перешел, видоизменившись, в брошюру на немецком языке.

Автор «Предсказания» взял у Вольтера персонаж и превратил в швейцарского пустынножителя, видимо, отчасти потому, что Вольтер жил в 70-х годах в Швейцарии — в поместье Ферней, вдали от парижского света. Задека стал швейцарцем еще и потому, что брошюра издана в Базеле. Кто ее написал? Ни в Швейцарии, ни в ГДР не удалось это установить. Старый русский беллетрист А. Ф. Вельтман называет его имя в предисловии к повести «МММCDXLVIII (3448.—М.И.) год. Рукопись Мартына Задеки. В 3-х книгах» (М., 1833). Вот это прочно забытое имя: Эрнст Родер! Немецкий писатель точно оценил исход русско-турецкой войны и живо изложил свое предвидение в полудантасической, занимательной форме.

Перевод Курганова, вышедший почти одновременно с оригиналом, пользовался успехом в России. Предсказатель под искаженным именем Мартына Задеки, переделанным из Мартина Падека, приобрел широкую популярность и в конце концов перекочевал на обложки сонников. Мифический предсказатель не канул в забвение благодаря Пушкину.

ЧУДНЫЙ СОН

Сон Татьяны накануне дня ее рождения заставляет призадуматься. Сказочный медведь тащит девицу на шабаш чудовищ, и тут начинается сказка иного рода — с обличительным метафорическим подтекстом. Сон соотносится с явью — балом у Лариных. Дворянские монстры, веселящиеся на балу, напоминают фантастических чудовищ. Те и другие названы «гостями». Тех и других девять. Одно чудовище, с петушиной головой, сопоставимо с помещиком Петушковым. Второе, карла с хвостиком, с Харликовым, почти что Карликовым. Череп в красном колпаке — с Трике «в очках и рыжем парике», пленным наполеоновским солдатом, оставшимся в России и представляющим, так сказать, французскую революцию во фригийском колпаке.

Чудовища сна, среди которых оказались Татьяна и Евгений, — «шайка». На балу — шайка крепостников.

Уроды сновидения и визитеры Лариных, в том числе поседевшие фонизинские Скотинины и злощестный Гвоздин, «владелец нищих мужиков», притягивают антикрепостнический эпиграф книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»: «Чудище обло, озорно, стозевно и лай». Во сне «за столом сидят чудовища кругом». Вместе они образуют «чудище обло» — круглое. «Лай, хохот» несется из множества зевов, по аналогии с «чудищем», которое «озорно... стозевно и лай».

Тут в роман врывается еще «Горе от ума» Грибоедова. «Лай, хохот, пень, свист и хлоп» — шумовые эффекты шабаша «чудовищ» в романе. «...Стон, рев, хохот, свист чудовищ» раздаются в притворном сне Софьи, стремящейся рассеять подозрения своего папаша Фамусова насчет ее шашни с Молчалиным. Чудовища, по словам дочки, — «какие-то не люди и не звери». К ним тащит Софью не кто иной, как Фамусов, тот же медведь, мчащий Татьяну. Там и здесь — люди-звери. Надуманный «сон» Софьи, а затем ее клевета, будто Чацкий сошел с ума, предвещают гибель мечтаний последнего, а сон Татьяны — гибель мечтателя Ленского. Чацкий до конца понял, кто против него и против кого он. Геттингенский идеалист погиб в самом начале своего идейного развития.

«Лай... хохот...» сопровождают наезд соседей Лариных. Нет ли тут мысли, как и в комедии Грибоедова, о чудовищном помещичьем сброде (в романе говорится, что Евгений оказался на балу среди «всякого такого сброду»), творящем шабаш на русской земле? И не только помещичьем. Имеются в виду реакционеры, задерживающие прогресс, отгудавшие Россию полицейско-бюрократической паутиной: «Вот рак верхом на пауке...» Высокомерные бары прогнили навсквозь. От них остался «остов чопорный и гордой». Хозяинчанье и владычество гвоздевых чреватой революцией:

...череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке.

Это террор, неприемлемый для Пушкина и декабристов, и одновременно антифеодалная революция. «Чудовища» не так страшны, как кажутся.

Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет...

Не надо, значит, принимать мельницы за великанов, как Дон-Кихот Ламанчский.

Радищев, Грибоедов, Сервантес проясняют сон. Выразительная связь двух строк XVIII строфы, завершающей описание шабаша страшилищ в пятой главе «Евгения Онегина»:

Он засмеется: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат...

с двумя строчками оды «Вольность» Радищева:

Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется...

Это «речет» надменный царь, властно сидящий на троне, и, отодвигая Онегина, властвующего над чудовищами, перед нами возникает самодержец всероссийский во главе шайки крепостников. «Чудный» сон!

ЗАМЕНА СЧАСТЬЮ

Выражение, вошедшее в пословицу (строфа XXXI второй главы), открывающее оперу Чайковского:

Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она,—

перефраз мысли французского консервативного романтика Франсуа-Рене Шатобриана. Она приведена на языке оригинала в 15-м примечании. Вот перевод: «Если бы я еще имел глупость верить в счастье, я искал бы его в привычке».

Откуда цитата? Ее сразу удалось найти в автобиографическом романе «Рене», иначе пришлось бы затратить немало времени на просмотр всего Шатобриана — задача нелегкая! И так, «Рене» Пушкин относил роман к разряду «блестящих». Онегину, разлюбившему книги, нравилось среди немногих это произведение,

В котором отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Сбялюбивой и сухой,
Мечтаний преданный безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Удивительно емкая характеристика романа о молодом человеке начала XIX столетия!

Онегин находил в «Рене» отзвуки, а быть может, и оправдание влости, охлаждения ко всему, разочарования, свойственных ему до момента запоздалого духовного возрождения.

Пушкин с самого начала категорически не согласен с «философией» счастья Шатобриана, которую применяет к вынужденному обстоятельствами житейскому примиренчеству мамашы Лариной да и няни Татьяны, а затем и к ущервному мироощущению Онегина. Ведь та же мысль, в тех же словах, на современном нам написании — «замена счастию» и в почти том же месте — XXXII строфе! — на сей раз не второй, а восьмой главы вставлена в послание Онегина к замужней Татьяне:

Я думал вольность и покой
Замена счастию...

Выражение принадлежит поэту-радищевцу И. Пинну в стихотворении «Плач над гробом моего друга сердца» (1805), где сказано: «В замену счастья найти я мнил покой».

И в первом случае, с мамашей Лариной, когда Пушкин ссылается на Шатобриана, возражая, собственно, ему, и в другом, с Онегиным, в строфах XXXI второй главы и XXXII — восьмой, присутствует русский революционный поэт, чья фразеология там и здесь взята на вооружение, но который сначала отодвинул на задний план, а затем правомерно выходит на передний.

Обе строфы говорят о замене любви привычкой, поскольку «вольность и покой» Онегина тоже привычка — к одиночеству. Однако содержание строф не совпадает. Не потому ли не совпадает и их нумерация? Ларина свьклась с «заменой счастья». Онегин не хочет мириться с этим. Не произвел ли в нем перелом к активной жизненной, быть может, даже общественной позиции (автор будто бы хотел сделать его декабристом). Цитата поэта-радищевца симптоматична.

ФАМИЛИЯ ЕВГЕНИЯ

Герой поэмы «Медный всадник» отличается от своего тезки Евгения Онегина, между прочим, тем, что его фамилия намеренно не названа. Пушкин прямо говорит:

Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало,
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало...

Опустив «прозванье», Пушкин останавливает на этом наше внимание. Более того, интригует читателя. Сообщает, что фамилия Евгения, некогда заметная, увековечена Карамзиным. Где? Вероятно, в прогремевшей тогда «Истории государства Российского». В каком томе или томах упомянуты предки Евгения? Сотрудники ленинградского Института русской литературы (Пушкинского дома) ответили так: «К сожалению, мы ничего не можем сообщить по интересующему вас вопросу. До сих пор не было попыток обнаружить предков пушкинского Евгения в «Истории» Карамзина. Видимо, это вряд ли окажется возможным, если только каким-то образом не выяснится его фамилия».

Каким же образом выяснить? Попробуем оттолкнуться от бесспорного факта. Евгений принадлежал к захиревшему старинному роду. Таков, вспоминаем, Иван Езерский в «Родословной моего героя». Этот набросок начала первой части «Медного всадника» был отвергнут Пушкиным, но Евгений приобрел некоторые черты Ивана. Предки обоих «блестят». Одинаково неблестяще положение мелкого чиновника того и другого. Быть может, фамилия Евгения Езерский? Но такой нет в «Истории государства Российского». Пожалуй, она вымышленная. В наброске Пушкин ставит себя рядом с Езерским. Почему? Сам древнего рода. Потому и разбираю, говорит он, «всю родословную героя». Герой близок ему.

Автобиографичность Езерского задана ранее написанным стихотворением «Моя родословная». Оно обусловило даже заглавие наброска — «Родословная моего героя». Пушкин с вызовом оповещал: «...Бояр старинных я потомок». Не своих ли предков да и себя, гоимого самодержавием, представлял он читателям, возвеличивая предков Езерского и Евгения? Тому была причина. Прихвостень жандармов, литератор Булгарин печатно пытался очернить поэта и его прадеда-африканца Ганнибала. Об этом сказано в «Моей родословной» и «Родословной моего героя».

Заглянув в рукопись последней, обнаруживаем, что фамилия Евгения проясняется. Пушкин резонно не включил в текст стихи, помогающие нашим поискам:

Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.

Но ведь это имеет тот же смысл, что и цитированное место «Медного всадника». Значит, и там подразумеваются родичи Пушкина. Сугубо личное он передал своему герою.

В заметке «Родословная Пушкиных и Ганнибалов» писатель настаивал: «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории». Дальнейшая фраза не оставляет сомнений — «Истории» Карамзина.

Действительно, Пушкины упомянуты в X томе и XI, вышедшем в 1824 году. События этого года — крупнейшему петербургскому наводнению — и следующего — восстанию декабристов — посвящена поэма. Пушкин очень кстати намекает на «род Пушкиных мятежный» в трагедии «Борис Годунов» накануне восстания. Направляя трагедию и поэму против царизма, он опирался ради конспирации на предков и придворного историографа, враждебного какой бы то ни было революции. Вот еще причина его обостренного внимания к генеалогии.

Карамзин рассказывает, писал поэт, что Пушкины едва уцелели «от кровавых опал» Ивана Грозного, боролись с царем Борисом. Владыки их не жаловали.

Славя предков Евгения, Пушкин имел в виду и других представителей своей непокорной фамилии, не уместившейся в рамках незаконченного исторического труда Карамзина.

С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им,—

говорится в «Моей родословной».

Дед Лев Александрович, сообщает заметка «Родословная Пушкиных и Ганнибалов», был «посажен в крепость» Екатериной II. Вот каковы предки Евгения.

ТРИ ВЕРСИИ

ПОВЕСТЬ

Рисунок
Аллы СОЛОВКИНОЙ

— Да, разумеется,— неопределенно ответил я.
— Кто из уголовного розыска?
— Лейтенант Самсонов.
— Ну давай, действуй!

15 мая 1978 года, понедельник, 13 часов 20 минут

С инспектором уголовного розыска Игорем Демьяновичем Самсоновым, размашистым в движениях человеком, мне прежде работать не приходилось, но друг о друге мы слышали. Я знал, что Самсонов из категории тех людей, кто сначала подумает, а уж потом спросит или ответит.

Поздоровались, и сразу к делу.

— Игорь Демьянович, надо выяснить, есть ли в наших аптеках очки, аналогичные тем, что были обнаружены в пиджаке покойного Гладышева. Попробуйте отыскать рецепт, по которому они были оттушены, хотя я понимаю, что это очень сложно. Но важно. Мать Гладышева сказала, что у сына было стопроцентное зрение.

— А-а!..

— Необходимо также собрать информацию о семье Гладышевых.

— Ясно.

Мы помолчали немного. Потом я спросил у Самсонова:

— У вас сейчас как со временем, Игорь Демьянович?

Он усмехнулся:

— Вагон и маленькая тележка, Дмитрий Васильевич. Всего семь дел в производстве.

— А у меня восемь,— вздохнул я и рассмеялся.— Зато недавно прочитал детектив, где следователь действует в идеальных условиях—ведет всего одно дело. Да еще в придачу заполучил двух сотрудников уголовного розыска для выполнения отдельных следственных поручений. И инспектора тоже заняты раскрытием только этого дела.

— Бывает, мне тоже цветные сны снятся!— Самсонов поднялся.— Так я пойду, Дмитрий Васильевич?

— До встречи, Игорь Демьянович.

Я достал из ящика стола справочник, нашел номер телефона 47-й школы.

— Здравствуйте. Мне нужен директор школы товарищ Румянцев.

— Слушаю вас!— ответил на другом конце провода любезный баритон.

— Беспокоит старший следователь прокуратуры Красиков...

15 мая 1978 года, понедельник, 14 часов

У директора Румянцева крепкое, как будто вырубленное лицо. Морщины прорезали высокий лоб. Глубокие темные глаза.

...Люди: знакомые, учителя, одноклассники—уходили с кладбища, негромко переговариваясь между собой.

Около свеженасыпанного холмика остались лишь двое—Екатерина Ивановна и Федор Борисович. Мать и отец погибшего Никиты Гладышева.

...Я медленно ухожу с кладбища. В глазах две застывшие фигуры в черном. И холмик земли. Так что же, что же произошло в то штормовое воскресенье, 14 мая 1978 года, на бывшем третьем, давно уже не действующем морском причале? Убийство? Самоубийство? Или же трагический несчастный случай?

15 мая 1978 года, понедельник, 13 часов

— Садись, Дмитрий Васильевич.— Заместитель прокурора снял очки, положил их перед собой, и глаза его сразу же стали беспомощными.— Ну, что там случилось, на причале? Рассказывай, но только побыстрее. У меня через пятнадцать минут совещание у прокурора. Давай самую суть.

— Утонул парень, школьник, обнаружили рано утром...

— Фамилию, имя, отчество установили?

— Да,— кивнул я.— Никита Федорович Гладышев.

— Слушай!— воскликнул Сергей Семенович.— Уж не сын ли Федора Борисовича, управляющего строительным трестом?

— Он. Мать уже опознала. Сам Федор Борисович в Москве, в командировке. Завтра возвращается.

— Какое несчастье...

— В карманах пиджака,— бесстрастно продолжал я,— обнаружены очки в роговой оправе, находились в футляре. Эксперт определил, что диоптрии плюс девять. Для слабови-

дящего человека очки. В кожаном кошельке, застегнутом на «молнию», лежали деньги, двести рублей...

— Так-так,— протянул Сергей Семенович,— очки, деньги... Все это хорошо, а что ты сам-то, Дмитрий Васильевич, думаешь об этом происшествии?

— Все чисто, Сергей Семенович,— ответил я и вздохнул.— Похоже, что парень сам упал в воду. Между прочим, эксперт такого же мнения придерживается. Понимаете, тут...

— Ага!— не дав мне договорить до конца, воскликнул Сергей Семенович, словно поймал на важном признании.— Значит, и ты такого же мнения придерживаешься?— И сердито нахмурился.— Что значит сам?! А может, кто сзади подтолкнул? У этого причала всегда было глубоко, мог и захлебнуться сразу. Ну, извини, Дмитрий Васильевич, но подобного легковерия я от тебя не ожидал!

Я терпеливо ждал, когда Серсемыч выпустит из себя первый «пар». Мы с ним вместе уже много лет работаем. И прекрасно знаем характерные особенности друг друга. Конечно, он зря меня недослушал: то, что я хотел ему сказать, несомненно, было важным. Но ничего, успею и потом проинформировать, без спешки и горячки.

— Сам,— продолжал ворчать Сергей Семенович,— это тебе и несчастный случай и самоубийство... Не поверю, чтобы у такого человека, как Федор Борисович Гладышев, сын мог кончить жизнь самоубийством!

Сергей Семенович вынул из кармана платок, начал тщательно протирать стекла очков, негромко размышляя вслух:

— Вчера штормило так, что деревья пригбило к земле. Я с трудом до дома добрался... Н-да... И чего его понесло на этот разрушенный причал? Мне думается, это сейчас один из самых первых вопросов, который надо выяснить.

Во взгляде затаился испуг: я же из прокуратуры, стало быть, случилась какая-то неприятность, иначе зачем бы я захотел срочно встретиться с ним. И еще мне ясно: он пока ничего не знает о Никите Гладышеве.

— Я хотел бы поговорить о девятом «Б». — начал я издалека.

— Девятый «Б»? — удивился директор Румянцев. — Обычный класс. Средний. Никаких особых чепе я там что-то не припомню. А что, собственно, случилось? — Он спохватился, что все еще не задал главного вопроса. — И с кем, с каким шалопаем?

— Разговор о Никите Гладышеве...

— Что! — Он даже привстал на мгновение, глаза его округлились. — Вот уж вы меня удивили, право слово!

— Почему же?

— Ну, как же! Насколько я себе представляю, милицию и прокуратуру могут интересовать «трудные» подростки. А Никита Гладышев — отличник, претендент на золотую медаль. У нас никто не сомневается, что он получит ее. Конечно, еще рано об этом говорить, но Никита девять лет идет круглым отличником. Его отцу наша школа многим обязана. Федор Борисович — управляющий строительным трестом...

Так-так, сразу замешал в одно и сына и отца. Дескать, Никита Гладышев — это не просто так, это вы сразу же учтите, если у вас что-нибудь аздакое...

— Федор Борисович, — продолжал директор Румянцев, — ничего не обещает. Он просто делает. У меня голова не болит, когда ремонт предстоит начинать. В первую очередь строители — к нам! И не только потому, что его сын у нас учится. У Федора Борисовича в целом такое отношение к школам района, ибо он понимает, что школы — главное, что здесь все закладывается...

— Не в семье? — перебил я.

— Э-э, дорогой товарищ Красиков, — отмахнулся директор Румянцев, — старый спор! А я, Дмитрий Васильевич, не делю. Когда говорю «школа», имею в виду и семью. На меня учителя ворчат за то, что я их постоянно убеждаю ходить к ученикам домой.

Он вдруг прицелился в меня взглядом и выстрелил вопросом:

— Вы когда-нибудь занимались дрессировкой собак?

— Не довелось, — несколько ошарашенный таким поворотом, ответил я, уже с большим интересом разглядывая директора школы.

— Вот у дрессировщиков бытует поговорка: нет плохих собак, а есть плохие хозяева. Я, конечно, не хочу сравнивать — это глупо. Просто по ассоциации... Мы учим детей, а я порой задумываюсь над тем, что прежде-то, может, родителей учить нужно. Потому и говорю своим педагогам: ходите в семьи, общайтесь с родителями, не ждите, когда они к вам пожалуют. Они ведь могут и вовсе не прийти...

Директор Румянцев тяжело вздохнул и сказал:

— Вы только задумайтесь, Дмитрий Васильевич, какая сейчас насыщенная программа! Помню, четверть века назад ребята обожали играть в чехарду, в отмерялку, бог знает еще во что. А нынче? Не играют! Нет у них и минуты свободной...

Директор Румянцев перескакивал с одного на другое, но мне было интересно его слушать, потому что, откровенно говоря, я плохо знаю современную школу. В своей следственной практике я впервые столкнулся с уголовным делом, в котором главным действующим лицом оказался школьник.

Если не считать тех редких моментов, когда я — вместо Ксения — приходил на родительские собрания — наша Галка тоже девятиклассница, — иметь служебное дело со школой мне еще не доводилось. Практически для меня это новый мир. И образ мышления взрослых людей в этом мире мне мало известен. А для установления полной истины в случившемся с Никитой Гладышевым мне, несомненно, надо многое понять. И, в частности, образ мышления, психологию людей, призванных выпускать в большую жизнь таких ребят, как Никита Гладышев, наша Галка, и других-других...

Я внезапно поймал себя на том, что ощущаю какую-то личную причастность ко всему этому делу как человек, в семье которого живет и воспитывается дочь девятиклассница.

И почувствовал раздражение. При чем здесь личная причастность, при чем моя дочь? Я следователь, юрист. Все остальное может только мешать, уводить в сторону.

А директор Румянцев между тем разволновался, встал, начал ходить по кабинету, иногда взмахивая рукой и рубя воздух.

— Высоки требования современной школы, скажу я вам, Дмитрий Васильевич, ох, высоки! Видимо, иначе и нельзя, жизнь на месте не стоит, заставляет уходить от привычного. Но люди-то все из того же, как говорится, материала. Их труднее переделывать, нежели новые поколения ЭВМ создавать. Вот, к примеру, семья Никиты Гладышева. Отец с высшим техническим образованием. Мать с высшим медицинским. Оба, значит, знакомы с математикой, физикой, химией, а это сегодня, что ни говори, три кита. Так?

— Верно, — согласился я.

— Что же получается? А то, что родители Никиты — при необходимости! — сами в состоянии помочь своему сыну. Теперь берем из этого же девятого «Б» другого учащегося — Николая Терехова. Шпанский парень, не буду скрывать. Приди вы по поводу него — ничуть не удивился бы! Учитя плохо, еле-еле на троечку вытягивает. Кстате, из семьи ушел отец. Одна мать и тачит Николая. Ну, вызывал ее, беседовал. А она плачет: «Так я ж не могу в его уроках разобраться, товарищ директор, как мне его проверять? А на

репетиторов денег у меня нет!» Она машинистка... Мне ее по-человечески жаль, а у самого в голове мысли об отчетности по успеваемости, об отчетности для роно!

— По-моему, — заметил я, — вы берете полярные точки, говорю о Гладышеве и Терехове.

— Верно! — обрадовался директор Румянцев. — Правильно вы ухватили. А почему беру? Да потому, что они оба учатся в одном классе. Вы мне можете возразить: «Пусть Терехов идет в ПТУ, там он получит среднее образование да еще и специальность». Согласен. Получит. Но если бы в ПТУ пошел, скажем, Никита Гладышев, уверяю вас, специалист из него получился бы выше классом. Однако ни мы, ни родители не отпустим ведь Никиту Гладышева в ПТУ!

Директор Румянцев еще раз вздохнул, вернулся к столу, тяжело опустился на стул.

— Впрочем, — тихо заговорил он, — мне бы не хотелось, чтобы вы подумали, будто успеваемость школьников и их поведение зависят исключительно от уровня образования родителей. К сожалению, часто образованные родители в силу различных причин — занятость, просто нежелание, лень, равнодушие — не могут или не хотят уделять необходимое внимание ребенку. А вот, допустим, сын нашей гардеробщицы тоже отличник. Мать его с детства к труду приучила, к настойчивости, к любопытству, если угодно. Он, если чего не понял, с учителя семь потов сгонит, чтоб тот все объяснил, по полочкам разложил. Тут все, конечно, индивидуально. И о Никите Гладышеве я так, к примеру просто. Понимаете?

— Понимаю, — кивнул я. — Вчера вечером Никита Гладышев погиб.

Мои слова прозвучали для директора Румянцева громом среди ясного неба. Он даже весь сжался.

— Боже мой, — чуть шевеля губами, пробормотал он, — Гладышев был верным кандидатом на золотую медаль...

Понятное дело, в этот момент директор Румянцев не осознавал всей нелепости своих слов.

— Его что же, — он как-то боком, неуклюже потянулся ко мне, — убили?

Я не ответил, пожал плечами.

— Господи, скорей бы уж эти два оставшихся года с плеч, — страдальчески воскликнул директор Румянцев. — И все — на пенсию! Пускай другой на мое место садится, кто помоложе, у кого нервы покрепче, а я свое отдал...

Если окажется, что Никита Гладышев покончил с собой, директору Румянцеву не позавидуешь: вереницей потянутся всякого рода комиссии. «Почему? Как такой роковой исход могли просмотреть школа, педагогический коллектив и вы лично, товарищ Румянцев? Кто виноват? И вообще что за человек он был, этот ваш Гладышев, которого вы, товарищ директор, считали верным кандидатом на золотую медаль?»

Что и говорить, не позавидуешь ему. А мне?

Вообще-то легче пока идти от «несчастливого случая». Но путь наименьшего сопротивления, как известно, не самый лучший. Однако у меня сейчас объективно больше фактов за то, что произошел несчастный случай. И нет, по существу, ни одного серьезного «против». Утонуть у этого проклятого причала проще пареной репы. Когда-то, в годы войны, сюда угодила бомба, после которой осталась глубокая воронка. Даже время не смогло ее заткнуть. К тому же разрушенные металлические конструкции переплелись, как спрут щупальцами стискивают. Кроме того, Никита Гладышев, по словам матери, плохо плавал, боялся воды. В детстве мальчик перенес тяжелейший грипп с осложнением; в холодной воде у него тотчас же сводило ноги, оказывается, он уже дважды тонул. А весна в этом году у нас выдалась холодная. Совсем не теплое нынче Черное море!

Что еще за несчастный случай? Конечно же, шторм. Был очень сильный шторм. А на причале никого, кроме подростка. Мог сбить с ног ветер, могла налететь волна, обрушиться, утащить в воду...

О том, что Никита Гладышев практически не умел плавать, я и хотел сказать «Серсемьчу». Впрочем, еще скажу. Успеется. Потому что даже такое серьезное обстоятельство все равно не снимает с меня необходимости отработать и остальные версии — убийство и самоубийство.

— Скажите, — через паузу заговорил я, — какие отношения были у Гладышева с одноклассниками?

— Хорошие, — уверенно ответил директор Румянцев. — Ребята уважали его.

— А с преподавателями?

— В целом нормальные.

— Что значит «в целом»? — Я уловил какую-то неуверенность в голосе собеседника, пожалуй.

— На него иногда жаловалась Елизавета Павловна Ромашина, класный руководитель.

— Почему?

— Ну... — Он замаялся. — Разные мелочи. Чего не бывает во время урока!

— А что из себя представляет Ромашина?

— Хороший специалист. Прекрасный методист по литературе и русскому языку. Умеет поддерживать дисциплину в классе.

— Понятно. Это, так сказать, с профессиональной точки зрения. А как человек?

— Молода, красива... Правда, иногда бывает вспыльчивой. Насколько мне известно, у нее в семье какие-то нелады с мужем. Однако, я думаю, это к делу не относится, поэтому хотел бы, чтобы сие осталось между нами, не люблю испорченный телефон. Хорошо?

— Разумеется. Я смогу встретиться с Ромашинной?

— Сегодня она уже ушла из школы.

— Не сегодня. В следующий раз. Я позвоню.

— Пожалуйста, — кивнул директор Румянцев. — Боже мой, то, что вы сообщили, у меня до сих пор не укладывается в голове.

Я встал.

— Я могу сказать преподавателям о случившемся? — спросил он.

— Конечно.

— Когда похороны? Вам это известно?

— Завтра в город возвращается отец Никиты. Похороны, видимо, семнадцатого числа.

— Все учителя придут! — зачем-то заверил меня директор Румянцев. — И я тоже.

Он вяло пожал мою руку. Ладонь у него была маленькая, сухонькая. Да он и сам — полное несоответствие с крепким, рубленым лицом — худосочный, узкоплечий человек с тяжелыми, набрякшими мешками под глазами. У него, очевидно, не все в порядке с почками. Я смотрел на директора Румянцева глазами сорокаторехлетнего здоровяка, и мне было искренне жаль этого человека, которому до пенсии осталось всего два года. А сейчас у него могут быть разные неприятности, связанные со смертью учащегося его школы. Хотелось сказать директору Румянцеву что-нибудь утешительное, дружески-участливое. А говорить-то как раз и нечего было, потому что в начале расследования вопросов всегда больше, чем ответов. В данном же случае вообще не было никаких ответов, одни лишь вопросы...

...Я вернулся в прокуратуру, и меня вызвал к себе Сергей Семенович. На этот раз мы сидели не пятнадцать минут, а часа полтора, обсуждая сложившуюся ситуацию. Потом позвонил прокурор и попросил нас обоих зайти к нему.

Рабочий день уже кончился, а мы все еще сидели в кабинете у прокурора, обменивались мнениями.

15 мая 1978 года, понедельник, 20 часов

Дома, на столе, — записка: «Ужин на плите. Разогрей. Ушли с Галкой в театр. Ксения».

Большой презент маме: согласилась вместе пойти в театр! Галке почти шестнадцать, у нее свои интересы. У нас в ее годы интересы больше совпадали с родительскими. Да и время какое было: после войны я, например, работал с отцом в одном цехе.

Впрочем, нам грех жаловаться на дочь. Растет целеустремленный человек. Да, с семьей у меня все в порядке, как говорится, крепкие тылы. Я люблю приходить домой. И не очень люблю уходить из дома.

Разумеется, Галка предпочитает проводить свободное время со своими приятелями, которых у нее, кажется, миллион.

Но все-таки есть одно место, куда она с большим удовольствием отправляется вместе с нами, даже поторапливает. Я говорю о доме наших друзей Михайловых. Галка думает, что мы с матерью не замечаем, как меняется ее лицо, стоит ей увидеть Валерку Михайлова.

Рано еще думать о замужестве дочери, однако же я не стал бы возражать против Валерия Михайлова как будущего зятя. Единственное, что мне не очень в нем нравится, — уж слишком спокоен, без преувеличения — олимпийское спокойствие. Ну, право же, нельзя быть таким спокойным в восемнадцать лет! Впрочем, если иметь в виду активный характер Галки, выдержка Валерия — это даже к лучшему...

...Вымыл и убрал посуду, я прошел в комнату, распахнул окно. С моря дул прохладный ветер. Изредка доносились гудки тепловозов. Я примостился на подоконнике — привычка с детства, от которой не могу избавиться, — и стал смотреть на море, думать.

Версия о несчастном случае прямо-таки лезет сама, назойливо лезет, спасу нет, как лезет. Что же меня смущает в ней? Собственно, ничего не смущает. Я готов с ней согласиться, пожалуйста, я не против... Вот если мне кто-то убедительно объяснит, почему Никита Гладышев пришел в штормовую погоду на разрушенный причал; если мне кто-то подкажет ответ, чьи очки лежали у него в кармане и зачем ему понадобилось носить при себе двести рублей?.. Я даже согласен «списать» последний вопрос: зачем ему понадобилось носить при себе эти деньги? В конце концов это его личное дело. Но вот откуда они у него? Кто их дал Никите? Зачем, с какой целью?

Екатерина Ивановна ничего не знала об этих деньгах, что крайне странно, если иметь в виду, будто Никита никогда от нее ничего не скрывал. Ах, бедная женщина, как она убивалась, когда ее привезли в морг и показали труп сына...

Мы установили личность юноши легко: на его наручных часах было выгравировано: «Н. Гладышеву — Красногвардейский РК ВЛКСМ. 31.12.77 г.»

Через два часа мы уже имели первые необходимые сведения. Потом привезли мать для опознания, так положено. Она упала в обморок.

Иногда я думаю: почему, за что люблю свою профессию? Сколько страдания подчас приносит она и мне и другим...

Я еще до Серсемьча, едва приехал на место происшествия, задал себе вопрос: «Что этого парня понесло в шторм на разрушенный причал? Перво-наперво подумал, что у него могла быть девушка, с которой он договорился там встретиться, а потом уже ничего не мог переиграть, потому и пришел на причал. Надо сказать, бывший третий причал — одно из самых популярных мест у влюбленных парочек. Но Екатерина Ивановна сказала, что у Никиты не было девушки, с которой бы он встречался.

Постовой милиционер, дежуривший недалеко, сообщил, что причал вчера вечером был безлюдно. Правда, показание милиционера в данной ситуации мало что значит, так как штормить начало примерно в восемь вечера и он отправился в управление порта, где находился до одиннадцати вечера. Эксперт же полагает, что смерть Никиты Гладышева наступила между двадцатью одним и двадцатью двумя часами.

Что же могло привести Никиту в штормовую погоду на причал?.. Екатерина Ивановна никак не могла этого объяснить. В воскресенье в пять вечера она ушла к подруге на день рождения, сказав сыну, что оттуда отправится в клинику на ночное дежурство. Два раза она звонила домой и разговаривала с Никитой. Первый раз она позвонила в шесть часов. Сын сказал, что готовит уроки. Потом позвонила через час. Сын сидел за книгой, перечитывая в который раз «Три мушкетера» Александра Дюма. Больше она ему не звонила. В десять часов вечера Екатерина Ивановна поехала в клинику. Утром, вернувшись домой, она не застала сына и была убеждена, что он в школе.

Так... Что дал мой визит в школу, к директору Румянцеву? Мало. Никита Гладышев был одним из лучших учащихся, комсомольцем, обществу. Отношения с ребятами хорошие. С преподавателями — нормальные. Хотя на него иногда жаловалась Елизавета Павловна Ромашина, классный руководитель 9-Б. «Почему?» — уточнил я. «Разные мелочи. Чего не бывает во время урока!» — ответил директор Румянцев. Вот именно — чего не бывает. Во всяком случае, меня эти «разные мелочи» интересуют. Директор назвал Ромашину резкой, вспыльчивой. И сказал, что у нее какие-то нелады в семье, с мужем. Ну и что с того для меня? Ничего! Директор Румянцев восторженно отозвался, хвалил Федора Борисовича Гладышева. Кстати, Сергей Семенович, а потом и прокурор тоже называли отца Никиты хорошим человеком, деловым. А они оба редко кого хвалят.

Завтра Федор Борисович возвращается из Москвы. Да-а, вот это самое страшное — родителям хоронить своих детей! Протесту естественно...

Серсемыч и прокурор мысли не допускают, что произошло самоубийство, хотя и считают, что эту версию я тоже должен проработать со всей тщательностью. Действительно, с какой стати было парню кончать с собой? Будь хотя бы кака-нибудь там «несчастливая любовь». В таком возрасте — если юноша очень уж восприимчивый, эмоциональный — может сорваться, наделать глупостей... Так ведь и девушки не было, с которой бы дружил или встречался! Целиком отдавался учебе, общественным делам в школе. Неприятности в школе? Наоборот, все прекрасно! Даже если и не сложились безоблачно отношения с классным руководителем, это же не причина, черт возьми... Тяжелая обстановка в семье? Это при хороших-то, умных родителях? Говорят, чужая жизнь — потемки. На людях можно быть одними, а дома — совсем другими. Нет, о семье Никиты Гладышева я ничего не знаю. Но должен узнать!.. Может быть, связался с плохой компанией? Такой вариант тоже нельзя исключать. И тут во многом надежда на Самсонова. Пусть постарается выяснить, была ли у Никиты Гладышева еще какая-нибудь жизнь, помимо школы и дома.

А если убийство? Месть? Или с целью ограбления? Нет, нетронутые деньги в кошельке основательно руют версию об убийстве с целью ограбления Никиты Гладышева...

За размышлениями незаметно пролетело время: почти половина двенадцатого ночи. Что-то задерживались мои женщины. Спектакль в театре давно окончился.

Я надел плащ и вышел из квартиры. Ночной воздух был терпко напоен запахами. Но сейчас мне было не до того, чтобы оценивать всю эту весеннюю благодать.

Я стоял у подъезда, курил и с тревогой всматривался в ту сторону, откуда, по идее, должны были появиться жена и дочь.

Неожиданно мое внимание привлекли всхлипывания и громкий шепот, доносившиеся из беседки, плотно закрытой дверями и кустарником. Я машинально сделал несколько шагов к ней и вдруг с удивлением узнал голоса Ксении и Галки.

Странно, почему они не идут домой, а сидят в беседке и шепчутся, да еще в слезах? Ох уж эти мне женские тайны!.. Как летит время! Не успели мы с Ксенией опомниться, а дочь-то невеста и тайны у нее появились...

Я решительно раздвинул ветки и шагнул в беседку. — Что здесь происходит?

— Ой, кто тут? — испуганно вскрикнула Ксения. — Я, всего лишь я. А вот вы что делаете, дорогие мои? О чем шепчетесь, почему слезы? И вообще не пора ли домой? Спектакль давно окончился!

— Да, да, — кивнула Галка и попыталась улыбнуться. — Правильно, папа, спектакль кончился. Но только он недавно кончился. Пойдемте домой.

И все это — на одном дыхании, на одной ноте. Гм-гм... — Может, мне все-таки объяснить, что здесь происходило? — проворчал я, беря руку Галки. — Какая сильная драма разыгралась в тихой беседке? Я ведь тоже любопытный!

— А никакой драмы, папа! — Галка резко выдернула свою руку. — Просто твоя дочь дура, неврастеничка и злока. Вот и все!

Иной раз ее грубая прямолинейность ошарашивает, и даже теряешься, не находишь, что сказать. «Неужели это все из-за бедной акселерации?» — иронизирую я над попытками жены смягчить эти пусть редкие, но все-таки неприятные выходы Галки. Однако я все чаще и чаще задумываюсь над тем, что

модная ныне акселерация — это не выдуманная кем-то проблема, что она проявляется не только в том, что Галка уже на полголовы обогнала мать, что эта загадочная штука еще в чем-то, что, быть может, и вовсе не поддается расшифровке.

Мы молча вошли в подъезд. Галка не стала ждать, когда спустится кабина лифта, а направилась пешком на пятый этаж.

— Не сердись на нее, Дима, — тихо сказала Ксения. — Она, кажется, поссорилась с Валерием.

— Мировой катаклизм! — Я развел руками. — Еще сто раз поссорятся, а на сто первый помирятся.

— Нет, у них что-то серьезное произошло, — возразила, вздохнув, Ксения. — Но Галка не говорит.

— Слушай, дорогая, — сердито ответил я, — меня больше волнует, что завтра я встану с большой головой, а моя работа, между прочим, требует здоровой головы!

Я с трудом удержался от искушения грохнуть дверью лифта.

16 мая 1978 года, вторник, 9 часов 30 минут

Звонил городской телефон. Я поднял трубку.

— Дмитрий Васильевич? Самсонов говорит.

— Слушаю вас, Игорь Демьянович.

— Я к вам заеду минут через пятнадцать.

— Жду.

Стоило закончить разговор с Самсоновым, как по местному позвонил заместитель прокурора и срочно попросил зайти. Кабинет Серсемыча через три двери. Я вошел и увидел, что он стоит у окна и вертит в руках какой-то конверт.

— Тут, Дмитрий Васильевич, — медленно заговорил Сергей Семенович, — ерунда, знаешь ли, получается...

— Что именно? — насторожился я.

— Вот! — Он протянул конверт. — Анонимка пришла на Гладышева-отца. Черт знает что! Анонимка, она, конечно, и есть анонимка, но, сам понимаешь, как сигнал ее тоже не следует со счетов сбрасывать, коли такое происшествие с парнем вышло. Дыма без огня не бывает.

Я сунул конверт в карман и пошел к себе.

Итак, анонимка пожаловала. Симптом. Тропиночка к истине или же, наоборот, чье-то злонамеренное желание сбить следствие, направить его по ложному пути? По-разному случается, когда приходит такой «подарок».

...В конверте лежал сложенный вдвое листок с машинописным — как водится! — текстом: «Никита Гладышев погиб из-за тирана-отца и глупой матери, протившей своему муженьку измену ей. А сын-то не простил! Охоч товарищ Гладышев до молоденьких женщин. Семья он разбивает из-за своих сердечных увлечений. А еще называется руководителем! Однажды на моих глазах, на вокзале, он обнимал и целовал молоденькую женщину, а в руках у нее были свертки. Одарил, выходит!»

От этой анонимки пахло кухонными склоками. И тем не менее мимо этого сигнала нельзя было равнодушно проходить.

Постучав, в комнату вошел инспектор Самсонов и прямо с порога начал:

— Я узнал насчет очков, Дмитрий Васильевич. Были такие в наших аптеках, но давно. Мне посоветовали съездить в Черновин. Одна из сотрудниц аптекоуправления гостила там месяц назад и видела эти оправы, они немецкие, из ГДР. Я попытался связаться с Черновином по телефону, но не удалось. Где-то нарушена телефонная линия. Может, мне и в самом деле съездить туда? Окошечко появилось между другими делами.

— Что ж, не возражаю, — кивнул я. — Вот взгляните. — И протянул Самсонову анонимку. — Сегодня пришла.

— Без почтового штемпеля конверт, — заметил инспектор.

— Да. Опушено в почтовый ящик на здании прокуратуры. Задание для вас, Игорь Демьянович, остается прежним, но с учетом того, что пожаловало письмо, нужно попробовать установить прежде всего, кто из жильцов дома работал или работает вместе с Федором Борисовичем и Екатериной Ивановной Гладышевыми, узнать, какие между ними отношения. Выяснить, у кого в доме имеются пишущие машинки, ну, и, естественно, попытаться достать машинописные образцы с них. Практика показывает, что авторы анонимок чаще всего бьются из ближайшего окружения тех, на кого потом и шлют свои послания. Безусловно, это вовсе не означает, что сейчас не может быть иначе. Нужно побывать в строительном тресте, установить контакты там.

— Интересно, какой микроклимат был в семье Гладышевых? — сказал Самсонов. — Побеседую с участковым инспектором. Может, даст информацию о Никите, не замечен ли был в какой-нибудь подозрительной компании.

— Верно, — согласился я.

Переговорив с Самсоновым, я позвонил директору Румянцеву и попросил передать Ромашину, что хотел бы с ней встретиться сразу после уроков.

— Когда они сегодня кончатся у Елизаветы Павловны?

— Одну секундочку, Дмитрий Васильевич, взгляну в расписание... Ага, у нее четыре урока. Значит, в двенадцать двадцать. Но обычно после уроков преподаватели обедают в школе. Приезжайте к двенадцати сорока пяти.

— Договорились. Я буду ждать ее в вестибюле.

16 мая 1978 года, вторник, 12 часов 45 минут

— Директор сказал, что вы приглашаете меня на прогулку...

В голосе — насмешка, а взгляд между тем серьезный, цепкий.

Эффектная женщина Ромашина Елизавета Павловна. Высокая, стройная. В глазах и движениях — властность.

— Надеюсь, вы не против? — простоудушно спрашиваю я.

— Ну, отчего же против? — Легкое пожатие плечами. — Уроки у меня кончились. Полагаю, часа нам с вами хватит?

— Вполне!

Мы вышли из школы, и Елизавета Павловна сама предложила маршрут:

— Пойдемте к морю!

Спустились к набережной. Над головой шумно кружили чайки. Ромашина на мгновение подняла голову, на лице промелькнула гримаса безразличия.

— Не люблю этих птиц! — бросила она.

— Чаек? — удивился я, как-то прежде никогда не задумываясь над своим отношением к ним. Чайки для меня были все равно, что рыбацьи шаланды или гудки теплоходов. — Почему же вы не любите чаек?

— Не знаю, — легко ответила она. — А разве вы все можете объяснить?

Мне показалось, что Ромашина хочет прощупать меня и сознательно пытается заострить разговор. Что ж, я готов помочь ей в этом. Мне тоже интересно увидеть ее разной. Скажем, разговор в прокуратуре, в моем кабинете, или в школе — у директора Румянцева — заранее был обречен на определенную «служебную стилистику». Здесь же совсем иное дело. Медленно прогуливаясь по набережной, слушая, как вода бьется о гранит, мы оба можем позволить себе разговор почти непринужденный. И мы как бы проверяли себя, а способны ли на подобный тон разговора.

— Впрочем, — неожиданно улыбнулась Ромашина, — я могу сказать, почему не люблю чаек. Их считают чуть ли не символом свободы. А они истерично и жадно кричат и до крови, до смерти забивают друг друга. В этих птицах есть какое-то поразительное противоречие между формой и содержанием. Мне же не по душе раздвоение. Наверное, в чем-то я идеалистка.

Насколько она идеалистка, я не смог бы сказать, но то, что эта броская женщина весьма категорична в своих суждениях, в этом я почему-то уже не сомневался.

Мы незаметно дошли до порта, точнее сказать, до прежних его границ. Показался бывший третий причал.

— Скажите, где его нашли? — внезапно спросила Ромашина.

Она говорила о Никите Гладышеве.

— Вон там, справа, — показал я рукой.

— Какой ужас! — чуть слышно обронила Елизавета Павловна. — Если бы это случилось с моим сыном, не знаю, что бы я...

— Елизавета Павловна, — перебил я, — расскажите мне о Никите Гладышеве. Я хочу понять, что за человек был этот юноша.

— Вы полагаете, что учителя так уж хорошо знают своих учеников? — не без горечи откликнулась Ромашина.

И замолчала. Она долго смотрела на воду, лениво плескавшуюся около причала. А еще два дня назад здесь безумствовал шторм.

— Собственно, что вы хотите доказать своим расследованием? — Елизавета Павловна резко повернулась ко мне.

— Я хочу установить истину: как и почему погиб Никита Гладышев. Пока меня не убеждает, не удовлетворяет ни одна из трех версий, над которыми мы работаем. Могло произойти убийство, самоубийство и несчастный случай.

— Но так ведь не может быть! — возразила она. — Что-то одно из трех?

— Совершенно верно, — ответил я. — Я сконцентрировал внимание на версии, по которой...

— Гладышева убили, да? — напряженно перебила Ромашина.

— Нет, — покачал я головой, — по которой с ним произошел несчастный случай.

— Вам что же, так удобнее? Почему?

— Почему? — повторил я. — Я вам отвечу. Если не возражаете, вопросом на вопрос. Выходит, вы допускаете, что Никиту Гладышева могли убить, столкнуть в воду?

— А вы опасный собеседник, Дмитрий Васильевич, — заметила Ромашина. — С вами ухо остро нужно держать!

— Ну, вам-то зачем его со мной так держать? — пожал я плечами.

— Не скажите, не скажите! — живо возразила Ромашина. — Вы следователь. А погиб учащийся из моего класса...

Ее намек был более чем прозрачен. Ромашиной, как и директору Румянцеву, тоже хотелось, чтобы я искал причину гибели Никиты Гладышева где-то в ином месте.

И сделал вид, что не понял смысла ее слов. И продолжал:

— Например, мог кто-нибудь отомстить Гладышеву? Мог Никита быть для кого-нибудь врагом?

— А почему бы и нет? — вдруг жестко произнесла Ромашина. — У него был трудный характер.

— Ну, а покончить с собой Никита Гладышев мог? Такое вы допускаете? — Я посмотрел на нее в упор.

— Когда речь идет о Гладышеве, — помолчав, ответила Ромашина, — я допускаю все что угодно.

— Вот видите! — усмехнулся я. — Вы тоже допускаете все, что угодно. Однако у вас есть передо мной одно несомненное преимущество. Вы классный руководитель девятого «Б». Сколько лет вы знали Никиту Гладышева?

— Пять.

— А я его совсем не знал. Поэтому давайте вернемся к характеру Гладышева. Вы назвали его трудным. Но почему?

— Потому что он был талантлив!—ответила Ромашина.—А у талантливых людей характер всегда нелегкий. Да, Никита был талантливым мальчиком. Это несомненно. Легко учился, прекрасно рисовал, обладал сильной волей. Все это делало его личностью. И, естественно, притягивало к нему остальных ребят. Постепенно вокруг него возник ореол исключительности. А рядом с исключительностью всегда эгоизм!.. На мой взгляд, Никита принадлежал к той части нынешнего поколения мальчиков и девочек, которые не знают слова «нельзя». Суть их—тихое непослушание. Они не хулиганят, не шумят на уроках, вежливы, не выражают бурно своих обид, но всякий раз сделают по-своему. Они активны в своем отрицании, хотя эта активность внешне никак не проявляется. Допустим, шалопай Коля Терехов из моего же класса может позволить себе пустить бумажного голубя по классу, однако этим он не сорвет урок, потому что на остальных ребят его голубь не произведет особенного эффекта. А Никита Гладышев мог сорвать урок, например, спросив: «У Пушкина были внебрачные дети? А Наталья Николаевна Гончарова все-таки изменяла когда-нибудь Пушкину?» Вот вы, дорогой следователь, окажись на моем месте, стали бы отвечать на такие вопросы?

— Как юрист я привык оперировать лишь проверенными фактами,—отшутился я.

— Но ведь всему есть предел!—раздраженно воскликнула Ромашина, не принимая моего шутильного тона.—Самое любопытное заключается в том, что еще относительно недавно у нас с Никитой Гладышевым были прекрасные отношения. А потом его словно кто-то подменил. И у меня появилось ощущение, что он ставит целью обязательно сорвать мой урок...

— Простите,—перебил я,—когда вы на это обратили внимание?

— Когда?.. Пожалуй, в начале второго полугодия. И все в интеллигентной форме. Вопросы, вопросы, вопросы... Его рука постоянно была поднята!

— Что поделаешь,—дружелюбно заметил я,—любопытность.

— Нет!—отчеканила Ромашина.—Это смахивало, уверяю вас, на ученическую наглость, а не на любопытность.

— По-моему,—возразил я,—это все же из разноплоскостных категорий.

— Вот-вот,—почему-то обрадовалась Ромашина.—Вы сейчас чуть ли не слово в слово повторили то, что сказал однажды Морозов!

— Кто такой Морозов?

— Преподаватель физики. Самый любимый учитель девятого «Б»!—В ее голосе прозвучали нотки ревности и раздражения.

— Это как же ему удалось?

— Самым легким способом!—ответила Ромашина.—Приглашает ребят к себе. Пьют чай с вареньем и печеньем. Слушают пластинки. Ведут разговоры об искусстве и науке. Играют в шахматы. Словом, Морозов шагает в ногу с современной педагогикой! Это, конечно, прекрасно и замечательно... когда нет семьи, когда нет других забот.

Она махнула рукой, в упор посмотрела на меня и с сарказмом бросила:

— Ну что, Дмитрий Васильевич, составили представление о классном руководителе девятого «Б»?

— То есть?—смутился я, потому что действительно уже составил о ней свое представление. Ничего не скажешь: умна, проницательна и с хорошей реакцией.

— Как же, как же!—насмешливо продолжала Ромашина.—По тому, как вы спрашивали, как слушали, я же видела, что вы прямо-таки лепите мой портрет. Думаете, я злая, скрипящая, консерватор? Все не такая! И свой девятый «Б» люблю. И хороших, и плохих, и отличников, и двоечников. Что вас еще интересует? Кладу руку на классный журнал и клянусь говорить правду, правду и только правду...

Вообще-то она нервничала. Я это видел.

— Никита Гладышев дружил с кем-нибудь из класса?

— Да, с Мишей Тороповым.

— Тоже отличник?

— Нет. Середняк. Довольно робкий, пугливый мальчишка. Ему частенько доставалось от Терехова. Вот уж кто сорвиголова!

— Что же связывало Гладышева и Торопова?

— Не знаю,—пожала плечами Ромашина.—Думаю, Никите нравилось выглядеть еще более эффектно на «среднем плане» Миши Торопова. Вы только поймите меня правильно, товарищ Красиков. Я потрясена случившимся, но думаю, что для вас теперь важнее не мои эмоции, а...

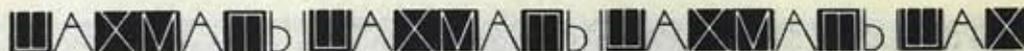
— Да, да!—кивнул я.—Конечно. Ваш рассказ для меня очень важен. Скажите, а какие отношения были у Гладышева с Тереховым?

— Наверное, сложные. Видите ли, они оба претендовали на роль лидеров в классе. Никита, так сказать, в плане интеллекта, а Терехов—физической силы. И каждый из них хотел держать класс под своим влиянием. Впрочем, Терехов не рисковал задираться с Гладышевым, насколько мне известно.

— Понятно.

Мы поговорили с Елизаветой Павловной еще несколько минут и распрощались.

Продолжение следует.

Под редакцией
международного арбитра,
заслуженного
тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Дорогие читатели! «Смена» открывает свое традиционное заочное соревнование—читательскую шахматную олимпиаду. На старт приглашаем и вас и всех любителей шахмат из разных городов и районов СССР и дружественных стран.

Шахматная олимпиада-82 состоит из десяти туров, в каждом по одному или несколько заданий. Участникам состязания предстоит разбирать оригинальные позиции из практической игры, решать шахматные задачи и этюды, отвечать на вопросы шахматной викторины, прокомментировать гроссмейстерский поединок, организовать и провести классификационные турниры новичков на получение спортивного разряда по шахматам.

За правильное выполнение задания засчитывается обусловленная оценка (от одного до десяти баллов). Она же сохраняется в

случае обнаружения побочного ответа, нерешаемости, какого-либо дефекта в исходной позиции. Максимально возможная общая сумма баллов—100.

По наивысшей оценке определяются шесть победителей олимпиады и двадцать ее призеров. Все они вместе с самыми активными популяризаторами шахмат—устроителями турниров новичков премируются шахматной литературой, сувенирными шахматами или фотоснимками видных советских гроссмейстеров, а также специальными дипломами «Смены». Имена победителей и призеров мы при подведении итогов олимпиады вместе с краткими решениями композиций опубликуем.

Устанавливаются классификационные нормативы на получение или повышение спортивных разрядов по шахматам (при условии участия во всех без исключения десяти турах олимпиады)—31 балл на получение четвертого разряда, 52 балла—третьего и 92 балла—второго разряда.

В период с января по 28 февраля 1982 года (согласно почтовому отправлению) каждый читатель, желающий участвовать в олимпиаде, посылает в адрес редакции письмо, в котором сообщает в краткой шахматной нотации ответы на задания первого тура, а также свою фамилию, имя и отчество, год рождения, точный обратный адрес, где и кем работает или учится, имеет ли какой-нибудь разряд по шахматам. Необходимо также вложить в конверт письма почтовую открытку, это позволит жюри оперативно, в феврале—марте 1982 года проинформировать участников нашего соревнования об их регистрационных номерах. В дальнейших письмах в редакцию (откликах на последующие туры) регистрационные номера должны обязательно указываться. На конвертах всех писем просьба слева сверху ставить пометку «24-я шахматная олимпиада «Смены», тур первый».

ТУР ПЕРВЫЙ

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балл).

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балл).

Черные начинают и делают ничью (2 балла).

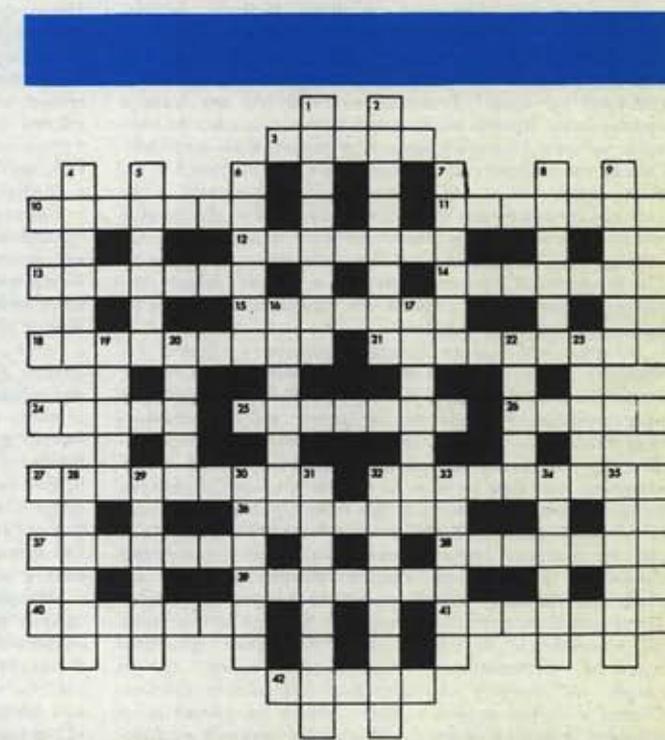

По горизонтали:

3. Краткое сообщение о событиях и фактах. 10. Традиционный персонаж итальянской комедии масок. 11. Транспортный самолет. 12. Коллектив музыкантов-исполнителей. 13. Растение, выделяющее нектар. 14. Парнокопытное животное, обитающее в лесах Индостана. 15. Места для зрителей на стадионе. 18. Дирижер, народный артист СССР. 21. Траянистое декоративное растение. 24. Резная планка для изготовления рам, карнизов. 25. Опера Б. Сметаны. 26. Река в Казахстане, используемая для орошения. 27. Видимое изменение положения небесного светила. 32. Особый прием в игре на музыкальных инструментах. 36. Перечень книг, картин, экспонатов. 37. Полевой цветок. 38. Автор пьесы «Иркутская история». 39. Средний за много лет уровень в водоеме. 40. Областной центр на Украине. 41. Автор романа «Исполнение желаний». 42. Официальное сообщение о выполнении задания, результатах исследования.

По вертикали:

1. Оптическая система фотографического аппарата, микроскопа. 2. Животное рода енотов. 4. Арфистка, народная артистка СССР. 5. Советская спортсменка, неоднократная олимпийская чемпионка в фехтовании. 6. Радиопередача для молодежи. 7. Горный массив в Греции. 8. Французский комедиограф, актер XVII века. 9. Центр народного искусства художественной об-

работки металлов в Дагестане. 16. Пояснение автора к тексту пьесы. 17. Стихотворение В. В. Маяковского. 19. Венгерский композитор, автор оперетт. 20. Бразильский порт на берегу Атлантического океана. 22. Раствор кислоты, используемый для маринадов, консервов. 23. Повесть А. В. Калинина. 28. Зем-

ляной орех. 29. Режиссер и художник, народный артист СССР. 30. Гармоническое сочетание нескольких музыкальных звуков. 31. Произведение Н. Гарина. 32. Окись алюминия. 33. Порт на Енисее. 34. Древнеримский писатель. 35. Горная порода, строительный материал, декоративный камень.

Составил Т. КОЛОДКОВ
Москва
КРОССВОРД

НАКАТАННЫЙ ВАРИАНТ?

В № 15 «Смены» за прошлый год мы опубликовали рассказ Виктора Шалатонова «Накатанный вариант». Его герой — молодой человек по фамилии Крюков — обрел «долгожданную свободу»: развелся с женой. И вот, полживая на пляже, он предается радужным мыслям о свободе холостяцкого бытия. А рядом расположилась компания под предводительством некоего Паши — средних лет «рокового» мужчины. Паша ведет открыто пошлые рассуждения о женщинах, в особенности «разведенках с прицепом» — одиноких женщинах с ребенком. В подтверждение своих громогласных тирад он устраивает эксперимент. «Подопытные» — молодая женщина с ребенком, очень напоминающие Крюкову его жену и сына Олешку. И тут герой рассказа со всей отчетливостью понимает, чем может обернуться эта его призрачная свобода для бывшей жены и сына... Понимает, что «накатанный вариант» его развода ничуть не лучше накатанных вариантов пошлых ухаживаний Паши.

Читатели обсуждают проблемы, поднятые в рассказе Виктора ШАЛАТОНОВА

В каждом письме, пришедшем в редакцию, — несостоявшееся счастье, сложенная судьба, детская беззащитность, порожденная ссорой родителей, порой горькая, почти кричащая исповедь. Эта почта требует деликатного к себе отношения: многие просят сохранить рассказанное и свое имя в тайне. Читаешь, и кажется, что навстречу тебе идут люди — растерянные, ищущие поддержки или защиты, ждущие совета. «Разошлись с мужем, а так никого в жизни и не встретила», — думает вслух немолодая уже женщина. «Потерял! Потерял я Лену навсегда!» — этот немой крих невозможно не услышать. Третье письмо — и представляется мальчишка с замкнутым лицом, глаза полны грусти: сегодня «приемный день» у папы... Судьбы, судьбы, часто принесенные в жертву случайной ссоре или нелепому подозрению.

Читатели увидели в рассказе не одного героя — трех: Крюкова, «рокового» Пашу и — семью.

ГЛАВНЫЙ, НО НЕ ГЕРОЙ И «БЛАГОПОЛУЧНЫЙ» ПАША

По всем канонам литературы главный герой этого рассказа, безусловно, Крюков. «А мне Крюков кажется просто-напросто слабым, душевно бедным человеком», — пишет Е. Чернова из Москвы. — Если он так ценит свои умственные способности, то позволительно спросить: а почему же их не хватило на то, чтобы разобраться в своей семейной ситуации? Думается, не такая уж она была и критическая. Просто мягкотелый Крюков поплыл по воле волн, забыв и о сыне и о жене. И неудивительно: он эгоист. Самый настоящий!» Действительно, приглядываясь к герою, вдумаемся в его «пляжные» рассуждения: а не говорят ли они о том, что это он сам рисует себя этакой исключительной личностью? И где уж жене понять его? «Чтобы тебя понимали», — пишет читатель Абахаров из Дзержкаганской области, — нужно и других людей стараться понять, а не ставить их ниже себя. Тем более любимого человека — жену».

По сути, эта самая «свобода» Крюкова — скрытое его желание быть не обремененным семейными заботами, ответственностью за семью. «Да и не сможет как следует распорядиться Крюков непоспаванной ему посредством суда свободой», — высказывается А. Чернега из Ростова-на-Дону. — Ведь его интересы, хотя автор сказал о них вскользь, довольно мелкие, по ним не угадаешь глубокую, разностороннюю личность героя. А между тем эти интересы могли бы развиваться в общении с женой. Что с того, если она не захотела серьезно отнестись к его увлечениям какими-то деревенскими? Уверен, займись он чем-то достойным мужчинами — она бы проявила интерес». Высказывание, конечно, резкое, однако есть над чем задуматься. Не получается ли порой, что требования: уважать мужское достоинство, признавать мужа главой семьи — на поверку оказываются бессновательными. Гвоздь в стену такой «глава» вбить не умеет и не желает, интересы жены — по боку, собственные же увлечения нелюбимы. Где уж тут уважение? «Кажется мне, что больше в лице Гали потерял Крюков, чем она в его лице», — пишет О. Борзенко из Винницы. — И хотя автор не познакомил нас с Галей, думается мне, что как личность она многограннее, чем ее муж».

Счастливым уровнем «духовной совместности», который прикрываются разводящиеся по «накатанному варианту», по мнению читателей, зависит далеко не от «тонкости» мироощущения Крюкова. Скорее именно

тонкости, чуткости, равного участия в несении бремени семейных забот и не хватает подобным «высокоорганизованным» натурам.

Итак, главный, но вовсе не герой. Таков читательский приговор Крюкову. Но еще тревожнее, что многие наши корреспонденты практически ставят знак равенства между Крюковым и пошляком Пашей.

«Также, как Крюков, по сути, ничем не отличаются от Паши», — негодуя пишет С. Фомина из Костромы. — Ведь небрежное отношение к семье, к любви таких вот крюковых расширяет поле «деятельности» этих самых пап. И они процветают благодаря заносчивым и миготелым молодым петушкам-мужьям. Да, пожалуй, трудно-важно пришлось бы папам, будь отношение к жене, женщине сегодня не так размыто. Сколько писем напоминает о тех временах, когда оскорбление, пошлые слова в адрес женщины не просто наказывались — за них платили по самому суровому счету. Увы, теперь совсем не так: женщины могут оскорбить и на улице, и в общественном месте, и в том самом ужасном, в семье. И вместо рыцарского отношения к ней все более и более растет, принимая уродливые формы, другое отношение — потребительское. В одной школе учительница литературы попыталась устроить диспут среди старшеклассников — «Современные рыцари любви». Так вместо разговора в классе зазвучал пошловатый хохот: мол, какие уж там рыцари, когда и так полно симпатичных и доступных девочек.

Вот он, фундамент пашиной философии, которая используется в широком обиходе.

Перед нами письмо-исповедь, письмо-крик. Просьба сохранить в тайне имя и город не позволяет привести его полностью, но его содержание, по словам автора, — «горькая наука доверчивым, наука, которой женщина обязана овладеть». А история с виду проста: «разведенка с прицепом» в минуты отчаяния встречает такого вот Пашу, ребенок привыкает к нему, насплет слезливается семья. И тут Паша показывает свое истинное лицо — негодяя и потребителя. Конец такой истории, думается, понятен всем: еще одна трагедия в жизни женщины.

«Паша действует испытанным методом: реклама собственного благополучия, замешанного на «Жигулях», гарнитурах, тряпках», — пишет ленинградец М. Соловьев. — Может быть, для кого-то и есть истинное, страстно желаемое семейное благополучие. Но мне думается, что человек, меряющий супружеские отношения этими мерками, скрывает за ними просто-напросто свое неуважение к семье». Эту характеристику не стоит подкреплять еще чем-то: ясно, что Пашино благополучие нужно взять в кавычки.

ГЕРОЙ, ТРЕБУЮЩИЙ ЗАЩИТЫ

Этот герой, судя по письмам, — семья. «Рассказ обнажает, заостряет проблему, которая глубоко волнует автора и меня тоже: как защитить самую хрупкую и ранимую, самую крохотную и в то же время глобальную по социальным и государственным масштабам ячейку нашего общества — семью?» К этому высказыванию Татьяны К. из Перми присоединяются почти все наши корреспонденты. Действительно, на символической карте социальных проблем лалочка рядом со словом «семья» сигнализирует постоянно. Растущее количество разводов, дети без отцов, инфантильные мужья... Об этом пишут публицисты, размышляют ученые. Но, пожалуй, нет смысла превращать обсуждение рассказа в еще одну статью под рубрикой «Школа молодой семьи», постараемся остаться в рамках предложенной автором ситуации.

Накатанный вариант. Он прочно вошел не только в бракоразводные процессы — к сожалению, и в жизнь многих молодых семей. «Вышла замуж по большой любви... Потом поняла...» «Когда встречались, казался интересным, компанейским парнем. Потом оказалось — слаб к выпивке. Жить с ним просто невозможно, а есть дети...» Таких строк в письмах очень много: казался одним — в семье же совсем другой. Конечно, ситуации печальные, но так ли виноваты только он или она — не оба ли? Любить, встречаться и жить одной семьей — большая разница. Говорят, нет ничего худшего, чем раздумывать, взвешивать на весач такое чувство, как любовь. Верно. Но подумать о том, нужно ли быть вместе — всегда быть вместе! — именно с этим человеком, думается, нелишне. Черновик годится для сочинения на вольную тему, но никак не для семьи. Раз женился, два женился... Тоже ведь накатанный вариант, а какой дорогой.

«На работе я вежлив и всегда спокоен, не допускаю срывов по отношению к друзьям. А вот на жену могу сорваться и без всякой причины», — сетует рижанин Р. Булайтис. Тема «домашней разрядки» от усталости, рабочих проблем — почти в каждом письме. И дома проблем хватает: быт, дела. Часто приходится сдвигать: «Семейная жизнь заела». Да, принцип «с мыльем рай и в шалаше» давно отвергнут. Но не рождает ли это, с другой стороны, некую прагматическую уверенность, что семейная жизнь — обязательно сумма каких-то трудностей и не иначе. Получается, что, пока человек один, он подчас легко переносит трудности, решает проблемы. Когда же с ним рядом появляется второй — супруг или супруга, то эти же трудности вызывают взаимное раздражение. Мы часто говорим: нужно работать над собой, но почему-то забываем, что рабо-

тать нужно и над своей семьей. Этой работе, к сожалению, многие молодые не обучены.

«Как сберечь любовь без компромиссов?» — спрашивает В. Скрипачев из Риги. Почему именно компромиссы? Почему не просто искренность, взаимовнимание, доверие — то, что так свойственно хорошим людям. А эти хорошие люди, увы, становятся участниками бракоразводных процессов и держат речи, в которых их хорошее не увидеть при всем желании.

«У моей бабушки был сундук, в котором хранился, в моем представлении, всякий хлам: старые шляпки, перчатки, шарфики, письма... Она часто вынимала ту или иную вещь и долго-долго смотрела на нее, думая о чем-то своем», — продолжает свое письмо Татьяна К. из Перми. — Я смеялась над бабьими причудами. И только спустя годы поняла, что для нее это было «нажитое» в самом глубочайшем значении этого слова: за каждой вещью были ее юность и зрелость, горе и радость, потери и приобретения. И мне хотелось бы, чтобы тех, кто, ведомый пылостью, по сути, «накатанным вариантом» к разводу, остановил вот такой сундук. Заветный. В котором было бы самое бесценное богатство — их любовь, их человеческая близость. Кто задумается над моими словами, тот задумается и над тем, стоит ли безоглядно этим богатством швыряться».

Этим бы и закончить рассуждения о втором герое рассказа — семье. Но, к сожалению, при всей своей беззащитности герой этот нуждается и в защите от тех, кто, казалось бы, борется за него. Но как бороться! «Моя подруга много терпит от мужа: и пьянство, и грубость, и измены. Но ведь живет же с ним и не помышляет расставаться. У них все, как у людей. И квартира, и машина, и дачка небольшая. Дети есть. Так чего же все это рушить? Зачем? Вот и Крюковы — жили бы, как все», — рассуждает читательница, пожелавшая остаться неизвестной. Как все. Значит, наша корреспондентка советует всем закрыть глаза на то, что действительно несет опасность для семейной жизни. Прощать — и тем самым плодотворно влиять, создавать для них благодатную почву. «Во имя сохранения семьи нельзя прощать гадости и подлости. Именно во имя ее сохранения». Думается, эти слова из письма О. Комиссаровой из Тюмени лучший ответ сторонникам принципа «как все».

ГЕРОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ГЛАВНЫЙ

Этот герой — Олешка. Странно, но в письмах он не назван. Возможно, из-за негероического возраста, а возможно... Не будем разбираться в причинах, настолько тревожит сам факт. Неужели для кого-то безразличны страдания ребенка, родители которого разведены? Неужели он всего лишь «прицеп»? Не хочется в это верить. Скорее наши корреспонденты просто были очень взволнованы именно «взрослыми» проблемами рассказа. Но и обездоленный Олешка спустя несколько лет предпослест своим легкоиссленным родителям сложные, очень «взрослые» проблемы. Тут достаточно напомнить, что комиссия по делам несовершеннолетних в основном имеет дело с детьми из неблагополучных семей. Но думать в первую очередь приходится не об этом, а о детском страдании. «Через два года совместной жизни мы спокойно договорились о том, что лучше расстаться», — рассказывает А. Комаров из г. Печора, Коми АССР. — И вот, когда я собирал вещи, вошел младший сын. Он плакал и требовал от матери, чтобы я осталась... Никогда не прощу себе этого. Во имя чего я причинил ребенку такую боль?! Разве может быть счастливым человек, если рядом детское горе? Нет! И еще вот что. Наши дети — продолжение хорошего и плохого в нас. И печально, если Олешка Крюков уверится на примере своих родителей в плохом — станет его продолжать».

К такому письму, как говорят, комментарии излишни. Наверное, ребенку потому и никогда не объяснить, что ушла любовь, не сошлись характером и т. п., ибо он дитя этой любви. И ему не смиришься с тем, что он, выходя, ошибся. Не понять и не принять. «Мамочка, а скоро бы у вас с папой была бы серебряная свадьба. Вот бы мы пир на весь мир закатали», — с грустью сказал взрослый сын нашей читательнице Тарановой из Братска. «И когда, пусть в ситуации воображаемой, кто-то из Крюковых услышит подобное от своего взрослого ребенка, он поймет, в какую страшную, безысходную сторону понеслась их жизнь — по «накатанному варианту», — заключает она. И, думается, это наиболее точное заключение нашей читательской конференции по рассказу Виктора Шалатонова.

Андрей КОМАРОВ

Редакция благодарит читателей, чьи письма послужили основой для обзора: В. Иноземцев из г. Дзержинска Горьковской обл., В. Исаев из г. Энгельса, Л. Каштанов из г. Ухты, В. Кирсанова из с. Сергеевка Днепровской обл., И. Круляк из г. Ангарска, Г. Меркулова из г. Ардатов Мордовской АССР, Н. Гурджиян из г. Ташкента, В. Мордашко из г. Обухова Киевской обл., Л. Мергорову из г. Бахмача Черниговской обл., Н. Нестерову из Москвы, Г. Новоселова из г. Кирова, В. Платонова из г. Облучье Хабаровского края, М. Попову из Москвы, В. Сергеева из Ленинграда, Г. Урванцеву из Нижнего Тагила, А. Усманова из г. Печора и В. Яковенко из Житомира.

ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА, СМЕНА, -82. КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?

В последних номерах минувшего года редакция пригласила читателей журнала принять участие в традиционной ежегодной читательской летучке. Им была предложена анкета, состоящая из пятнадцати вопросов. И вот перед нами солидная стопка заполненных анкет. Разные почерки. Ответы предельно краткие и пространные. В летучке приняли участие люди разных возрастов: от 13 до 60 лет. На конвертах штампы, проставленные почтовыми отделениями, охватывающими географию от берегов Тихого океана до Балтики, от Таймыра до Ашхабада. Анкету заполняли школьники и студенты, рабочие и инженеры, военнослужащие и ученые, преподаватели — словом, и люди, умудренные жизненным опытом и знанием, и те, кто лишь еще стоит на пороге взрослой жизни. Отсюда и различные точки зрения. Отсюда и широта, огромный круг интересов, на которые, по мнению читателей, должен откликнуться журнал. Горы пожеланий! Чтобы выполнить их, «Смена» должна по крайней мере «потолстеть» в несколько раз.

Многие советы, предложения, критические замечания редакция, как говорится, принимает к сведению и руководству в своей практической работе.

КАК «СМЕНУ» ЧИТАЮТ И ЧТО ОБСУЖДАЮТ

Василий М. из Челябинска: «Читаю от корки до корки». Н. Н. Якимов, инженер из г. Кирова: «Большие массивы текстов в первой трети журнала нечитаемы». Постоянный подписчик из Ставрополя Е. А. Приймико: «Люблю литературные публикации. Вырезаю и переплетаю лучшие повести и рассказы. Образовалась солидная библиотека». Учительница из Иркутской области: «Я географ. Поэтому ваши публикации в рубриках «Молодые города», «Красота родной земли» (жаль, последняя стала появляться редко) служат мне хорошим подспорьем для занятий».

«На комсомольском сборе в общежитии, — пишут комсорг, староста и воспитатель ПТУ из Краснодарского края, — при заполнении анкеты «Смены» разгорелись споры, возникла прямо-таки дискуссия. Вечер прошел отлично». Художник из Москвы: «В семье обсуждали материалы рубрики «Далекие — близкие». Постановили: вечные истины требуют вечных доказательств». Листая страницы журнала «Смена», всегда можно познакомиться с очень интересными и близкими людьми, а это и есть именно порядочный человек, — утверждает читатель из Новгородской области.

Можно продолжить цитировать строки из анкеты. Назовем лишь одну тему, которую читатель не оставил без внимания, — нравственность. Она, по его мнению, всегда в центре внимания журнала. Действительно, через призму нравственности мы стремимся смотреть на проблемы экономики, социальные, политические, международные; с позиций нравственности формируется и литературная часть журнальных страниц. «Вы должны этими публикациями, — как подметил челябинский рабочий, — помочь молодежи выработать твердые принципы и взгляды на все стороны жизни и всегда руководствоваться ими». «Нам безразлично, каким будет последующее поколение, — пишет в анкете Салиев, инженер из Уфы. — У нас в наставниках и воспитателях отцы и деды — фронтовики, а у них кто будет?» Читатель из Сочи заметил: «Журнал «Смена» приобрел всеобщее уважение и популярность и будет еще лучше, если станет больше помещать воспитательных статей, с критикой молодых людей, не имеющих собственного мнения, а слепо подражающих чуждому». В более резкой форме написал в анкете читатель из Москвы: «Не хочу, чтобы рядом был подросток в форме американского капрала. Иностранцы «шмутки» не так уж безобидны. Молодежному журналу полагается быть более задиристым и резким в суждениях о влиянии буржуазной идеологии на молодежь».

ПЕРВЫЕ ДВА ВОПРОСА АНКЕТЫ И ОТВЕТЫ НА НИХ

Вопрос первый. В новой рубрике «Первичная организация: слово и дело», открытой в 1981 году, мы начали обсуждение работы низовых комсомольских организаций, составляющих основу комсомола. В преддверии XIX съезда ВЛКСМ, по нашему мнению, эта тема актуальна. Редакция опубликовала две крупные подборки материалов. Получены уже первые отклики на них. Учащийся техникума Андрей Бурдаков пишет: «Мы прочитали письмо Веры Казаковой «Где тонко, там и рвется», опубликованное в «Смене». Эта тема нам близка, и ее мы решили вынести на повестку дня комсомольского собрания».

Редакция попросила читателей назвать адреса комсомольских организаций, чей опыт пригодился бы для молодежи. В анкетах названы адреса организаций, по мнению читателей, заслуживающих внимания. В своих письмах читатели указали на ряд проблем работы в первичках. Инженер-программист из г. Жданова: «За последнее время (кроме комсомольских собраний) в низовых организациях ничего интересного не видела. Все делается не от души, для галочки. Нужно менять стиль работы в корне. Искать новые формы, а то все устарело. То, что вчера было интересно, сегодня надоело». Михайлов из г. Калинин: «Рубрику о первичных организациях надо продолжить». Вопрос: «Как наполнить работу первичной организации революционной романтикой наших дней?» Или: «Покажите комсомольского работника, по-ленински преданного делу». Читатель из г. Кирова: «Предлагаю тему «Честность» — о том, как

тяжело быть принципиальным. И почему им надо быть. Речь о сделках с собственной совестью. Молодежь — максималистична. Пожив немного, она либо теряет веру в справедливость, убедившись, что быть честным и принципиальным трудно, либо изменяет своим убеждениям. Введите рубрику «Проблемы комсомола», ставьте острые вопросы на обсуждение комсомольцев, публикуйте авторитетных авторов, желательно, чтобы выступали и ответственные комсомольские работники».

Вопрос второй. Он касался широкого круга тем, связанных с трудовым воспитанием молодежи, ее участием в осуществлении экономических задач XI пятилетки. Предложенные журналом темы читатели в основном одобрили. Особенно их интересует рубрика «Работа как дело жизни». В анкетах подчеркивалась необходимость не выпускать из виду и материальную сторону этой проблемы. «От того, как ты работаешь, во многом зависит, как ты будешь жить», — подчеркивает читатель из Уфы. В ряде анкет затронута тема «Потребление». С одной стороны, читатели указывают на нехватку различных товаров, с другой, обращают внимание на «потребительство», выработавшееся у части молодежи. «В связи с этим, — предлагается в одной анкете, — необходимо в «Смене» завести разговор о воспитании разумных потребностей. Привлечь для этого разговор социологов, экономистов, демографов. Провести дискуссию на научной основе, с хорошими выкладками». Названия этой темы предложены разные: «Вещи — мешанство или дань моде», «Встречают по одежке» и т. п.

Читатели призывают журнал не лакировать, а бичевать всякие недостатки, исследовать причины спекуляции, дефицита, переплаты — вознаграждения из-под полы, из-под прилавка, с заднего крыльца... «Вот острая и всех волнующая проблема», — советует фрезеровщик В. Кирев из Каунаса.

Намеченная журналом тема «Освоение» или участие молодежи в развитии восточных и северных районов заинтересовала читателей по ряду причин. Во-первых, немало желающих стать первопроходцами, во-вторых, вызывает интерес жизнь и работа тех, кто уже снялся с насиженного места, в-третьих, романтика... Читатель из Ленинграда, много ездивший по стройкам, замечает: «Я встречал дикость, безнравственность, отсутствие культуры. Но я был свидетелем и другому. Если человек честен, верит в жизнь, в свою правоту, он в самых глухих углах устоит перед любой грязью и грязь отступит перед ним». И он предлагает глубже вникнуть в проблему работы в экстремальных условиях. В теме «Освоение» экономист из Владимира ждет критического анализа причин, мешающих комплексному освоению районов». Инженер из Рязани предлагает редакции в теме «Экономия» обратить внимание на рациональное использование ресурсов не только на производстве, но и в быту.

ТЫСЯЧА И ОДНО ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Только так можно назвать эту главу, прочитав и подсчитав ответы на остальные вопросы анкеты. Огромен список людей, с кем бы хотели встретиться читатели на страницах журнала: писатели, актеры, музыканты, художники, ученые, общественные деятели... Указаны сотни адресов, куда бы стоило направиться нашим журналистам. Десятки тем, вопросов, на которые должны на страницах журнала ответить ученые. А сколько вопросов к клубу «Музыка с тобой»! Его публикации посвящены целые трактаты, музыкаведческие исследования. Восемнадцатилетний москвич Михаил Сухов: «Я попробую пошире высказаться на этот счет». И на восьми страницах изложил, как о музыке пишут в молодежных журналах соцстран, как — в нашей стране. В заключение пожелал «Смене»: «Очень хочется видеть ваш журнал в следующем году менее скучным, более обогащенным хорошим музыкальным материалом».

Большой круг предложений связан с международными вопросами. И это понятно. В сложное время мы живем. Масса новых проблем. Е. Струнин: «Тема «Молодежь и ислам» — расскажите». «Разоблачая империализм, — советует другой читатель, — покажите, как молодежь капиталистических стран борется за свои права...»

Затронутые журналом проблемы развития массовой физкультуры и спорта мало кого оставили равнодушными. Правда, было и такое суждение: «Чрезмерное изобилие спортивных тем — признак интеллектуальной деградации. Эти темы следует резко ограничить!» Подпись: служащий (ИТР), член ВЛКСМ, 28 лет (член комитета комсомола), г. Москва.

Однако, уважаемый «ИТР», с вами многие читатели не согласны. «Спорт есть спорт. Без спорта наша жизнь бессмысленна», — пишет слесарь из Дзержинска и предлагает тему спорта расширять, а главное, углублять. Читатель из Москвы резюмирует: «Физкульт-ура!» можно крикнуть тогда, когда будет покончено с околофизкультурными жучками». Другой замечает: «Если журнал рассчитывает на каждого, а не на рекордсмена, то он должен рекомендовать широким массам доступные формы занятий». Ленинградец Сергей Хроненко дополняет: «По-моему, многим поможет бы «Советы физкультурнику» — быть может, следует их давать на страницах «Смены»».

Одна читательница, заполнив анкету, внесла много различных предложений. Она ученица 9-го класса из Кондопоги. Широк круг ее интересов. В конце заметила: «Мир увлечений. Жаль, что этой рубрики в журнале нет!»

Участники заочной читательской летучки предложили провести на страницах журнала новые конкурсы, викторины, игры.

Тысяча предложений!

К этой тысяче редакция хотела бы добавить лишь одно: давайте, уважаемые читатели, вместе с нами воплощать их в жизнь. Вы наши добрые друзья и помощники. Спасибо Вам за добрые слова, критические замечания, интересные советы и предложения. Многие из них уже учтены в перспективном тематическом плане редакции на 1982 год.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.11.81. Подписано к печати 03.12.81. А 05226. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1145000 экз. Изд. № 2. Заказ № 1664. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЮНЫМ ГРАЖДАНМ ПЛАНЕТЫ

В ноябре 1981 года в Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран, состоялась VIII советско-японская встреча «Проблемы эстетического воспитания детей», организованная Ассоциацией деятелей литературы и искусства для детей ССОД и Японским институтом художественного воспитания. В этой встрече приняли участие видные советские и японские педагоги, ученые, писатели, художники, специалисты в области эстетического воспитания детей и подростков.

Своеобразным эпиграфом к встрече стали слова Льва Толстого, обозначенные в ее программе: «Воспитание есть воздействие на сердца тех, кого мы воспитываем». Участники встречи обсудили более десяти докладов, посвященных актуальным проблемам художественного образования юных граждан нашей планеты. В выступлениях отмечалось, что обмен опытом между СССР и Японией в области эстетики обоюдобен и полезен. Подчеркивалось: хорошо, что наши страны, успешно развивающие сотрудничество в политической, экономической и других областях, теперь вместе предпринимают попытку объединить усилия в поиске и выработке общих тенденций воспитания подрастающего поколения.

На встрече говорилось: искусство, и в первую очередь искусство, обращенное к детям, способно повлиять на очень многие процессы международной жизни. Деятели культуры должны сделать все от них зависящее, чтобы сохранить на Земле мир и красоту. Художнику по силам сформировать в ребенке личность человека, способного самостоятельно мыслить, творчески трудиться, рыцарски отстаивать честность и справедливость.

Андрей ЯХОНТОВ,
вице-президент
Ассоциации деятелей
литературы и искусства
для детей

ВЕРХОМ НА СОХАТОМ

Вот уже три десятилетия опыты с лосями проводят в Печоро-Ильчском заповеднике, где создана первая в мире лосеферма. На вольном выпасе здесь находятся сейчас почти тридцать лосей — целое стадо. Некоторые из них, запряженные в сани, перевозят древесину из тайги, помогая лесорубам. Кстати, сохатый выносливее и сильнее, чем лошадь.

Проводятся на ферме и другие эксперименты. На лосях много раз ездили верхом. Этим особенно интересуются охотники и геологи. Будем надеяться, что у них в скором времени появится добрый и надежный помощник.

— Но и это не все, — говорит Михаил Вениаминович Кожухов, крупнейший в стране специалист по одомашниванию этих животных. — Ценные лекарственные свойства обнаружены в лосином

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ «СМЕНЫ»

«Дорогая редакция!
Мне нужно было получить справку в домоуправлении, и я накануне предупредил своего мастера, что могу задержаться часа на два. Но пришлось долго ждать в очереди, и так получилось, что на завод я попал только за час до окончания рабочего дня. А мастер сказал, что ставит мне прогул, да еще грозился объявить выговор или перевести на три месяца разнорабочим. Прав ли он?»

В. КРАСНОВ,
токарь, г. Пермь»

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ КОММЕНТИРУЕТ ЮРИСТ А. АНДРЕЕВ

Прежде всего мастер неправильно квалифицировал действия рабочего. Согласно трудовому законодательству, прогулом считается неявка на работу без уважительной причины в течение всего рабочего дня. Появление на работе в нетрезвом виде также является прогулом, независимо от того, когда это имело место — в начале, середине или конце рабочего дня. Если рабочий все-таки вышел на смену, как в данном случае, то он совершил не прогул, а опоздание.

За прогул без уважительной причины применяется одна из следующих мер взыскания (ст. 135 КЗоТ РСФСР): замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок. Или увольнение с работы с указанием в трудовой книжке, что работник уволен за прогул. Мастер, вернувшись к письму читателя, допустил еще одну ошибку, заявив, что, помимо выговора, рабочий будет переведен на нижеоплачиваемую работу. Ведь за одно нарушение накладывается только одно взыскание, предусмотренное статьей 135 КЗоТ РСФСР.

Если на рабочего наложено дисциплинарное взыскание за опоздание на работу, а он не согласен с этим, то может обжаловать решение администрации в установленном порядке в комиссии по трудовым спорам. Если решение комиссии рабочего не удовлетворило, он может обратиться в ФЗМК, а затем и в народный суд.

От редакции: наша юридическая консультация продолжает работу. Ждем ваших вопросов.

молоке, а в рогах найден биологический стимулятор, сходный по воздействию на человеческий организм с растениями из семейства женьшеневых. Вот и еще одна профессия лося — врачеватель.

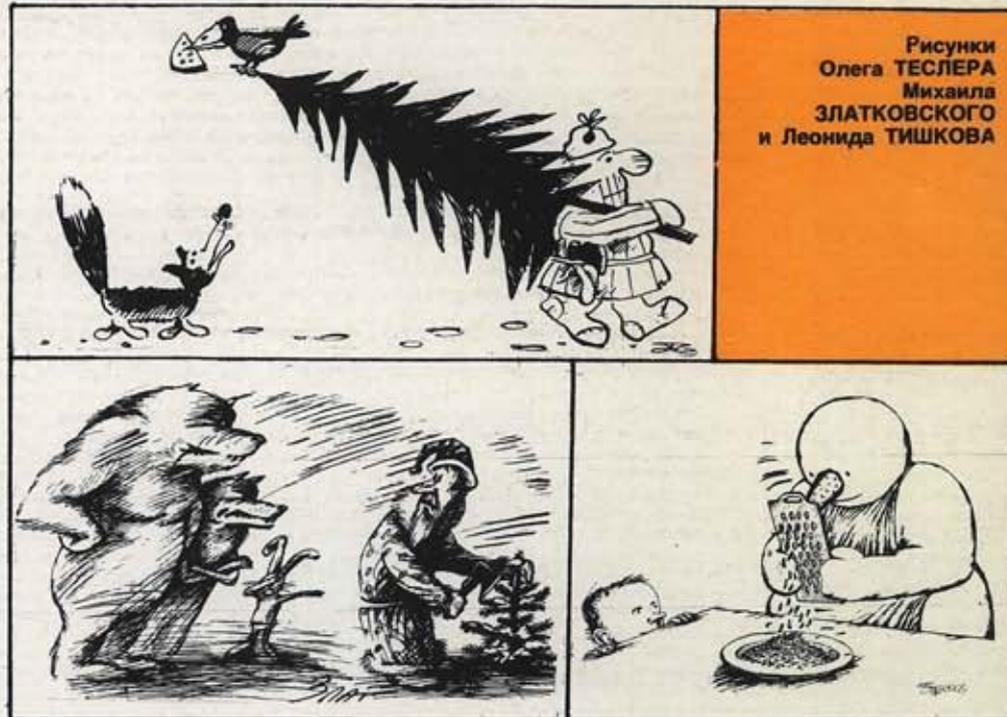
...Мы идем с М. В. Кожуховым по территории лосефермы. Внезапно он останавливается, складывает ладони рупором и кричит: — Алыча! Елань! Анапа! С разных сторон к нам подходят лосихи, к которым пугливо прижимаются рыжеватые стройные детеныши.

Лоси идут к людям.

Валерий ПЛЕШАКОВ

КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ

Говорят, каждая улыбка прибавляет нам год жизни. Это, конечно, шутка. Но мы оптимистически верим, что в каждой шутке есть немалая доля правды. По крайней мере нам хорошо известен научно установленный факт: смех лечит. И мы любим лечиться, глядя на 32-ю страницу «Смены», где обычно публикуются очень смешные рисунки. Впрочем, иногда и не очень смешные — что поделат, даже на юмор бывает дефицит. Но вы-то, наши постоянные читатели, вы не останетесь в стороне от хорошего — и смешного! — дела. Найдите карандаш, нарисуйте смешной рисунок и присылайте нам. Давайте посмеемся вместе.

Рисунки
Олега ТЕСЛЕРА
Михаила
ЗЛАТКОВСКОГО
и Леонида ТИШКОВА

«Смена» объявляет конкурс юмористических рисунков «Юмор-82» и приглашает к участию в нем художников-юмористов — любителей и профессионалов.

Тематика и количество рисунков не ограничиваются.

Авторы могут присылать рисунки до 1 ноября 1982 года (по штемпелю) по адресу: 101457, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена», с пометкой «Юмор-82». Размер рисунков 30×30 см, техника свободная. Лучшие рисунки, отобранные членами жюри, будут публиковаться в течение года. Итоги конкурса жюри подведет в конце 1982 года.

Победителям конкурса будут вручены дипломы «Смены» и призы.

Присланные рисунки не рецензируются и обратно не высылаются.

АРХИМЕД ИЩЕТ ПРОБЛЕМУ

Наверное, на втором месте после изобретателей велосипеда самые неугомонные — изобретатели спичек. Сначала мечталось сделать спичку дешевой, хорошо горящей и на ветру, и в дождь, и дома. Теперь беспокойство возникло на другом полюсе проблем: как сэкономить древесину? Ведь в дело идет только половина спички.

«Мое личное предложение, — поделился Н. М. Васин из Кривого Рога, — делать спички с двумя головками с обеих сторон. Тогда можно еще раз использовать вторую половину спички. Экономия древесины... Вооружившись этим письмом и еще десятком идей «вечной спички», мы попросили компетентного человека прокомментировать их.

— Можно посоветовать не изобретать спичку, — сразу сказала главный технолог производственно-технического управления промышленности древесных плит и фанеры, ведающего и спичками, Галина Львовна Поспелова. — Та привычная спичка, что есть сейчас, — лучший вариант. Уже предлагались и спички со сменными головками, и «вечные» — из нитроцеллюлозы — их можно зажигать, гасить и снова зажигать о коробок, и такие, как предложил товарищ Васин. Но дело в том, что деревянная спичка универсальна. Сорок семь миллиметров ее древесины горят двенадцать-тринадцать секунд. Этого достаточно для того, чтобы зажечь плиту, развести костер, прикурить, осветить, ища что-то в темноте... Конечно, древесины на те же восемьдесят миллионов коробок спичек, выпускаемых в день, идет много. Но пока самое лучшее — искать возможности ее экономии в улучшении технологии, упаковки. Кстати, спичку с двумя головками не позволяет выпускать именно технология...

— Значит, пока мало что может заменить спичку?

— Почему же? — возразил Анатолий Николаевич Межевич, главный инженер ленинградского научно-производственного объединения «Буревестник». — Вы забыли про зажигалки.

Спрос на них тоже достаточно велик — двенадцать миллионов в год.

Правда, пока они дороги.

— Это для тех, кто курит. А для хозяек?

— Для хозяек мы тоже разрабатываем зажигалки.

Пока — только электрические. Это скорее «поджигалки». Ведь они дают не пламя, а искры. Но вот недавно мы рассматривали проект зажигалки на пьезоэлементах. Пусть вас не пугает название — это элементы, дающие ток при механическом воздействии — ударе, сжатии...

— Так стоит изобретать спичку?

— Попробуйте. Для подстраховки зажигалок...

Андрей ДЯТЛОВ

А ЧТО У ВАС?

ЗИМУШКА— ЗИМА

Геннадий ДЕНИСОВ

Зима в Абрамцеве

Нас электричка принесла—
В Абрамцеве зима бела!
А лето превратилось в спички,
Уложенные в коробке.
И тает где-то вдалеке
Знакомый голос электрички.
В Москве зима как не зима,
В Москве ее тусклее краски.
В Абрамцеве зимой запахло,
Как пахнет свежестью туман.
О, это грустно и грешно
Понять такое с опозданием.
Зимую в прятки с обознаньем
Играть нам в городе дано.
Мы очень, видимо, смешны,
Своим открытием поражаясь,
Как батареи разряжаясь,
Играем весело в снежки.
А небо над землей блестит,
Как будто голубая ваза.
И я убит,
И я убит
Ядром снежка четыре раза.

Снег

Урок на миг остановился—
Не на экране, а в окне
Вдруг появился, закружился
Январский снег, январский снег.
Он под ноги проходим лег,
Как заблудившийся щенок,
Он, словно клоун несмешной,
Сердца людские растревожил
И одинаковых прохожих
С неодинаковой судьбой
Себе заставил покориться
И на мгновение забытья—
Забить про все, что есть на свете,
И думать лишь о нем,
О снеге.
И мел в руках моих крошился,
И миг на снег глядели все,
А он за окнами кружился,
Как будто белка в колесе.

Цена номера 35 коп.

Индекс 70820

Анатолий БОГДАНОВИЧ

В ельнике

Летом ельник льет прохладу,
А зимой—тепло.
Глухариную команду
Снегом занесло.
С неба сыплются иголки.
И нещадный вой
Затевают где-то волки:
Кто еще живой?
Промелькнут лихие дровни,
И завьется след.
Керосиновый неровный
В ветках брызнет свет.
Стукну в мерзлое окошко.
Двери без замка...
Чай да сладкая морошка—
Ужин лесника.
Ельник лапами обхватит
Скользкую луну.
Я под шкурой на кровати
Лягу и усну.
Будет радость до озноба,
Если, вскинув хмарь,
Прямо в руки из сугроба
Выпорхнет глухарь.

Вечер

Ветер снег сметает с крыши,
Жжет глаза до слез.
И подпалины все выше
На окне в мороз.
Словно птицы, сбились в кучу
Низкие дома.
Я один. И вечер скучен.
Сказано—зима!
Обниму гармонь-подругу
На ремнях, кружа.
Ахнет, будто бы с испугу,
В клавишах душа.
И пойдет за вьюгой следом,
В думках о родном.
Тихим голосом, как светом,
Наполняя дом.